

Джон Карр
Любовница из преисподней

Минск: Універсітэцкае, 1995

Содержание:

- Джон Карр. Капкан для призрака (роман, перевод Г. Чемеринского), стр. 3-221
- Джон Карр. Любовница из преисподней (роман, перевод Ю. Буковского, Г. Надеждина), стр. 222-390
- Джон Карр. Убийство в античном стиле (повесть, перевод С. Савицкого), стр. 391-480
- Джон Карр. Гость в доме (рассказ, перевод А. Астапенкова), стр. 481-495
- Джон Карр. Убийство в ничьей комнате (рассказ, перевод Г. Рябцева), стр. 495-510

КАПКАН ДЛЯ ПРИЗРАКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОЧАРОВАНИЕ

«Конечно, не стоит лишний раз напоминать туристам, чтобы они остерегались трюков карманных воров и не попадались на уловки мошенников, которых в Лондоне предостаточно. Предусмотрительность также советует не вступать в разговоры с незнакомыми людьми на улицах. Всю необходимую информацию путешественник получит от любого из 16 000 полисменов (в том числе около 260 конных), которые патрулируют на улицах столицы».

Путеводитель Бедекера «Лондон и его окрестности», 1908 г.

Глава 1

Был прекрасный июньский вечер, и уже начинало смеркаться, когда поезд прибыл на вокзал Чаринг-Кросс. Дэвид Гарт вышел из здания вокзала и как раз собирался нанять один из новых автокэбов, когда впервые увидел мужчину, слова которого привели его в тягостное состояние.

Сидя в поезде, на протяжении всего пути от Фэрфилда он размышлял о Бетти Калдер. Он с неохотой уехал от нее, хотя речь шла всего лишь о нескольких часах. Однако встреча с пациентом, о которой он условился в столь странных обстоятельствах и в такое необычное время дня, нарушила его рутинную, спокойную жизнь.

Доктор Дэвид Гарт не был рядовым врачом. О Дэвиде Гарте, специалисте с Харли-стрит¹, говорили как о враче-неврологе с будущим (правда, неизвестно, с каким будущим, частенько подшучивал над собой Гарт).

Перед отъездом из Фэрфилда он переоделся в смокинг, будто между Кентом и Лондоном пролегла какая-то мистическая граница. Его белые перчатки и блестящий цилиндр словно укоряли запыленный поезд. Ему было тридцать восемь лет, и, вопреки насмешкам над самим собой, он был строен и импозантно выглядел. Однако, несмотря на весь этот показной почтенный вид, это был самый неисправимый романтик из тех, которые когда-либо существовали на свете. «Гм, подумал он. — Это еще как сказать».

Этот вечер он потом уже не мог забыть. Он помнил запах дегтя, который после жаркого дня проступал на деревянном настиле; помнил последние лучи солнца, садящегося за Трафальгарсквер; помнил приглушенный шум уличного движения, нарушаемый лишь звяканьем колокольчиков двухколесных экипажей или редким «пуф-пуф-пуф» проезжающего автомобиля.

Эти обычные звуки вокруг него сливались в каком-то нереальном сумраке, клубящемся над Чаринг-Кросс. А размышления доктора Гарта изумили бы его самых близких друзей — Винсента и Марион Боствик.

«Так значит, я впервые в жизни влюбился, — подумал он. — Клянусь, я влюбился».

«Приятель, — сказал его другой, внутренний голос, — это всего лишь биологическая потребность...»

«Да замолчи ты с этой твоей биологической потребностью! — прикрикнуло его разъяренное Я. — С этой твоей чертовой научной терминологией! Молчи, говорю тебе! Заткнись!»

Он расстался с Бетти в Фэрфилде; точнее говоря, недалеко от Фэрфилда, в домике на берегу моря, рядом с которым на песчаной отмели находился пляжный павильончик с кабинками. Жарким летом здесь рокотал неутомимый прибор. Каждый раз, когда Гарт вспоминал Бетти Калдер, эту невероятно достойную двадцативосьмилетнюю вдову, у него перед глазами всегда

---

¹ Улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов.

возникал образ, приводящий его (дословно) в отчаяние. Он представил себе Бетти как русалку. Однако на дворе был 1907 год. Уже одно то, что молодая вдова без компаньонки сама для себя купила домик на морском берегу, было слишком дерзким и смелым поступком.

Погруженный в эти размышления, он по Юго-Восточной и Чатемской железной дороге приехал в Лондон. Он шел через площадь перед вокзалом к стоянке кэбов, когда из сумерек его окликнул мужской голос:

— Эй, вы! Мистер! Доктор Дэвид Гарт?

— А?.. — Гарт вышел из задумчивости и решительно остановился. — Да? Слушаю вас.

На противоположной стороне Стрэнда, за засохшей грязью и клубами пыли, в нескольких магазинах виднелись отблески электрического освещения. Мимо с грохотом катились бело-зеленые омнибусы на конной тяге, периодически сотрясая электрические лампочки на всей улице.

Человек, подошедший к Гарту, ничем особенным не выделялся. Это был коренастый мужчина с полным лицом и в котелке с продавленным верхом. Вел он себя бесцеремонно. У него была толстая золотая цепочка от часов, и дышал он так, словно ему пришлось бежать.

— Вы доктор Гарт, верно? Позвольте поинтересоваться, доктор, вас уже вызвали в Скотленд-Ярд?

— Вызвали ли меня в Скотленд-Ярд? Нет, не вызвали. А разве существует какая-либо причина, по которой меня должны туда вызвать?

— Не будем строить об этом догадки, доктор, — неуступчиво сказал незнакомец. — Если вы направляетесь не туда, то позвольте спросить, куда именно вы направляетесь?

— Кто вы такой? И что вам угодно?

— Я из полиции. Моя фамилия Твигг.

— В таком случае могу проинформировать вас, что я еду к себе в приемную, где у меня назначена встреча с пациентом. Потом я отправлюсь на поздний ужин со своими друзьями — мистером Боствиком и его супругой, после чего поездом в одиннадцать двадцать вернусь.

— Не поздновато ли уже для встречи с пациентом, доктор?

— Обстоятельства иногда бывают не совсем обычными...

— Тут я с вами согласен. Что да то да. Однако я все же полагаю, что вам следует отправиться вместе со мной в Скотленд-Ярд.

— Неужели?! А зачем?

— Ну, не будем строить догадки, доктор. — С видом человека, которому все ясно, собеседник Гарта — олицетворение важности и презрения — протянул к нему руку и одновременно втянул в себя воздух сквозь дырявый зуб. — Если желаете взглянуть на мое удостоверение, прошу вас. Джордж Альфред Твигг. Детективный инспектор, уголовный розыск. Что же касается того, зачем мы хотим побеседовать с вами, то речь идет о некоем человеке, который, возможно (пожалуйста, обратите внимание, что я говорю «возможно»), ведет двойную жизнь.

В сумерках зазвенел колокольчик какого-то кэба. Гарт быстро сказал:

— Двойную жизнь? И кто же ведет двойную жизнь?

— Ну... это выяснится. Давайте сядем в кэб, там нам будет удобнее разговаривать.

— Инспектор, — подчеркнуто вежливо сказал Гарт, — я хотел бы, чтобы вы сразу меня поняли. Раз вы не желаете сообщить, что вам от меня нужно, я, к сожалению, не смогу сопровождать вас ни в Скотленд-Ярд, ни в какое-либо другое место. Намерены ли вы сообщить мне об этом?

— О цели этих вопросов вам сообщат в надлежащее время, мистер.

— В таком случае мои ответы вы получите тоже в надлежащее время. Спокойной ночи, инспектор Твигг.

— Послушайте, мистер, я предупреждаю вас!..

— О чем же, например? — спросил Гарт. Он снова остановился и обернулся.

Кроме уличного шума он ничего не услышал. Его собеседник не ответил, и Гарт махнул рукой водителю ближайшего автокэба. Шофер включил разболтанное, похожее на часы устройство, известное как таксометр, выскочил из кабины и с энтузиазмом принялся вращать заводную ручку. Инспектор Твигг что-то сказал, однако его слова заглушило рычание мотора, в который вдохнули жизнь. Дребезжа и громыхая крыльями, кэб выкатился на Стрэнд и направился налево, навстречу фарам экипажей, объезжающих Трафальгар-сквер.

Двухколесные кэбы, пролетки на четырех колесах и частные экипажи производили при их скорости такое впечатление, словно вот-вот врежутся в автокэб. Возница одного четырехколесного экипажа наклонился и с выражением невероятного бешенства на лице обругал обгоняющий его автокэб.

— Тьфу на тебя, проклятая дьявольская развалина! — прорычал он чуть ли не в самое ухо шоферу. — Тьфу на тебя, мошенник, предатель! Тьфу! Тьфу!

Он щелкнул кнутом так, что перепугал собственных лошадей, однако шофер совершенно не обращал на него внимания и выглядел невозмутимым и высокомерным, как лорд.

Известно, что возниц конных экипажей охватывает бешенство не только из-за этого шума, скорости и вони выхлопных газов. Что их раздражает больше всего, так это таксометр, который не позволяет шоферу обсчитывать вас, когда вы расплачиваетесь с ним. Теперь уже неудобно говорить об этом в обществе, однако большинство англичан охотно уплатили бы определенную сумму, чтобы только избавиться от этих парней. Восседающие на козлах, они ненавидят таксометры и даже отказываются взглянуть на них. Однако независимо от того, смиряются они с таксометрами или нет, судьба их мира лошадиных экипажей будет решена еще до начала тридцатых годов.

В это просто невозможно было поверить! Однако таков прогресс. Все эти мысли мелькали в голове у Дэвида Гарта, который, выпрямившись, сидел в кабине автомобиля, хотя теперь у него были другие заботы.

Упоминание о двойной жизни обеспокоило его больше, чем он был склонен признаться себе в этом. Да, конечно, он ведет двойную жизнь, по крайней мере в определенном смысле. А его друг Каллингфорд Эббот, заместитель шефа полиции, наверняка каким-то образом догадался или узнал об этом.

К чертям все это!

Его двойная жизнь вовсе не является незаконной. И она не имеет отношения к Бетти Калдер, а еще меньше она касается Винсента и Марион Боствик. Гарта беспокоит лишь одно — чтобы никто не стал над ним насмехаться.

Правда, если бы об этом узнал Винс Боствик, Гарту это не очень бы помешало. Со своим сверстником Винсом он дружил с детства. Винс выглядит, как типичный образчик человека, живущего на свежем воздухе. У него худое лицо, обветренная кожа, вьющиеся волосы с прямым пробором. Хотя, по правде говоря, он редко отваживался удаляться от Лондона, разве что ради тетеревиной охоты в Шотландии или игры в баккара в Остенде и Трувиле. Под беззаботным обликом Винса скрывается живой ум и повышенная чувствительность. Он и Марион, чьему браку в этом месяце исполняется два года, судя по внешним признакам, представляют собой именно тот тип элегантной, хорошо обеспеченной супружеской пары, для удовольствия и счастья которой словно бы и создана эдуардовская эпоха.

И все же у Гарта были определенные сомнения. Однако он всегда тут же ругал себя за них. Он очень любил Винса.

Марион, дочь офицера, родилась и воспитывалась в Индии. Когда родители Марион умерли от холеры, ее опекуном стал ближайший друг и начальник ее отца. А полковник Джон Селби из Бенгальской королевской артиллерии был человеком упорным и добросовестным. Он оплатил школьное обучение девочки. Поручил ее заботам строгой тетки, миссис Монтэг. А потом, выйдя в отставку с пенсией, равной половине жалованья, полковник Селби взял обеих женщин с собой в Англию, в чопорный мрачный дом на холме в Хэмпстеде². Там Винс Боствик познакомился с юной Марион. Не прошло и трех недель, как он попросил ее руки.

— Мой дорогой друг, — почти кричал он тогда, — говорю тебе, я хорошо знаю, что делаю. О Марион и ее семье никто не смеет сказать ни одного плохого слова.

— Успокойся, Винс! Никто не собирается говорить какие-то плохие слова об этой молодой даме. Ты в нее влюбился, насколько я вижу, да?

— Дружище, для меня это единственная женщина в мире. Я даже не подозревал, что способен испытывать такие чувства к кому-нибудь.

— А она тебя тоже любит?

---

² Фешенебельный район Лондона.

— Да, конечно! Тебе это может показаться непостижимым, но она любит меня!

— Что же, в таком случае, тебя беспокоит?

— Ну... Марион молода. Ей всего лишь восемнадцать, а я в два раза старше. Однако ведь в этом нет ничего плохого, разве не так?

Тогда Гарт не ответил на это. Он еще не был знаком с Бетти Калдер и не мог представить себе, что тоже способен потерять голову. До свадьбы он виделся с Марион лишь один раз, когда Винс однажды вечером привел его на ужин в Хэмпстед. О тете Бланш и дяде Сэле, другими словами, о миссис Монтэг и полковнике Селби у него остались лишь смутные воспоминания. Удивительная красота Марион как бы сгладила большинство других впечатлений.

От нее исходило какое-то сияние: от блеска темно-рыжих волос и румянца на свежей гладкой коже. В свои восемнадцать лет она держалась с такой уверенностью, словно была на десять лет старше. Гарт все же ощутил какое-то беспокойство, однако и тогда ничего не сказал. Если Марион хочет выйти замуж, чтобы избавиться от стариков и опостылевшей дисциплины, у Гарта было не такое сердце, чтобы нарушать явное блаженство Винса. Ему также не очень мешали атмосфера хэмпстедского дома и чувства, которые это строение пробуждало. По словам Винса, полковник Селби купил дом довольно дешево, так как у него была плохая слава: в нем три человека совершили самоубийство.

Окна закрывали плотные кружевные занавески. В просторной, похожей на пещеру гостиной, обставленной мебелью из светлого дуба, Марион вела остроумную и свободную беседу; звенел ее громкий смех, она была прелестна.

— Ну, что скажешь, дружище? — спросил Винс, когда вечер закончился. — Она тебе понравилась, разве я не прав?

— Да, конечно.

— Черт возьми, Дэвид, со мной ты ведь можешь не играть в прятки! Понравилась тебе Марион или не понравилась? Да или нет?

— Она нравится мне, Винс. Это очаровательное создание. Прими мои поздравления.

Из-за своей неуверенности на регистрации, которая спешно состоялась в хэмпстедском муниципальном совете, не присутствовали ни миссис Монтэг, ни полковник Селби, а у Гарта попросту не было оснований мешать счастью своего друга.

Благодаря богатству Винса все уладилось. После свадебного путешествия в Афины и Стамбул они купили дом в Гайд-Парк-Гарденз и начали приглашать в гости молодых людей. Это, несомненно, было неразумно.

И хотя у Марион имеются кое-какие черты характера, вызывающие беспокойство, и хотя время от времени она проявляет склонность к язвительным замечаниям и любит подчеркивать, что Винс намного старше, — несмотря на все это, скорее всего именно она из них двоих ведет себя с величественным достоинством. За два года она расцвела и стала красивой, импозантной женщиной. А Гарт позабыл о большинстве своих сомнений в результате того, что произошло с ним летом 1906 года в Остенде.

В Остенде, на этом весьма модном приморском курорте, от ветерка трепетали зонтики. Точно так же трепетали шляпы на высоких прическах дам. Дамские купальные костюмы были скандально смелы, — по крайней мере, кое-кто так утверждал, — а в казино игра шла по-крупному.

Гарт, возвращающийся из Вены, куда ездил по медицинским делам, заглянул однажды вечером (о котором он долго будет вспоминать) в казино.

— Доктор Гарт, — обратился к нему один коллега, — позвольте представить вам леди Калдер. С этого все и началось!

Каждый раз, когда он пытался анализировать свои чувства к Бетти Калдер, что само по себе случалось лишь изредка, он всегда вспоминал о двух особенностях. Ее покойный супруг, сэр Гораций Калдер, был, как оказалось, колониальным губернатором и надутой, важной шишкой. Она взяла на вооружение полный достоинства стиль, поскольку нуждалась в нем на протяжении всей своей супружеской жизни.

И все же, несмотря на это, двадцативосьмилетняя Бетти выглядела менее зрелой, чем двадцатилетняя Марион Боствик.

Правда, Марион на полголовы выше и осанка у нее, как у статуи, чего не скажешь о Бетти. Бетти предпочитает одиночество, а Марион не может обходиться без общества. У Бетти сильное воображение, а Марион его явно не хватает.

С тех пор как он впервые увидел Бетти, когда с доктором Гендерсоном и его женой они сидели в салоне казино и пили кофе, а она подняла глаза и их взгляды встретились, Гарт уже догадался о том, о чем вслух говорить не стал бы. Бетти легко краснеет. В ней есть застенчивость ярко выраженной женственности. Хотя она любит прогулки на свежем воздухе, воспитанность и чрезмерная стыдливость привели к тому, что она отказалась (почти с ужасом) ехать в Остенд и купаться в море на глазах у всех этих людей.

В нынешнем году, когда она купила домик на берегу моря в Фэрфилде, это уже нечто другое. В этом пустынном месте, где совсем нет людей, Бетти надевает самый модный купальный костюм 1907 года. У нее прекрасная фигура, выразительные карие глаза и каштановые волосы, которые очаровательно блестят, когда она распускает их на пляже. В сущности, она обладает какой-то страстной невинностью, которую Гарт в глубине души одобряет. Однако он не способен совладать со своей ревностью. Ему хочется, чтобы Бетти принадлежала ему и только ему одному.

Бетти, Бетти, Бетти!

Однако даже если это и объясняет, почему Бетти выглядит настолько младше и нежнее Марион Боствик, другой странный факт этим объяснить невозможно. Невозможно этим объяснить, почему Гарт до сих пор не познакомил ее с Винсом и Марион или почему даже не намекнул им о существовании Бетти.

Именно эта главная проблема начала мучить Гарта, сидящего сейчас в автокэбе, который с пыхтением ехал по Риджент-стрит.

Он влюблен в Бетти и гордится ею. Его мысли — так бы он ответил, глядя на вскинутые в любопытстве брови Винса, — строги и целомудренны. По какой же неосознанной причине он, в таком случае, не хочет, чтобы Винс и Марион познакомились с ней?

«Но ты ведь уже ответил на этот вопрос, — заявил один из его внутренних голосов. — Ты хочешь обладать ею один и только один. Ты слепо ревнуешь ее, даже к такому глупому, зеленому юнцу, каким является твой собственный племянник.

— Нет-нет, ничего подобного, — ответил другой, иронический, голос, — это не так. К Хэлу можно ревновать до определенной степени. Однако нет никакого смысла ревновать к Винсу и Марион. Так почему же ты никогда не говорил с ними о Бетти?»

Ровно неделю назад, в субботу, 8 июня, в театре Дейли впервые играли новую пьесу. Не было ничего необычного в том, что премьера состоялась именно в этот день. Премьера спектакля по пьесе «Раффлз, джентльмен-грабитель» с Джеральдом дю Морье в главной роли, на долю которой пришелся самый шумный успех прошлого года, тоже состоялась в субботу. На нынешний спектакль, музыкальную комедию «Веселая вдова», несколько друзей Винса решили отправиться организованно и заняли четыре ложи.

Там был и Гарт, и он жалел, что Бетти не пошла с ним. Пенящиеся платья и пенящаяся музыка, публика, которая, уже начиная с половины спектакля, мурлыкала про себя вальс веселой вдовы или «Иду к „Максиму“ я», все это улучшило настроение Гарта до такой степени, что он тоже напевал. Позднее, во время ужина в ресторане, возле него на соседний стул присела Марион Боствик.

На ней было глубоко декольтированное вечернее платье с серебристым отливом и такой затянутой талией, что Марион чем-то напоминала песочные часы.

От ее обнаженных плеч и модной американской прически отражался свет хрустальных люстр. На какое-то мгновение, словно в задумчивости, она перевела на Гарта взгляд своих голубых глаз.

— Дэвид, — внезапно сказала она, — у вас в последнее время есть какие-нибудь новые пациенты?

Это было так неожиданно, что Гарт рассмеялся; он просто не мог удержаться от смеха, между тем как Марион казалась обиженной.

— Но послушайте! Неужели то, что я сказала, было таким ужасно смешным?

— Все нет, но это был совершенно новый способ завязать разговор с врачом. Мое ремесло процветает, если можно так выразиться. Меня радует, что это вас волнует.

— Благодарю, однако меня это вовсе не волнует. Я пыталась лишь проявить вежливый интерес к вашей работе. Однако если мой интерес вам безразличен... — Марион пожала плечами и сменила тон. — Кстати, Дэвид...

— Да?

— Наш автомобиль, к сожалению, в очередной раз сломался. Естественно, по вине Винса. Иногда я думаю, что пожилые джентльмены ужасно глупы.

— Пожилые! — воскликнул Гарт, снова подумавший о Бетти. — Но ведь Винс не пожилой. Ему столько же, сколько и мне.

— И все же вы понимаете меня. В конце концов этот возраст вам идет. Вы выглядите таким ужасно мудрым с этим вашим естественным благородным поведением и выразительным лицом.

— Я не выбирал себе лицо, Марион. И оно мне очень не нравится.

— Вы опровергаете все, что я говорю, Дэвид. Ну, ладно. В общем, у нас сломался автомобиль, а я не переношу ездить в наемных экипажах. Речь идет именно об этом и ни о чем другом. Вы не могли бы оказать нам любезность и отвезти нас домой в Гайд-Парк-Гарденз? Кстати, надеюсь, вы не откажетесь заглянуть к нам и немножечко выпить?

— С большим удовольствием. Марион, вас что-то мучит?

— Мучит ли меня что-то? — Она повысила голос. — Я вас не понимаю. Что вы хотите этим сказать?

— Да так, ничего.

У Гарта не было шофера. Он сам водил большой, покрытый светло-зеленым лаком пятиместный «паккард» с мотором мощностью двадцать лошадиных сил.

Вся прислуга уже давно спала, и роль бармена взял на себя Винс. Они подошли к столу в столовой, и Винс откупорил бутылку шампанского.

Столовую с панелями из черного дерева, которая по замыслу наверняка должна была напоминать зал баронета с геральдическими знаками, освещали электрические настенные светильники с розовыми абажурами. На очаге были нарисованы листья папоротника. Винсент Боствик, высокий и стройный, в смокинге и рубашке со стоячим воротничком, поднял брови и собрался произнести тост, как вдруг Марион спросила:

— Дэвид, почему вы не женитесь?

Винс поставил бокал на стол. Раньше Гарт сам задавал себе вопрос, почему он никогда не говорил им о Бетти, а теперь впервые ему пришла в голову мысль о том, не узнали ли они о чем-то. Нет, наверняка нет, судя по тому, как рассмеялся Винс.

— Такой вопрос, — лениво сказал он, — рано или поздно задает любая женщина, дружище. Что же касается Дэвида, то тут ты зря тратишь время, любимая. Это прирожденный холостяк. К тому же должен тебе напомнить, что у него есть интересная работа.

— Вот именно! — воскликнула Марион. — В этом и состоит половина всех мучений. Этот бедняжка, — она сделала сочувственный жест, словно Гарту было всего лишь двенадцать лет, — так погрузился в работу, что это уже грозит полным истощением. И не укладывается ни в какие рамки. В театр его пришлось буквально волоком тащить. Его уже не интересует ничего, кроме убийств.

— Убийств? — удивленно переспросил Винс.

— Но ты-то уж должен меня понимать! Я имею в виду те истории с детективными загадками, которые Дэвид и ты читаете. Шерлок Холмс, Л. Т. Мид и Роберт Юстас и прочие глупости какого-то субъекта, который пишет под псевдонимом Фантом.

— Твои мысли, любовь моя, — сказал Винс, — похожи на вокзал, где во всех направлениях отправляются и отовсюду прибывают разные поезда. Естественно, я тебя понимаю. Однако если под этим ты подразумеваешь практический интерес к убийствам, то я в таком случае тоже ими интересуюсь.

— Милый, я, конечно же, неоднократно это замечала. Однако, прошу тебя, не переводи разговор на другую тему, — Марион повернулась к Гарту. — Простите мое невежество, Дэвид, но в чем, собственно, заключается эта ваша знаменитая работа? Что такое неврология?

— В общем смысле, Марион, это лечение нервных болезней. Некоторые из них, как принято полагать, являются органическими...

На лице Марион появилось нетерпеливое выражение.

— К сожалению, мне это ни о чем не говорит. Органические?..

— Это значит, что в их основе лежат физиологические причины. Например, эпилепсия. Лет сто мы пользовались теорией Вейра Митчелла, который утверждал, что такие заболевания все без исключения имеют органическую природу. Если же физиологических нарушений нет, то у пациента не может быть ничего настолько серьезного, чтобы его не мог вылечить простой покой и отдых.

— Так это правда или нет?

— Не совсем. В Венском университете преподает профессор неврологии, который разработал прямо противоположный подход к этой проблеме. Его теория все еще вызывает сильное сопротивление; лично я полагаю, что некоторые вещи она слишком упрощает. Однако рано или поздно она может произвести полный переворот во всей нашей области науки.

— Seriously, Дэвид? А кто он, этот профессор из Вены?

— Его фамилия Фрейд. Доктор Зигмунд Фрейд.

— И что же он утверждает?

Где-то наверху часы пробили один раз. Было уже очень поздно. Гарту не хотелось продолжать разговор, однако он принялся излагать дальше.

— погоди, погоди! Секундочку! — протестующим тоном прервал его Винс.

Однако Марион это, очевидно, не шокировало и не разозлило, как шокировало и злило большинство людей, или, по крайней мере, как им это казалось. Напротив, она неожиданно рассмеялась. Взмахнув руками, она, как воплощение неуверенности, отошла от стола и тут же в вихре светлого платья и кружев вернулась обратно.

— Но ведь это же смешно! Важно то, что люди не отдают себе в этом отчета! Однако вы все же говорите, Дэвид, что каждый человек так или иначе ведет двойную жизнь.

— Так я об этом еще не думал. Однако в определенной степени это правда.

— Да хватит вам об этом! — снова вмешался Винс.

— Любимый, прошу тебя, помолчи. Ответьте мне хотя бы на один вопрос, милый Дэвид. А что, если бы речь шла обо мне? Что, если бы кто-то пришел к вам в приемную, рассказал вам обо мне и утверждал, что я неуравновешенная и ненормальная и меня нужно посадить в сумасшедший дом, чтобы я не совершила какое-нибудь убийство? Что бы вы ответили на это?

Это прозвучало так, словно кто-то бросил камень в окно.

— Ради бога, Марион, — воскликнул Винс, — почему ты все время заводишь разговоры об убийствах? И что это за ерунда, откуда эта мысль о сумасшедшем доме? Надеюсь, ты не думаешь об этом серьезно?

Марион снова рассмеялась и на этот раз над ними обоими.

— Нет, конечно же, нет, глупенький. Конечно, я не думаю об этом серьезно. Ты и Дэвид строите из себя таких великосветских людей, вы постоянно читаете эти смешные истории, и мне захотелось немножечко помучить вас. — Она махнула рукой. — А теперь, с вашего позволения, я устала. Забудьте обо всем этом. Хорошо?

Это было в ночь на 8 июня. В следующий понедельник днем, когда Гарт сидел в своей приемной на Харли-стрит и у него был перерыв в приеме между двумя пациентами, сработало переговорное устройство.

— Простите, доктор, — послышался голос молодого Майкла Филдинга, студента-медика, который был ассистентом Гарта, — но тут в холле сидит один джентльмен, и он говорит, что ему нужно побеседовать с вами. Он утверждает, что это очень срочно.

— Сейчас я не могу его принять, Майкл. Вы ведь это знаете. Мой список пациентов...

— Я знаю, доктор. Это джентльмен не требует, чтобы вы приняли его немедленно. Он хотел бы условиться на пятницу вечером, в девять часов. Кроме того, он хотел бы узнать, может ли он прийти к вам сюда, в приемную. Это было бы ему приятнее, чем если бы вы пришли к нему домой.

— Что с вами происходит, Майкл?

Юноша закашлялся. Это был студент-отличник и весьма симпатичный, несмотря на свое угловатое костлявое лицо и слишком угловатые манеры. Майкл Филдинг ответил упавшим, запинаящимся голосом:

— Я знаю, доктор, что обычно вы так с пациентами не договариваетесь. Но я подумал, что этот случай не совсем обычен. На визитной карточке этого джентльмена написано «Полковник Джон Селби, Королевская Бенгальская артиллерия».

Гарт молча стоял у переговорного устройства.

Снаружи сюда не доносилось никакого шума уличного движения. Лишь дождь стучал по крыше в этот мутный скучный день; дождь хлестал и затуманивал окна, как мысли хлестали и затуманивали мозг.

— Если я не ошибаюсь, это ведь бывший опекун миссис Боствик, доктор? Да и адрес на визитной карточке указан в Хэмпстеде. Я решил, что вам известна эта фамилия. Я просто... Доктор, вы меня слушаете?

— Да, слушаю.

— Надеюсь, я не сделал ничего плохого, доктор? Я был бы очень огорчен, если бы так оказалось.

— Нет, вы не сделали ничего плохого, Майкл, и не сердитесь на меня, — серьезным тоном ответил Гарт. — Назначьте ему встречу. Скажите полковнику Селби, что в пятницу в девять часов вечера я с удовольствием приму его здесь.

И сейчас, когда в эту условленную пятницу сумерки сменялись ночной тьмой и дребезжащий автокэб вез Гарта через благопристойный район с позолоченными табличками обладателей аристократических профессий, через район с домами из красного кирпича, лежащий между Оксфорд-стрит и южной стороной Риджентс-парка, Гарт разобрался с тем, вторым, фактом.

Дело не в том, что он не хочет, чтобы Винс и Марион познакомились с Бетти Калдер. Он все время рассматривал эту проблему с неверной точки зрения. В глубине души он внезапно осознал, что не хочет, чтобы Бетти познакомилась с Марион Боствик.

Он должен быть доволен, что сейчас Бетти в безопасности, в Кенте. Когда этот вечер закончится, что бы он ни узнал, он уедет последним поездом обратно в Фэрфилд; перед гостиницей «Олень и перчатка», где он проводит уик-энд, возьмет свой автомобиль, поедет к ее домику, чтобы пожелать ей спокойной ночи, вернется в гостиницу и снова увидится с ней в субботу и воскресенье. Бетти не должна знать о Марион Боствик больше того, что Марион знает о ней.

Он просто не позволит очернить Бетти.

Однако он тут же подумал о Марион: «Чертова лицемерка!» и едва удержался от громкого смеха.

Очернить?

Так дело не пойдет! Еще минута, и ты начнешь рассуждать о фальши, испорченности и прочих подобных понятиях, которые обожают моралисты. Обо всем этом ты должен забыть! Ты должен подходить к своим собственным делам точно так же бесстрастно, так же профессионально, как подходишь к делам других людей. И потом, в конце концов, если не принимать во внимание нескольких туманных догадок и визита полковника Селби, который может не иметь никакого отношения к Марион Боствик, у тебя ведь нет ни одной реальной причины предполагать, будто бы что-то не в порядке.

Автокэб повернул на Харли-стрит, к двери его приемной. Внезапно Гарт увидел перед собой кое-что и вздрогнул.

— Остановите здесь! — велел он шоферу. — Здесь, немедленно! Достаточно!

Он расплатился и послушал, как удаляется кэб.

В этом доме находились приемные шести врачей, которые сообща пользовались большой комнатой ожидания для пациентов на первом этаже. Двое из них, Гарт и один пожилой хирург, тоже холостой, здесь же и жили.

У бордюра тротуара стоял автомобиль Гарта.

В первый момент он подумал, что ошибся. Этот автомобиль должен находиться за много миль отсюда, в Фэрфилде. Однако это был зеленый «паккард», пустой, весь в пыли от долгой езды и такой горячий, что из-под капота все еще доносилось шипение масла.

Гарт вытащил из кармана связку ключей и взбежал по ступенькам. Он открыл входную дверь и уставился на женщину, которая стояла напротив него посреди холла.

— Вот так сюрприз, Бетти! — сказал он.

Глава 2

— Надеюсь, я ничего такого не натворила? — спросила Бетти Калдер. — Мы приехали...

— Мы?

— Хэл и я.

Хэл Ормистон, его племянник. Хэл Ормистон, этот исключительно высокомерный юный бездельник, который совершенно не скрывает своего презрения к заботливому дяде. Хэл Ормистон, который всегда только смеется и всегда поступает по-своему.

— Если быть точной, автомобиль вел Хэл. Мне он вести не дал, хотя я и просилась за руль. Мы преодолели пятьдесят две мили без единой поломки и приехали сюда тогда же, когда прибыл твой поезд. Хэл был у меня, в моем домике... — Бетти осеклась. — Надеюсь, ты не против этого?

— Нет, не против. Однако я не знал, что мой глубокоуважаемый племянник бывает у тебя в гостях.

— О боже, да он не был у меня в гостях. Он пришел навестить тебя в «Олене и перчатке».

(Наверняка явился, чтобы одолжить денег. А когда выяснил, что меня там нет, то, естественно, воспользовался моим автомобилем.)

Гарт не произнес эти слова вслух, но этого и не требовалось. Взгляд у него был настолько злой и вид такой неприятный, что Бетти могла легко прочесть его мысли.

Они стояли в холле с белыми панелями и черно-белым кафельным полом. Пальмы в ящиках производили впечатление каких-то джунглей, однако другой мебели, кроме вешалки для шляп и столика с телефоном возле лестницы, не было. Газовую люстру уже заменили на электрическую, однако лишь в одной лампочке сквозь чистое стекло светилась бледно-желтая нить. От этого холл казался еще выше и мрачнее. Гарт захлопнул входную дверь.

Бетти едва заметно вздрогнула.

На ней были сшитый по мерке жакет, юбка и блузка с накрахмаленным лифом, к которой были приколоты часы. Она вовсе не была красавицей, но относилась к тем очаровательным, приятным, спокойным, красиво одетым женщинам, которые излучают невинность. Живые карие глаза смотрели на него с выражением, средним между неуверенностью и обидой непонятой женщины. Бетти осталась свежей, пахнущей духами, словно не проехала более пятидесяти миль по летней жаре. Ее плащ, шляпка с вуалью и слюдяной щиток для глаз — все это лежало, брошенное в кучу, на столике.

— Пожалуйста, — сказала она, — пожалуйста, не надо!

— Что не надо?

— Не думай о том, о чем ты думаешь.

— Разве я что-нибудь сказал?

— Нет. Ты никогда ничего не говоришь. Мне часто хочется, чтобы лучше ты что-нибудь сказал. Ты не должен злиться на бедняжку Хэла. Да, он взял твой автомобиль, но только потому, что я попросила его об этом.

— Ты?

— Да, серьезно! — воскликнула Бетти. Ее каблуки застучали по выложенному плиткой полу, когда она подбежала к столику. — Из-за этого, — добавила она, вытаскивая из-под плаща черный кожаный портфель. — Из-за этого портфеля. Ты забыл его днем у меня. А я испугалась, что он понадобится тебе при этой встрече с пациентом, и решила привезти его тебе.

«В этом портфеле нет ничего, кроме нескольких листов бумаги с отпечатанным на машинке текстом, которые...» Гарт оборвал свою мысль. Это неважно. Существуют моменты, когда мужчина способен лишь изумленно молча смотреть, когда обнаруживает, что может ради него сделать женщина.

— Ты приехала из такой дали только для того, чтобы привезти мне...

— Но, милый, ведь это не имеет значения.

— Нет. Для меня это имеет значение, Бетти. Я должен попросить у тебя прощения за то, что...

— Но ведь это вовсе не заслуга — сделать то, что тебе хочется сделать. А то, что ты ревнив, мне не мешает. Наоборот, меня это радует. Но только тогда, когда я этого жду и могу относиться к этому с улыбкой.

— Ну, объяснить ты, несомненно, сумеешь. Мой глубокоуважаемый племянник, этот юный негодай...

— Ну вот! Если ты не любишь Хэла...

— Да, я не люблю его. Он так по-юношески самоуверен, что человек среднего возраста испытывает мучения, находясь рядом с ним. Я не люблю его, но постоянно одалживаю ему деньги. (Однако я хотел сказать, что Хэл был лишь предлогом для моего ужасного срыва минуту назад. В действительности же причиной может быть тот человек, который должен прийти в девять часов.) Бетти, мне бы очень хотелось, чтобы ты находилась на расстоянии многих миль отсюда. Кстати, а где Хэл? И как ты попала в дом?

— Хэл отправился в бар «Критерион». А мне открыл дверь очень симпатичный юноша, когда я постучала. Он представился твоим ассистентом.

— Майкл? Но он не должен был приходить!

Внезапно у них создалось впечатление, что кто-то подслушивает их разговор.

Справа от холла в фасадной части дома находилась просторная комната ожидания, дверь которой сейчас была закрыта. Еще дальше по ту же сторону за лестницей находилась приемная Гарта. А сзади была комната, которую врачи в доме называли библиотечкой. Дверь в нее была полуоткрыта. Эту дверь сейчас настежь распахнул Майкл Филдинг со своим обычным смелым выражением, смягченным застенчивостью. Пиджак коричневого цвета он застегнул на все четыре пуговицы и выглядел в нем, как затянутый в корсет.

— Это правда, доктор, — заявил он, — но я тем не менее пришел. Пациент уже там.

— Уже? Неужели я опоздал?

— Нет-нет, доктор. Но полковник Селби пришел на целых сто лет раньше. Он сидит в комнате ожидания. Вам не следует держать его там слишком долго. Если желаете знать, что я о нем думаю, могу сказать, что этот джентльмен в ужасной панике.

Эхо повторяло слова Майкла. Гарт взглянул на закрытую дверь в фасадной части дома.

— Мистер Филдинг, — церемонно сказал он, — полагаю, вы знакомы с леди Калдер? Ну, естественно. — Он собрал на столике все вещи Бетти: плащ, шляпу с вуалью, слюдяной щиток на глаза, сумочку — и вручил все это Майклу. — Будьте любезны, унесите все это. Леди Калдер будет удобнее подождать меня в библиотечке. А полковника Селби пригласите в приемную.

— Так, значит, тебе это не нужно? — спросила Бетти, протягивая ему портфель. — Значит, это не так уж и необходимо тебе?

— Это очень необходимо, леди Калдер, благодарю вас. — Гарт взял портфель, положил его на телефонный столик и тут же забыл о нем. — Итак, в библиотечку, мистер Филдинг!

«И без дискуссий!» — прибавил его тон. Спустя несколько минут, когда Гарт с вежливой серьезностью ждал за своим письменным столом, ситуация ухудшилась сильнее, чем он опасался.

В приемную вошел статный пожилой джентльмен с сединой стального оттенка и лысиной. Держался он прямо, а его голос словно оставался спрятанным за зубами.

— Мы с вами уже однажды встречались, доктор, — сказал он и чопорно протянул руку. — В Хэмпстеде. Два года назад. Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились меня принять.

— Не стоит благодарности.

— Напротив. К тому же вы позволили, — полковник Селби сделал неопределенный сдержанный жест, — чтобы я пришел к вам вечером. Словно какой-то подлый воришка или кто-то вроде этого. Однако выбора у меня не было. Я...

— Пожалуйста, присаживайтесь.

— Спасибо. Я...

Полковник Селби тяжело дышал. От его пиджака с шелковыми лацканами, белого жилета и широкого черного пластрона, украшенного жемчужной булавкой, — от всего этого веяло корректностью. Однако сжатые кулаки никоим образом не способствовали такому впечатлению.

Над письменным столом висела люстра с четырьмя электрическими лампочками с абажурами в форме стеклянных цветов. Когда полковник Селби опустился в черное кожаное кресло, обращенное к Гарту, свет люстры упал на краешек его века; полковник вздрогнул, а на лбу у него заблестели капельки пота.

— Дело в том... снова начал он, — дело в том, что я вынужден был прийти к вам. Вынужден, поскольку вы являетесь другом молодой миссис Боствик. С одной стороны, это все облегчает. С другой же, значительно осложняет. Надеюсь, наш разговор останется между нами.

— Естественно, Полагаю, я не должен вас в этом заверять.

— Вы поклянетесь именем Господа Бога, что об этом никто другой не узнает?

— Никто другой об этом не узнает, клянусь именем господа бога.

— Доктор, как поступают с сумасшедшими?

В этом старом доме была исключительная тишина. Приемная с окрашенными в зеленый цвет стенами и слабым запахом антисептиков казалась какой-то холодной, нереальной. На каминной полке слева, напротив стола Гарта, стояли бронзовые часы, а рядом с ними с одной стороны — фотография Бетти Калдер в рамке, а по другую сторону — фотография родителей Гарта, тоже в рамке. Зеркало над полкой было разрисовано стилизованными цветами и ветками папоротника.

Полковник Селби, не сводя глаз с Гарта, чей взгляд был устремлен прямо на него, чуть подался вперед, сжимая руками поручни кресла.

— Говорите прямо! Как поступают с сумасшедшими?

— Это зависит от того, что вы понимаете под словом «сумасшедший». Это слово слишком обманчиво. Не каждый настолько безумен, чтобы отправить его в сумасшедший дом. Кое-кто так о себе думает, а на самом деле он просто испытывает светобоязнь; таким людям легко можно помочь.

— Seriously?

— Это можно доказать. Чей случай вы имеете в виду? Свой собственный?

— Свой собственный? — Полковник Селби замолчал, ответил на взгляд Гарта и сделал быстрый выдох. — Сто чертей! Не думаете же вы, что я говорю о себе?

Гарт ждал.

— Ну, скажем, что этот случай гипотетический. Нет! Скажем, речь идет о том, кого я знаю. Но вы должны понять, во всем виноват я. Я всегда старался поступать порядочно и полагал, что поступаю порядочно. Однако... Да, это действительно моя вина. Если бы Бланш что-то подозревала...

— Бланш?

— Миссис Монтэг. Моя подруга. Экономка. Весьма набожная.

— Полагаю, я знаю эту даму. Пожалуйста, продолжайте.

Большая рука замерла над подлокотником.

— Жаль, что я не пришел к вам раньше, доктор. С вами легко разговаривать. Без колебаний признаюсь вам, что в последние годы я попал в неприятную историю. А больше всего мне добавил — вы не поверите! — сегодняшний вечер. Когда я сидел в вашей комнате ожидания. А как же иначе, ведь у вас там имеются такие книги!

— Книги?

— Да. В одной из них говорится о том, как телом женщины может овладеть колдунья или дьявольский демон. По крайней мере, люди так думают о ней. Это загадочная история, а в конце все объясняется самым естественным образом. Однако мне о таких вещах известно еще с тех пор, когда я был в Индии. Лично я не вижу в этом ничего смешного. Лично я над этим не смеюсь.

Гарт сказал резким тоном:

— Полковник, очевидно, произошла какая-то ошибка. Я бы не стал приносить такую книгу в комнату ожидания.

— Однако сейчас она находится там. Книга в красном переплете, ее написал некто по имени Фантом, и она открыта на иллюстрации, на которой изображена женщина... гм, довольно раздетая... Она склоняется над спящим мужчиной. Не думаю, что ее туда кто-то положил специально для меня, однако мне это не нравится.

— Говорю вам, уважаемый сэръ, что вы наверняка должны были ошибиться!

— А я говорю вам...

В холле начал громко звонить телефон. Оба собеседника вздрогнули.

Доброжелательная атмосфера исчезла, ниточка доверия оборвалась. Полковник Селби, с бледным лицом отвел взгляд от Гарта, повернул голову и уставился на камин. Его руки снова крепко сжали поручни кресла.

В холле слышались чьи-то шаги. Телефон перестал звонить. Как правило, за этой массивной дверью голоса в холле были слышны неясно. Однако Майкл Филдинг так же, как и многие другие люди, которые в те времена пользовались телефоном, считал, что в микрофон нужно кричать.

— Миссис Боствик? — сказал он. — Да, доктор здесь. Однако, к сожалению, я не могу его позвать. Нет, не могу. Но если это так срочно, миссис Боствик, вы можете продиктовать ему записку.

К голосу Майкла присоединился еще один голос. Майкл сказал; «Т-с-с», после чего оба голоса перекрыл сокрушительный грохот: кто-то на улице завел мотор автомобиля. Гарт снова повернулся к своему посетителю.

— Я хочу, чтобы вы поняли, полковник...

Однако полковник Селби уже встал.

— Сожалею, — рявкнул он.

— Простите?

— Сожалею, но теперь я уже не смогу вам ничего рассказать. Извините за то, что отнял у вас столько времени. Чертов стыд, но поступить по-другому я не могу. Извините меня, доктор.

Мотор автомобиля по-прежнему грохотал. Гарту было ясно, что настроение у полковника Селби совсем иное чем минуту назад. Внезапно полковник поднял обе руки, прижал ладони к глазам, а потом опустил руки в жесте какой-то неотложной просьбы, которую Гарт оказался не в состоянии исполнить.

— Простите меня, доктор. Надеюсь, вы не станете меня задерживать?

— Задерживать? Нет, конечно, нет. Тем не менее, если я смогу быть вам полезен, надеюсь, вы еще раз обдумаете все это дело.

— Спасибо. Я обдумую. Вот моя визитная карточка. Пришлите мне счет. Я ни за что на свете не стал бы беспокоить вас, если бы не... Где моя шляпа и трость? Ах, да, в комнате ожидания.

— Полковник, у меня имеется причина просить вас, чтобы вы изменили свое решение.

— Не могу, доктор. Что случилось то случилось.

Полковник с большим достоинством поклонился. Гарт ответил ему тем же. В этот момент произошло нечто совершенно невероятное: Майкл Филдинг распахнул дверь приемной — без вызова и даже предварительно не постучав.

— Доктор, — вскричал он, — пришел какой-то джентльмен из Скотленд-Ярда, и он не обращает внимания ни на какие мои возражения. И это еще не все.

— Мистер Филдинг, — с ледяной вежливостью перебил его Гарт, — будьте настолько добры и проводите полковника Селби к двери.

— Не могу, доктор. По телефону передали записку, которую мы не можем оставить без внимания.

— Мистер Филдинг! — Гарт сосчитал до трех. — Будьте настолько любезны и проводите полковника Селби до дверей. Его шляпа и трость в комнате ожидания. Будьте так любезны.

— Прошу прощения, доктор.

Грохот автомобильного мотора перешел в рычание, и автомобиль удалился по Харли-стрит. Когда Майкл и полковник Селби вышли, в приемной была абсолютная тишина. Гарт стоял у письменного стола и глядел на столешницу, на которой лежала писчая бумага, однако нельзя было сказать, что он ее видел.

В этот момент кто-то кашлянул. Гарт поднял взгляд от стола. С порога из-под своего котелка с продавленным верхом на него равнодушно смотрел инспектор Джордж Альфред Твигг.

— Похоже на то, доктор, что сегодня вечером нам суждено встречаться.

— Поскольку вы следите за мной, наши встречи попросту неизбежны. Надеюсь, вам не пришлось долго ждать на улице?

— Ну, как сказать. Вы позволите войти?

— Приемную, как правило, считают частным помещением. Однако прошу, входите. По крайней мере, так мне удастся быстрее избавиться от вас. Прошу прощения, но сейчас мне необходимо на минутку выйти.

— А?..

— Всего лишь на минутку. Мне нужно проверить кое-что в комнате ожидания для пациентов. — Гарт приветливо показал на черное кожаное кресло. — Устраивайтесь поудобнее, инспектор. — И вышел в холл.

Гарт полагал, что Бетти по-прежнему находится в библиотечке. Дверь туда была закрыта. А полуоткрытая входная дверь пропускала внутрь туманный свет уличных газовых фонарей. Гарт направился в комнату ожидания, открыл дверь и осмотрелся, стоя на пороге.

Два окна с кружевными занавесками выходили на улицу. У полковника Селби, очевидно, было достаточно времени, чтобы выкурить по крайней мере одну сигару; ее раздавленный окурочек лежал в фарфоровой пепельнице на столе посреди комнаты, в которой был спертый воздух. В этой унылой комнате, отмеченной эмоциями тех, кто здесь ожидал, на столе над раскрытыми журналами светила лампа из мозаичного стекла. На журналах лежал открытый на фронтисписе только что изданный шестишillingовый роман под названием «Чьей рукой?»

Гарт не мог видеть на улице ни полковника Селби, ни Майкла Филдинга, однако расслышал несколько неразборчивых слов полковника. Кроме того, он слышал, как Майкл, дует в специальный свисток, подзывающий кэб, непрерывно повторял одиночный сигнал, которым вызывают четырехколесный экипаж.

— Миссис Бланш Монтэг, — сказал вслух Гарт.

Одним свистком подзывают четырехколесный экипаж, двумя — двухколесный кэб, тремя — автокэб. Пока вновь и вновь раздавался свисток, Гарт не двигался с места. Он не подходил к открытой книге, лежащей на столе в комнате ожидания; этот выпуск был ему знаком. Вместо этого он воспроизводил в памяти воспоминания о той ночи, когда вместе с Винсентом Боствиком ехал — тоже в четырехколесном экипаже — по крутым улицам Хэмпстеда к дому на Нэгс-Корнер.

Они ехали от Свисс-Коттедж по Фитцджерсон-авеню до холма, который кэбы преодолевают с трудом даже тогда, когда нет грязи. На Черч-Роу они повернули направо, а вокруг кладбища и церкви Святого Иоанна ехали по узкой и еще более крутой улочке, напоминающей проселочную дорогу.

Дом полковника Селби окружала высокая кирпичная стена с двумя воротами из ажурных металлических прутьев. Хотя он и не слишком богат, очевидно (это сказал Винс), у него, кроме пенсии, имеются еще какие-то источники дохода. В одном углу сидела миссис Монтэг, грузная особа с расцвеченными серебром черными волосами. Марион смеялась. В том доме три человека совершили самоубийство.

— Ну, хватит! — сказал себе Гарт.

Он повернулся, быстро пошел обратно в приемную и там в изумлении остановился.

Инспектор Твигг спокойно сидел в большом кресле, а его котелок валялся возле него на полу. В руках инспектор держал черный портфель с позолоченной монограммой «Д. Г.» над замком, портфель, который Гарт оставил на телефонном столике в холле. Твигг поднял портфель и похлопал по нему.

— Он заперт на замок.

— Естественно.

— Он закрыт. Может, вы его откроете?

— Не открою! — Гарту потребовалось приложить немало усилий, чтобы овладеть собой. — Могу сказать вам, инспектор, что мне редко приходилось встречать людей, которые могли бы сравниться с вами в чистой, ничем не омраченной грубости. Встреча с вами дает массу свежих впечатлений. Она доставляет почти истинную радость. У вас имеется разрешение на обыск?

— Нет, пока еще нет.

— В таком случае этот портфель останется закрытым.

У Твигга на лбу появилась красная полоса. Он устремил взгляд в угол приемной, где ширма закрывала умывальник, а также плащ и цилиндр Гарта. Внезапно он перевел взгляд своих злых глаз на Гарта и уставился на его смокинг.

— Вы, джентльмены, все на один лад. Думаете, что мир принадлежит вам. Думаете, можете делать все, что вам захочется, когда вам захочется и как вам захочется. Но, возможно, это будет продолжаться не слишком долго, и вы станете жалеть, что не захотели мне помочь, когда у вас была для этого возможность.

— Значит, мы снова возвращаемся к вопросу о том, не ведет ли кто-то двойную жизнь?

— Именно так!

— Что вам, собственно, угодно? Выкладывайте!

— Минуточку, минуточку, у вас нет причины волноваться, — энергично предупредил Твигг. — Для этого у вас нет ни малейшей причины. Сейчас я скажу вам, в чем дело. Речь идет об одной особе из круга ваших друзей, у которой есть странные увлечения. Кое-кто мог бы даже отмахнуться от этого, потому что дама чуточку эксцентрична...

— Дама?

— Ну, я всегда так выражаюсь. Мистер Каллингфорд Эббот тоже отмахивается, но я хожу в церковь и называю это совсем по-другому. Впрочем, дело не в этом. Нас не касается, как эта дама ведет себя или какая у нее репутация, до тех пор пока она держится в рамках закона. Однако она не держится, доктор. Нет, не держится. Поэтому я предостерегаю вас.

— Гм. От чего вы меня предостерегаете? Если существует какое-нибудь бессмысленное обвинение против миссис Боствик...

— Против миссис Боствик? — повторил инспектор.

Он медленно встал и в холодном неуютном освещении казался огромным и широкоплечим.

— Разве кто-то говорил что-нибудь о миссис Боствик? — спросил он. — Кто вообще упоминал о миссис Боствик? На тот случай, если вы еще не догадались, сообщаю, что я говорю не о миссис Боствик. Я говорю о вашей близкой знакомой леди Калдер.

Глава 3

— Что это за шутки, инспектор?

— Это вовсе не шутки. Разве что, возможно (обратите внимание, как я осторожно выражаюсь), разве что, возможно, вы позволили себя дурачить, когда думали, что никто ничего не замечает. Послушайте, эта леди Калдер... Вы знаете, кто она такая?

— Вдова, мужа которой звали сэра Гораций Калдер. С 1900 по 1905 год он был губернатором Ямайки. Умер в 1905 году.

— Нет! — Твигг широко раскрыл глаза. — Это известно! Она хитра, это надо признать. А знаете ли вы, что она за человек?

— Что она за человек?

— Вы ведь хорошо слышите, а я говорю достаточно понятно. Вы ведь познакомились с ней в Остенде, не так ли?

— Да.

— Прошлым летом, верно?

— Да, если вас это интересует.

— Она приехала туда из Парижа, где провела шесть месяцев. Что она делала в Париже?

— Этого я вам сказать не могу.

— Зато я могу, — заявил Твигг. Портфель он положил на письменный стол, при этом серебристый замок ярко блеснул. — До того как выйти за престарелого сэра Горация, она была одной из четырех красивых сестер, которые все родились где-то в Германии и все научились танцевать, чтобы иметь возможность выступить на сцене. Точнее говоря, в «Мулен Руж» в Париже. Но этот престарелый джентльмен хорошо обеспечил ее. Поэтому должна существовать какая-то причина, почему в прошлом году она вернулась туда, хотя у нее не было необходимости развлекаться тем способом, о котором мы не станем распространяться. Мне эта причина неизвестна. Да она меня и не интересует. Но что она за человек, могу сказать вам точно и уверенно. Это шантажистка и проститутка по призванию.

— Что?! Будет лучше, если вы немедленно возьмете ваши слова обратно!

— Обратно? Обратно?! — лениво передразнил Твигг Гарта. — Это звучит красиво, что да то да. Это звучит фантастически в устах джентльмена, который разбирается в людях и думает, что глядит на невинность с глазками, чистыми, как утренняя роса, а потом оказывается, что из него делали дурака.

— Это вам дорого обойдется! — сказал Гарт и быстро сделал шаг вперед.

— На вашем месте я бы не пытался делать глупости, доктор. Возможно, вы достанете до меня оттуда, а возможно, и нет. Но если вы попытаетесь сделать что-нибудь полицейскому, то увидите, что для вас это плохо кончится. К тому же появится прекрасный материал для газет. Разве не так? Такое небольшое сообщение об известном специалисте с Харли-стрит.

Гарт в замешательстве остановился.

Твигг тоже несколько смешался. Его разъярило слово «обратно», глазки на его широком лице налились кровью. Теперь он, очевидно, понял, что зашел слишком далеко, сменил тон и примирительно сказал:

— Мне бы хотелось, доктор, чтобы вы не думали, будто мы пытаемся вас обмануть или унижить. Нет, скажу вам прямо, мы не хотим этого. Если бы вы поехали со мной в Скотленд-Ярд, когда я просил вас, вы могли бы услышать все это от мистера Эббота. Он заместитель шефа. И ваш друг.

— Спасибо, я знаю.

— Ну вот! Он бы сообщил вам обо всем деликатно. — Неожиданно Твигг уставился на Гарта. — О боже, доктор, неужели вы попросили эту женщину стать вашей женой?

Гарт ничего не ответил.

— Ну, конечно же, попросили! А теперь спрашиваете себя, отнеслась ли она к предложению серьезно. О, если речь идет о вас, она наверняка отнеслась к нему серьезно. Этой даме около тридцати, насколько мне известно. Конечно же, ей хотелось бы заполучить кого-нибудь ненамного старше нее, однако слишком много предложений она бы не получила. Это ее последний шанс. Надеюсь, вы еще не зашли слишком далеко?

— Ваша забота обо мне ужасно трогательна. Что именно совершила леди Калдер?

— О боже, вы не верите ни одному моему слову!

— Нет, не верю.

— Там в холле есть телефон, — сказал Твигг и ткнул в воздух указательным пальцем, — а мистер Эббот сейчас в Скотленд-Ярде. Поговорите с ним. Спросите у него. Если вы не верите мне, ему-то вы уж наверняка поверите. Разве не так?

У Гарта чуточку кружилась голова.

— Мы можем предпринять кое-что получше. Мы выясним все непосредственно у леди Калдер. Оставайтесь на месте, инспектор.

Гнев, несомненно, является признаком слабости или неуверенности; это эмоциональное излишество, которое мы не должны себе позволять. А с Джорджем Альфредом Твиггом, размышлял Гарт, следует вести себя очень осторожно. Спокойная, отчасти даже показная, самоуверенность Твигга всегда победит твое остроумие, однако не потому, что превосходит его, а потому, что игнорирует. Бывают, конечно, минуты, когда человек должен дать выход гневу, потому что это единственная возможность сохранить душевное равновесие.

Хотя Твигг что-то говорил ему вслед, Гарт не обратил на него внимания. Он направился в библиотечку, постучал в дверь и открыл ее.

В комнате никого не было.

Входная дверь осталась полуоткрытой и поскрипывала на слабом сквозняке.

Снаружи на тротуаре послышались шаги. По ступенькам взбежал запыхавшийся Майкл Филдинг и с глухим ударом захлопнул за собой входную дверь.

— Извините, что потратил так много времени, — сказал он. — Нам пришлось дойти до самой Девоншир-Плэйс, и только там удалось взять кэб для полковника Сэлби. — Сказав это, Майкл словно проснулся. — Если вы ищете леди Калдер, доктор, так она уехала.

— Уехала?

— На автомобиле. Я думал, вы знаете. Ваш автомобиль грохочет, как пара пулеметов.

— А почему леди Калдер уехала?

— Это не так уж и важно, доктор. Я уже пытался сказать вам о той записке от миссис Боствик. Естественно...

— Окажите мне любезность, мистер Филдинг, объясните, что здесь произошло.

— Ну, все случилось за минуту или две до того, как ушел полковник Сэлби. Это было немного странно, теперь я понимаю. Однако тогда мне пришлось думать о нескольких вещах

одновременно. Леди Калдер и я сидели там, в библиотечке, — он показал в нужном направлении, — когда в дверь постучал этот полицейский. Сказал, что он из Скотленд-Ярда и... и все остальное. Я хотел избавиться от него, сказал, что вы заняты, однако он направился напрямиком в комнату ожидания, даже не спросив разрешения.

— Ну, а дальше?

— Следующее, что я запомнил, было то, что леди Калдер выбежала на улицу, прямо к автомобилю. Свое автомобильное снаряжение она бросила на заднее сиденье, а из ящичка на капоте вытащила заводную ручку. Ну, думаю, погоди, ведь эта дама не умеет водить автомобиль! К тому же у нее не хватит сил, чтобы повернуть ручку, верно? Она попросту вывихнет себе запястье, если попытается это сделать.

— Леди Калдер, — сказал Гарт, — не обладает большой силой. Однако, как вы, очевидно, заметили, она очень крепкая. В конце концов, она является членом королевского спасательного общества.

— Простите?

— Королевского общества спасения утопающих, Бейли-стрит, Бедфорд-сквер. Существуют способы, как спасти человека, который тонет, и как вытащить его из воды, чтобы можно было сделать искусственное дыхание.

— О чем это вы говорите, доктор?

Неверно было бы сказать, что над головой Дэвида Гарта сомкнулись воды. Однако перед глазами у него стояло свежее воспоминание об одной такой тренировке на пляже в Фэрфилде и о том, как лицо Бетти и ее фигура выделялись на фоне белого утрамбованного песка.

— Я вам говорю, мистер Филдинг, что эта дама отсюда не убежала.

— О боже, а кто утверждает, что она убежала? Я всего лишь подумал, что ей, возможно, нужна помощь, и больше ничего. И только я собрался предложить ей помощь, как зазвонил телефон. Это звонила миссис Боствик, ужасно взволнованная какой-то попыткой убийства...

— Идите со мной, мистер Филдинг.

В библиотечке так же, как и в приемной, в стеклянных цветах светились четыре лампочки. Кресла с регулируемой спинкой и пепельницы на высоких ножках придавали комнате достаточно комфортабельный вид. Вдоль стен стояли высокие застекленные книжные шкафы с украшениями на дверцах. На их полках находилась не только медицинская литература.

Поверх плеча Майкла, когда юноша остановился напротив него, Гарт вначале увидел отражение собственного лица в застекленной дверце одного из шкафов. Потом он заметил роман в красном переплете, автор которого выбрал себе псевдоним Фантом, — книгу, которая резко отличалась от остальных невзрачных темных томов.

— А сейчас я бы хотел узнать кое-что об этом телефонном разговоре, Майкл. Сегодня вечером, немного позже, я должен ужинать с мистером Боствиком и его супругой. Полагаю, миссис Боствик звонила из Гайд-Парк-Гарденс?

— Нет, доктор. Из Хэмпстеда.

— Из дома полковника Селби?

— По крайней мере, я так понял. Она сказала, что должна поговорить с вами, а потом добавила: «Эта женщина будет моей смертью».

— Какая женщина?

— Я не понял. Ее вообще трудно было понять. Едва я сказал: «Миссис Боствик?» или «Это вы, миссис Боствик?», когда она позвонила, как этот детектив из Скотленд-Ярда, словно пуля, вылетел из библиотечки и встал возле меня. И все время спрашивал: «Ну, юноша? Что нужно миссис Боствик?» Он все время что-то говорил, я не мог от него избавиться, и мне было плохо слышно.

— Майкл, откуда инспектор Твигг вообще знает о существовании миссис Боствик?

— Не знаю, доктор. А почему вы не спросите у него самого?

— Да-да, я собираюсь это сделать. Но вначале должен сообщить вам кое-что. Подождите здесь минуточку!

Присутствие полицейского инспектора Твигга в доме было уже чем-то таким само собой разумеющимся, что Гарт был почти уверен, что обнаружит его возле телефона в холле. Однако инспектора там не оказалось, а из комнаты ожидания доносилось его тихое посвистывание сквозь

зубы. Гарт подошел к телефону — устройству, на вилке которого с одной стороны висел микрофон, а с другой — слуховая трубка, а на подставке имелась металлическая кнопка, на которую следовало нажать, чтобы собеседник мог вас услышать.

Скотленд-Ярд! Каллингфорд Эббот!

Здание, которое называли Новый Скотленд-Ярд, в то время было еще довольно новым. Архитектор спроектировал его как какую-то крепость. Оно было массивным, сложенным из красного и белого кирпича, в каждом его углу находились конусообразные башенки, а через двор к прилегающему с южной стороны зданию вел подъемный мост. С того момента, как штаб-квартира столичной полиции переехала сюда из Скотленд-Ярда, здесь было невероятно оживленно и шумно. От непрерывно растущих штатов полиции и расходов на их содержание у многих людей уже разболелась голова.

А ведь за эти прошедшие семнадцать лет ничего не изменилось так, как отношение общественности к уголовному розыску.

Гарт вспомнил, что когда полиция заняла новое здание, то как уголовный розыск, так и начальство время от времени все еще вынуждены были успокаивать общественность, взбудораженную недавней неудачей в поисках Джека Потрошителя. В общем-то в этой неудаче особой вины полиции не было: реформа проводилась очень давно. Сотрудникам казалось, что это было еще в мрачное средневековье. Однако реформы продолжались, и большинство людей ощутило их, когда из индийской гражданской полиции в столичную был переведен старший комиссар мистер Эдвард Генри — теперь уже сэр Эдвард Генри³.

Сплетни и насмешки прекратились. В 1905 году для опознания убийцы из Масвелл-Хилла впервые в британское судопроизводство была введена в качестве доказательства система идентификации путем снятия отпечатков пальцев. Полиция и общественность воспряли духом.

И хотя большую долю успеха необходимо приписать заслугам сэра Эдварда Генри, нужно признать, что Каллингфорд Эббот тоже сыграл значительную роль. Эббота обычно называют секретарем шефа, поскольку для его должности не существует никакого официального названия. Эббот попросту коллега шефа, а иногда он руководит отделом уголовного розыска.

Эдвард Генри — профессиональный государственный чиновник, Каллингфорд Эббот — богатый энтузиаст, рассматривающий свою задачу как жизненно необходимую миссию. Эдвард Генри суров и сдержан; Эббот, с моноклем и пышными седыми усами, уже стал популярной личностью и почти каждый вечер ужинает в большом золотисто-синем зале «Кафе Ройал». Эббот тоже умеет быть суровым, однако, когда нужно, способен проявить понимание. Его конек — это оккультизм и сверхъестественные явления, тем не менее он с уважением относится к техническому прогрессу.

— Запомни, — сказал он Гарту около двух недель назад, — что хорошая полицейская работа означает просто хорошую организацию плюс новые идеи. К примеру, это твое увлечение... как ты его называешь? Психоанализ?

— Да, психоанализ — это один из возможных терминов.

— Ну вот! Мы заставили судей принимать в качестве доказательства отпечатки пальцев. Скоро мы заставим их признать, что пулю, выпущенную из ствола с определенной нарезкой, тоже можно точно идентифицировать. А в один прекрасный день мы, возможно, станем пользоваться и психоанализом.

Поэтому Гарт, который сейчас звонил Каллингфорду Эбботу в Скотленд-Ярд, очень надеялся на проявление здравого смысла. Однако его надежды рассеялись.

— Ошибка? — повторил четкий иронический голос Эббота. — Нет-нет. Инспектор Твигг вовсе не мошенник, и это вовсе не ошибка. В деле этой дамы из Фэрфилда и речи нет о какой-то ошибке.

— В деле Бетти Калдер?

— Да, ее зовут именно так.

— Да нет, я серьезно! Неужели ты полагаешь, что я поверю в эту чушь? Ты ведь не можешь привести мне ни одной причины, по которой я должен буду поверить во все это.

---

³ Начальник полиции с 1903 г.

— Дорогой друг, — нетерпеливо сказал Эббот, — веришь ты или не веришь, это роли не играет. Это попросту факт! А если говорить о причинах, так ведь они существовали до этого твоего психоанализа. Ты забываешь о тех субъектах, которые в это замешаны.

— Каких субъектах?

— Когда какой-нибудь наш провинциал, скорее всего женатый, хочет отдохнуть от семейной жизни и немножечко кутнуть, он садится в поезд, который привозит его к судну, отплывающему в Париж. Да или нет? Так ведь поступают многие, верно?

— Да. Ты тоже так поступаешь.

— Естественно. — Тон Эббота стал резче. — Однако я не тот субъект, который замешан в самую свежую аферу с шантажом.

— А кто он, этот субъект?

— Хочешь, чтобы я сказал тебе по телефону?

— Хочу!

— Это один твой приятель, фамилия которого Боствик. Винсент Боствик.

Гарт оглянулся. От телефонного столика он хорошо видел библиотечку и краешком глаза — приемную. Майкл стоял у книжных шкафов, однако смотрел в холл. А Твигг теперь стоял в дверях приемной. Оба, казалось, окаменели. Твигг по-прежнему что-то насвистывал сквозь зубы. Оба стояли так, словно могли слышать этот слабый голос на другом конце провода.

— Гарт! Черт возьми! Ты слушаешь?

— Слушаю.

— Позволь прочесть тебе кое-что из дела этой женщины, — продолжил Эббот. — Девичья фамилия — Элизабет Стакли. До того как на ней женился старый Калдер — ему было семьдесят три, и он был совсем немощен, — она целых три сезона танцевала в «Мулен Руж». Там давно равнодушны к английским красоткам. Ты видел ее когда-нибудь без одежды?

— До сих пор я не имел такого удовольствия, — вежливо ответил Гарт.

— Я хотел сказать, — тем же медовым голосом произнес Эббот, — видел ли ты ее в купальном костюме? Насколько мне известно, один или два раза видел. Однако забудь об этом, если тебя это уязвляет. Ты обратил внимание на ее ноги? Это ноги танцовщицы. Я прав?

Когда она танцевала в «Мулен Руж», у трех мужчин возникли из-за нее большие неприятности, хотя в конце концов они вернулись в Англию. Их имен я не могу тебе назвать, однако дело не в именах. Один из них — биржевой маклер, другой — депутат от консервативного округа, и еще один — директор частного банка. Во всех трех случаях твоя подруга Бетти выслеживала джентльмена, писала ему письмо либо навещала его. Когда он скрывался от нее, она в конце концов обращалась к его жене. Как там было дело с двумя первыми, неизвестно, но все как-то уладилось. А вот банкир застрелился.

Стало тихо.

Инспектор Твигг продолжал фальшиво насвистывать.

— Он застрелился осенью 1902 года, как здесь написано, — продолжал Эббот. — Гм! Мисс Бетти удалось избежать наказания; родственники покойного подтвердили, что его шантажировали, однако подать заявление отказались. В следующем году она вышла замуж за сэра Горация Калдера и вплоть до его смерти, последовавшей спустя два года, жила на Ямайке. Прошлым летом, до того как познакомиться с тобой в Остенде, она опять была в «Мулен Руж».

Каллингфорд Эббот снова замолчал. Его легко было представить себе: энергичного, никогда не испытывающего усталости, с моноклем, прижатым к левому глазу, склонившимся над документами.

— Послушай, Гарт. Считают, что Калдер как следует обеспечил ее. Ну, не знаю. Я бы сказал, что вилла у моря довольно скромна.

— А какой она должна быть?

— Ну, ладно. А разве в Лондоне на Патни-Холл она не живет в таком же импозантном небольшом домике? Есть еще одна вещь, которая, возможно, имеет лишь теоретическое значение. Прошлым летом, также в Париже, она принадлежала к одной сатанинской группе.

— К чему?

— К сатанинской группе. Довольно непристойные ритуалы в честь старика Люцифера. В Париже всегда имеется что-нибудь такое для новых фанатиков и огромного количества скучающих бездельников, жаждущих острых ощущений.

— О боже, Эббот! По крайней мере, надеюсь, у вас там не утверждают, что Бетти обладает какими-то сверхъестественными способностями.

— Нет, вряд ли. Но ты спрашивал о причинах. Если ей нужны деньги, это объясняет, почему она вернулась в «Мулен Руж», чтобы немножко пошантажировать. Если она принадлежала к каким-то сатанистам, это объясняет, почему она так охотно появляется почти обнаженной. Впрочем, тут ее одобрили бы большинство женщин, даже самых уважаемых, если бы у них хватило на это смелости. Но ты тем не менее не расстраивайся, дружище.

— Я вовсе не расстраиваюсь, — сказал Гарт.

— Серьезно? Я думал...

— Оставим это! Минуту назад ты заявил, что Винс Боствик... что он каким-то образом связан с Бетти. У тебя имеется какое-нибудь веское доказательство?

— Насколько мне известно, мистер Боствик прошлым летом был в Париже.

— Там были тысячи туристов. Я сказал: «доказательство»! Он вообще встречался с ней? А она «выслеживала» его до самого Лондона точно так же, как, по твоим словам, выслеживала остальных? Она когда-нибудь писала ему или пыталась его найти?

— Нет, — ответил Эббот, — такого доказательства не существует.

— Ну вот!

— Однако оно нам и не требуется. Из Боствика ей не удалось выжать ни пенса, это ясно. — Тон Эббота изменился. — Однако в эту старую-престарую игру играют все тем же старым-престарым способом. Черт побери, Гарт! Две недели назад она навестила миссис Боствик в Гайд-Парк-Гарденз.

— Откуда тебе об этом известно?

— Потому что инспектор Твигг взял на себя заботу не спускать с нее глаз.

— Опять этот Твигг!

— На твоём месте, дружище, я бы не стал так его недооценивать. Характер у него, возможно, не из мягких, однако это способный полицейский. Если он за что-то зацепится, то уже не отпустит. Если ты поссоришься с ним, то будешь иметь очень злого врага.

— Ну-ну! — вмешался в этот момент в разговор инспектор Твигг. — Ну-ну!

Трудно сказать, догадался ли Твигг, о чем Эббот говорит по телефону. Стоя на пороге приемной, он поднялся на цыпочки и медленно опустился на пятки. Лампочка за ним освещала его голый череп, прикрытый несколькими прядями каштановых волос. Потом он энергично направился к Гарту.

— Эббот, — сказал Гарт в микрофон, — сейчас я должен закончить разговор.

— Момент! Подожди! Ты еще не сказал мне...

— Я должен закончить разговор, — повторил Гарт и повесил трубку.

— Вот так-то, доктор, — приветливо сказал Твигг. — А теперь послушаем, — он ткнул пальцем в направлении Майкла Филдинга в библиотечке, — теперь послушаем, что на душе у этого молодого человека. Что сказала по телефону миссис Боствик?

— Мистер Филдинг, — повышенным тоном сказал Гарт, — этому человеку вы ничего не скажете. Вам понятно? Вы ничего ему не скажете.

Он произнес это сквозь зубы. Видеть себя он не мог, но почувствовал, что его лицо стало бледным. Твигг пришел в замешательство.

— Мне бы не хотелось, чтобы возникли еще какие-нибудь затруднения, доктор.

— Мне также. Миссис Боствик — моя пациентка, — он впервые солгал, — и любое ее сообщение является врачебной тайной. В этом доме вам нечего больше делать, мистер Твигг. Мы оба охотно отпускаем вас.

— Послушайте, мистер, я предостерегаю вас...

— Ну? — Гарт ждал. — Вы уже вторично произносите эти слова вслух и по меньшей мере в десятый раз намекаете на это. От чего вы предостерегаете меня?

— От того, чтобы вы не попали в ужасно неприятное положение. Миссис Боствик находится сейчас в Хэмпстеде. Мне достаточно зайти туда...

— А я, в свою очередь, предостерегаю вас, мистер Твигг. Повторяю, что миссис Боствик — моя пациентка. Если вы попытаетесь навестить ее без моего разрешения, будь то сегодня или в любое другое время, именно вы попадете в неприятное положение, и вам об этом прекрасно известно. Дверь находится там. Убирайтесь!

— Мне никто не будет указывать...

У обоих были громкие голоса — у инспектора хриплый, у Гарта сочный и звонкий. Примерно десять секунд Твигг смотрел на Гарта и шумно дышал. Потом кивнул. Вернулся в приемную за котелком, после чего прошел по черно-белым плиткам, осторожно, словно на цыпочках. Подойдя к входной двери, он остановился и повернулся. Он больше ничего не сказал, но взгляд, брошенный им на Гарта, был выразительнее всяких слов.

Дверь за ним закрылась.

У Гарта вырвался вздох — выражение внезапного расслабления его напряженных нервов.

— Итак, Майкл. Что сказала миссис Боствик?

— Доктор, разве это было разумно? Я имею в виду этот вызов.

— Не знаю. Все это начинает становиться мне безразличным. Нет, это неправда. Мне безразлично. Так что вы хотели сказать о миссис Боствик?

Майкл вышел из библиотеки.

— Она хочет, чтобы вы как можно быстрее приехали туда. Очень просит вас, доктор. Она говорила весьма серьезным тоном.

— Понятно. Что у нее случилось?

— Когда кроме миссис Боствик и ее тети в доме никого не было, туда проникла какая-то женщина и попыталась убить миссис Монтэг. Она пыталась задушить ее. Ей это почти удалось.

— Но если им нужен врач...

— Нет, врач им не нужен. По крайней мере, в связи с этим случаем. Миссис Боствик вызвала их семейного врача из Хэмпстеда. Однако она отчаянно нуждается в вашем совете по какому-то личному делу. Та женщина, которая проникла в дом, а потом каким-то образом исчезла через подвал...

— Кто была эта женщина?

— Этого миссис Боствик не сказала. — Майкл облизал языком губы и дал ответ после минутного молчания. — А учитывая то, что произошло сегодня вечером здесь, я ни за что на свете даже и гадать не стал бы.

Гарт оставил это без комментариев.

Он прошел мимо юноши и вошел в приемную. Направился к камину, где на полке слева от часов, перед зеркалом стояла фотография Бетти Калдер в серебряной рамке.

Другая фотография Бетти, маленький снимок, сделанный «кодаком», лежала в бумажнике Гарта во внутреннем нагрудном кармане. Он дотронулся до этого кармана. Никакая фотография не могла передать цвет блестящих каштановых волос, ярких карих глаз и розовых полуоткрытых губ. И все же это лицо в серебряной рамке казалось живым.

— Доктор, — воскликнул Майкл, — что, собственно, происходит?

Гарт снова прикоснулся к пиджаку там, где был внутренний нагрудный карман. Из карманчика белого жилета он вытащил часы, нажал на кнопку — открылась крышка, взглянул на циферблат, закрыл часы и положил их в карман.

— Доктор, я спрашивал...

— Знаю, — сказал Гарт, — я слышал, что вы говорили. — Он повернулся к Майклу. — Пожалуйста, попытайтесь вызвать еще один кэб. Что бы ни происходило, я хочу доказать, что происходит не то, что они имеют в виду.

Глава 4

Марион Боствик ходила взад-вперед по гостиной. Она ходила с достоинством, не спеша и выглядела задумчивой. Подол ее хорошо сшитого платья при каждом движении подметал ковер.

Дэвид Гарт, спускающийся по лестнице, посмотрел вниз через перила на освещенную дверь гостиной. Остановившись на минуту, он принялся размышлять над тем, что должен сказать. Затем пошел дальше.

Этот дом на холме, такой высокий и узкий, что казалось, он вот-вот опрокинется, на сей раз произвел на него несколько иное впечатление, не такое, как во время первого визита. Человек в этом доме все время чувствовал себя не в своей тарелке, его постоянно тревожила атмосфера этого дома, ему непременно хотелось оглянуться, и он не знал почему. Однако сейчас дом казался Гарту не таким мрачным и не напоминал ему пещеру, как это было в прошлый раз. В гостиной стояли жесткие кресла из резного полированного дуба. Полированный стол из такого же светлого дуба имел выдвижные ящики с блестящими латунными ручками в виде петелек. Над камином висела голова тигра.

Марион снова прошла мимо дверей, к губам она прижимала кружевной платочек. На ней было дневное платье, обтягивающее грудь и бедра и сшитое из какого-то атласа, синева которого была темнее ее светло-синих глаз. Услышав шаги Гарта, она остановилась и спросила, не отнимая платочка ото рта:

— Ну что, Дэвид?

— Это были довольно маленькие руки, — ответил он.

— Простите?

— Руки, которые душили миссис Монтэг. Маленькие, но очень сильные. На нее напали сзади. Об этом свидетельствуют следы ногтей на ее шее. Просто счастье что она осталась в живых.

— Что? Марион широко раскрыла глаза. — Да-да, я знаю. Бедная тетя Бланш. В каком она состоянии?

— Она спит.

— Я имею в виду, что вы установили, когда ее осматривали.

— Я всего лишь ненадолго заглянул в спальню. Всю ее я не осматривал. Она не моя пациентка.

— Ах! Эта ваша дурацкая этика! — Марион сделала нетерпеливый жест. — Знаете, Дэвид, наверное, вам не надо было приходить сюда.

— Но ведь вы сами меня вызвали.

— Да, милый друг. Однако я ведь тоже... — сказала Марион, приподняв одно плечо и вытянув руку вперед ладонью вверх, — я ведь тоже могу быть иногда истеричной, как и любой другой человек. К счастью, в конце концов это не столь важно.

— Это весьма важно, Марион. Вы должны сказать мне, что, собственно, произошло.

— О чем вы?

— Ну, насколько я помню, мы с вами и Винсом должны были сегодня ужинать в Гайд-Парк-Гарденз. Что же вы делаете здесь?

— Ах, вот вы о чем... Да, конечно, я должна вам объяснить. Поскольку именно меня это измучило больше всех, а мне такие вещи не нравятся, и я не собираюсь одобрять их! Меня позвала тетя Бланш, Дэвид.

Ее глаза перестали бегать. Она глубоко вздохнула, села в одно из массивных кресел, выпрямилась и кивком предложила Гарту сесть в соседнее кресло.

— Она позвонила мне, Дэвид. Невероятное дело. Тетя Бланш не любит телефон и никогда не притрагивается к нему. Однако на сей раз ей пришлось воспользоваться им. Она сказала, что всю прислугу отослала из дома. Выпроводила сразу всех и велела им явиться поздно вечером. Сказала, что ее должна навестить какая-то женщина и что она не хочет оставаться в доме одна, когда придет эта женщина. Как я могла в таких обстоятельствах немедленно не прийти и не остаться с ней? Посудите сами!

— Миссис Монтэг сказала вам, как зовут ее гостью?

— Прошу вас, не торопите меня!

— Ну, что же было дальше?

Гарт, оставшийся стоять, наклонил голову. В свете двух ламп полировка на мебели стала мертвенно синей. В углах блестели латунные вазы из Бенареса.

— Дядюшка Сэл каждую среду и пятницу ходит вечером в клуб. Он никак не мог оставаться здесь. А Винса, как обычно, дома не было, так что послать сюда его я тоже не могла. В конце концов еще не было восьми. Вы сказали, что сможете быть в Гайд-Парк-Гарденз не раньше десяти. Поэтому я решила, что сама исполню этот смешной каприз тети Бланш. У меня хватало времени, чтобы вернуться домой к десяти.

Однако это не было смешным капризом, Дэвид. Прежде всего я совершила глупость, наняв автокэб. Шофер оказался таким идиотом, что хотел преодолеть этот ужасно длинный подъем на Фитцджонс-авеню. Мотор зачихал и заглох, когда мы проехали две трети склона. Потом оказалось, что тормоза не могут нас удержать, как это и бывает в большинстве случаев. Мы начали просто-напросто скользить с холма. Я уже представляла себе, как автомобиль неотвратимо скатится вниз. Так оно и случилось бы, если бы шоферу не удалось сделать почти полный разворот и упереться левым задним колесом в бровку тротуара.

Я понимаю, что это не так важно, однако я разнервничалась. Остаток пути я добиралась пешком. Подойдя к входной двери, я увидела, что она приоткрыта. На улице было еще светло, однако тетя Бланш опустила все шторы на первом этаже. Когда я вошла, в доме было темно. А через минуту я услышала крик тети Бланш.

Она разговаривала с кем-то наверху. Я видела их обеих за перилами на верхней площадке позади холла. Тетя Бланш повторяла одно слово снова и снова, до бесконечности. Дэвид, это было слово «шлюха». Она непрерывно его выкрикивала: «Шлюха, шлюха, шлюха!»

Марион замолчала.

К ее лицу быстро прилила кровь, но глаза уверенно смотрели на Гарта. Это был взгляд зрелой женщины.

Гарт между тем тоже сел в резное кресло напротив нее. Теперь он сидел и слушал, облокотившись на широкий поручень и подперев голову рукой, не глядя на Марион.

— Я еще никогда не слышала этого слова от тети Бланш, Дэвид. Внезапно она замолчала и больше ничего не говорила. Раздались какие-то странные звуки. Мне следовало побежать наверх по парадной лестнице. Но я не сделала этого. Я пробежала через дом и помчалась вверх по задней лестнице. Когда я поднялась на площадку перед тетиной комнатой... Вы были правы. Эта женщина схватила ее за горло.

Тетя Бланш лежала ничком на соломенном коврикe. Женщина склонилась над тетей, стоя спиной ко мне. Я что-то закричала, и женщина оглянулась. В конце площадки есть окно с цветным стеклом. Та женщина находилась на таком же расстоянии от меня, что и вы. Я вытянула руки и бросилась к ней. А она побежала вниз по парадной лестнице.

Входная дверь была распахнута настежь. Я думала, что она бежит к двери, однако она как-то беспомощно повернулась и, словно слепая, помчалась назад. Я бы не поняла, в чем дело, если бы не стояла на коленях возле тети Бланш. С этой верхней площадки, если наклониться почти до самого пола, сквозь перила можно видеть ворота. А перед воротами стоял полицейский и заглядывал внутрь.

Потом он пошел дальше. Был теплый вечер, еще не совсем стемнело. Наверное, этот полицейский подумал, что все в порядке, хотя ворота и входная дверь в дом были открыты. Эта женщина не видела, что он уходит. Из дома наружу ведет еще один путь: через дверь под парадной лестницей на лестницу в подвал, а через подвал к боковому полуподвальному входу в дом. Она бросилась туда.

Теперь начинается самая глупая часть моего рассказа. Мне пришла в голову только одна мысль: «Она попалась! Она попалась!» Когда она побежала вниз, в подвал, я помчалась вслед за ней к двери на подвальную лестницу. Я закрыла дверь на засов и держала его, но совершенно забыла, что внизу не ждет никто из прислуги. Этой женщине достаточно было открыть наружную дверь внизу в подвале и удрать через боковые ворота, прежде чем кто-либо сможет ее заметить.

Я все еще держала засов, когда услышала, как открылась и потом захлопнулась наружная полуподвальная дверь. Была такая тишина, что мне казалось, будто я слышу, как эта женщина бежит к воротам, однако это была, возможно, лишь игра моего воображения. В конце концов я была здесь одна, начинало темнеть, а там, наверху, неподвижно лежала тетя Бланш.

Марион снова замолчала.

— Понятно, — заметил Гарт.

— Дэвид, дорогой, — сказала Марион совсем другим тоном, — наверное, вам все это ужасно скучно слушать. Наверное, и я сама кажусь вам ужасно скучной.

Слез для нее словно не существовало. Марион встала. Уронила кружевной платочек и сжала ладони. Высокая, ростом почти сто восемьдесят сантиметров, похожая на античную статую, она медленно подошла к камину.

— То, что произошло с тетей Бланш, просто ужасно, — сказала она, повернувшись спиной к камину, — однако ни на кого это не подействовало сильнее чем на меня. А ведь все могло кончиться гораздо хуже.

— Да, действительно, — Гарт следил за ней взглядом. — А когда вы обнаружили, что та женщина, которая была здесь, удрала, что вы сделали, Марион?

— Ну...

— Что вы сделали? Обратились в полицию?

— Нет, не обратилась. А зачем? Представьте себе эти сплетни. Подумайте, что бы обо всем этом говорили люди?

— Значит, вы не заявили о попытке убийства, потому что начались бы сплетни?

— Но, милый Дэвид, так уж устроен мир. Слава Богу, я поняла это, когда мне было четырнадцать лет, и никогда не забываю об этом. Когда тетя Бланш придет в себя и будет способна говорить, со мной или с кем-либо другим, наверняка она сама решит, как следует поступить.

— Возможно. Но вы не сказали мне, что сделали.

— Я, естественно, позвонила доктору Фортескью. Спустя две-три минуты он уже был здесь, и мы положили в постель эту бедную старушку.

— Вы сказали ему то, о чем только что рассказали мне?

— Я вообще ничего не сказала ему, милый Дэвид.

— Но вам, надеюсь, понятно, что доктор Фортескью должен будет сообщить о случившемся в полицию? Если он уже этого не сделал.

— Нет, Дэвид, это мне непонятно. Доктор Фортескью даже словом нигде не обмолвится. Он на нашей стороне. Люди всегда на нашей стороне.

— Ну нет! Какая-то женщина, кто бы она ни была, жестоко напала и чудом не убила миссис Монтэг. Неужели вас это не задело за живое, Марион? Вы не хотите, чтобы она понесла наказание?

— Конечно, я хочу, чтобы она понесла наказание. — Светло-синие глаза избегали его взгляда. — Никто, никто не способен представить себе, — она перевела дыхание, — как бы я хотела, чтобы эта женщина понесла наказание и чтобы она испытывала муки за то, что совершила. Но я, с вашего позволения, поступлю по-своему.

— Вы узнали эту женщину?

— Узнала ли я ее?

— Вы ее уже когда-нибудь видели?

— О боже, конечно же нет! Какая бессмыслица!

— Вы хотя бы знаете, кто она такая?

— Нет.

— Можете ли вы назвать какую-нибудь причину, по которой кто-то хотел убить миссис Монтэг?

— Но позвольте, Дэвид, я ведь не умею читать мысли. Как вы можете спрашивать о таком?

— Если вы никогда раньше ее не видели и не знаете, кто она такая и почему она так поступила, найти ее будет нелегко, до тех пор пока ее не начнет искать полиция. Вы можете, к примеру, описать ее?

— Она выглядела, как... нет! Этим словом я не буду пользоваться. Оно отвратительное, пошлое. Но она выглядела именно так, как назвала ее тетя Бланш.

— Мы говорили о ее внешнем виде, Марион, а не о ее характере. Вы можете описать, как она выглядит?

— С легкостью. Ей лет тридцать, а возможно, и больше. Она ниже меня сантиметров на десять — двенадцать. Каштановые волосы, карие глаза. Вовсе не красавица, но для этой своей профессии, я бы сказала, вполне подходяща.

— Во что она была одета?

— Одеты она была хорошо. Синий матросский костюмчик из саржи, сшитый по мерке, по моему, в ателье Редферна. Плиссированная накрахмаленная белая блузка с кружевным воротничком. Маленькие золотые часики. Соломенная шляпа с сине-белой лентой.

— Кстати, Марион, который был час, когда вы ее увидели? Помните?

— Довольно точно. Было... Дэвид!

Она замолчала.

Оба старались говорить спокойным тоном: Гарт нарочито без предубеждения, а Марион обращалась скорее не к нему, а к стене между двумя фасадными окнами. Отблески бледного света лампы падали на гладкие рыжие волосы Марион, зачесанные за ушами; он отражался от светлой дубовой мебели и от стеклянных глаз тигриной головы высоко над каминной полкой. Неприятная атмосфера дома (Гарт неожиданно подумал, что знает ее причину) так заразила их обоих, что Марион оцепенела, когда в холле раздался шаг.

— Дэвид! — повторила Марион.

Гарт вскочил, вбежал в холл и едва не столкнулся с Винсентом Боствиком.

— Мой дорогой друг, — слегка растягивал слоги точно так же удивленный Винс, в сером летнем костюме и с котелком в руке, — подстерегаешь какую-нибудь добычу?

— Мне бы очень хотелось, чтобы я мог тебе возразить.

Они посмотрели друг на друга.

— Я обнаружил весьма странную записку от Марион, — громко сказал Винс, — когда пришел домой.

— Марион здесь, Винс. Она в этой комнате.

— Чудесно, дружище, но почему никто не открывал мне? Я стучал добрых пять минут.

— Мы, к сожалению, не слышали тебя. Мы беседовали.

Возможно, Винс понимал, что здесь случилось нечто вовсе не смешное, но, несмотря на это, его поведение не стало хотя бы чуточку менее игривым. Его вытянутое лицо с гладкой кожей, покрытое солнечным загаром и обветренное, все было в веселых морщинках. Вьющиеся волосы, разделенные прямым пробором, уже начали сесть на висках. Гарт вспомнил целый ряд образов Винса Боствика, абсолютно отличных от того обманчивого образа бездельника, который Винс демонстрировал обществу, а потом он представил себе Винса с Бетти Калдер.

Нет, только не это! Только не это!

— Винс, ты точно знаешь?

— Что? Что я точно знаю?

Что дверь подвала заперта изнутри.

— Если быть точным, — ответил Винс, — я не знаю, торчит ли изнутри в замке ключ. Но эта дверь имеет две задвижки от воров, одну наверху и одну внизу. И эти задвижки закрыты, это я знаю совершенно точно. А разве в этом есть что-то странное?

— Есть. Здесь произошло несчастье. Иди к Марион.

— Какое несчастье?

— Иди к Марион.

Винс ушел.

Холл был наполнен тихими ночными скрипами и шорохами. Стены в рост человека обшиты темным дубом, выше обшивки обтянуты каким-то толстым материалом, похожим на матовую коричневую юфть. На столбике у подножья лестницы стояла бронзовая статуэтка Дианы, державшей над головой электрическую лампочку, которая освещала ковер, покрывающий лестницу, и перила на верхней площадке, обращенной к входной двери.

Гарт осмотрелся по сторонам.

Прошел под лестницу. Доступ к лестнице в подвал, как и говорила Марион, преграждала дверь, которая по-прежнему была заперта на засов. Гарт отодвинул засов, сразу за дверью нажал на электрический выключатель и ступил в подвал.

Когда в каком-нибудь доме гнетущая атмосфера усиливается до такой степени, что приводит к самоубийству, это можно объяснить тем, что ее переполнили отрицательные эмоции. «Это уже невозможно выдержать, — слышим мы от людей, — мы должны отсюда переехать». А если такие чувства подавляются, подавляются и скрываются, поскольку их считают ненормальными, неестественными, то в таком случае эти «узники в клетке» могут стать еще опаснее.

Гарт осмотрел подвальное помещение. Он прошел через кухню, столовую для прислуги, кладовую и прачечную, везде включил свет и увидел, как разбегаются в разные стороны тараканы. Заглянул в камеру с углем и в винный погреб. Каждое из окон, которые до половины были ниже уровня земли, было закрыто на шпингалет и забито угольной пылью.

Правда, в кухне, которую он осматривал в начале и в конце, в замке большой двери, ведущей наружу из дома, торчал ключ, повернутый так, что замок был открыт. Однако обе задвижки, и наверху и внизу, действительно были закрыты. Гарту пришлось сильно дернуть задвижку, когда он захотел ее открыть.

На кухонной печи, которую топили углем, горела голубым огоньком свечечка, напомнившая Гарту его детство. В застекленной двери отражалось его изображение. Гарт провел в этом подвале не более десяти минут. Когда он торопился обратно, его каблуки громко стучали по деревянным ступенькам. В гостиной в одиночестве сидела Марион и улыбалась ему.

— Марион, а где Винс?

— Он пошел наверх посмотреть на тетю Бланш. — Марион прикрыла глаза. — Я сказала ему, что доктор дал ей морфий.

— Вы рассказали Винсу о том, что здесь случилось?

— Конечно. Разве вы не заметили, что здесь еще чуточку дрожит воздух? Винс от всего этого сам не свой, бедняжка. Видит Бог, я не держу на него зла за это. Дэвид, вы о чем-то спрашивали меня, когда пришел Винс?

— Спрашивал.

— Вы спросили, сколько было времени, когда я увидела эту женщину?

— Да.

— Это не должно быть с точностью до минуты?

— Нет.

Пальцы Марион передвигались по подлокотнику кресла из золотистого дуба. Вот они соскользнули, несколько мгновений блуждали вслепую, как гибкие змейки, потом коснулись руки Гарта. Очевидно, она не хотела сознательно использовать свое очарование, однако оно произвольно струилось из ее глаз и губ, когда она подняла голову.

— Прошло довольно много времени после того досадного случая с автокэбом, о котором я вам рассказала. Остаток пути я шла пешком. Когда я вошла в дом через парадную дверь, было приблизительно без десяти минут девять.

— Вы в этом уверены?

— Да. Вполне уверена. Но оставим это, Дэвид!

Она не объяснила, что имела в виду под «оставим это». А Гарт проигнорировал то, что она сказала.

— Вы очень хорошо описали эту женщину, Марион. Вы смогли бы узнать ее по фотографии?

— Не понимаю вас.

Он сунул руку во внутренний карман, вынул бумажник и достал оттуда сделанную «кодаком» моментальную фотографию на глянцевой бумаге. Снимок изображал Бетти Калдер на пляже возле ее домика. Бетти смотрела на утреннее солнце, а позади нее был виден пляжный павильончик на низких сваях на отмели.

— Эта та женщина, которую вы видели?

— Дэвид! Откуда это у вас?

— Это та женщина, которую вы видели? Внимательно посмотрите на фотографию, прошу вас. Эта та женщина, которую вы видели?

— Да. Да, это она! Она не надевает чулки к купальному костюму, видите? Но вы ее не знаете, нет?

— Я достаточно хорошо знаю ее. Ее фамилия Калдер. Она вдова губернатора Ямайки, и в этом году мы должны пожениться.

— О боже! — прошептала Марион после краткой паузы. — Боже мой!

Несмотря на полную уверенность в себе, несмотря на то, что он говорил спокойно, у Гарта болезненно заколотилось сердце и ему показалось, что он задыхается. Во взгляде Марион были ужас, сочувствие, искренняя симпатия.

— Не имеет значения, что вы сейчас сказали, — энергично заявил он, — при условии, что вы сказали это только мне. Или Винсу. Но больше никому не говорите об этом. Вы ведь говорите неправду, разве не так?

— Но я говорю правду! Клянусь! Честное слово, это чистая правда!

Если бы не его опыт, он, вероятно, поверил бы, что Марион говорит правду. Гарт сказал спокойным голосом:

— Послушайте, Марион! Сегодня вечером без десяти девять Бетти Калдер находилась у меня на Харли-стрит. Именно в это время она разговаривала с моим ассистентом, которого зовут Майкл Филдинг. Я лично могу засвидетельствовать, что в девять часов она еще была там. Это совершенно точно. Я пришел на встречу с пациентом... — Он осекся.

— С каким пациентом?

— Это не имеет отношения к делу. Я хочу выделить лишь следующий факт. Дом, где находится моя приемная, так далеко отсюда, что несколько минут, десять или даже двадцать, вообще не играют никакой роли. Бетти Калдер решительно не могла быть в Хэмпстеде ни до ни после этого времени, которое вы мне назвали. Это доказательство номер один. Неоспоримое доказательство! Второе доказательство сейчас прозвучит. Минуту назад вы мне сказали, что эта «загадочная женщина» выбежала из дома через дверь в подвале и захлопнула эту дверь за собой.

— Я и сейчас это утверждаю! Это правда!

— Марион, вы когда-нибудь спускались вниз, в подвал?

— Нет! Естественно, нет!

— А кто-нибудь другой туда спускался? Например, доктор Фортестья?

— Нет! Зачем же кому-нибудь спускаться в подвал?

— Ну так вот, я туда спустился. Дверь внизу по-прежнему была закрыта на две надежные задвижки, и только несколько минут назад я сам ее открыл. Даже дуэт самых знаменитых салонных фокусников не смог бы выйти этим путем из дома и оставить за собой дверь, закрытую изнутри на задвижки. И даже если бы вы ошиблись, говоря о звуке открываемой и закрываемой двери, все равно ваша «загадочная женщина» не смогла бы выбраться наружу через какое-нибудь окно: все окна там тоже заперты. Через холл она также не могла выйти: вы сами заперли на засов дверь в подвал и оставили ее закрытой. А теперь этой женщины там нет.

— Бедняжка Дэвид, — воскликнула Марион; не было похоже, что она злится на него; скорее она выглядела так, словно переживает за него, — вы так сильно влюблены в эту особу, да?

— Черт возьми, Марион!..

— Да?

— Ну, скажем, она мне нравится. Но это к делу не относится. Не суйте вашу собственную голову в петлю. Если об этом деле узнает полиция, неужели вы думаете, что она поверит в такую детскую сказку, как ваша история?

— А если она не узнает об этом, то в таком случае ваше благородное и сильное чувство профессиональной этики, очевидно, заставит вас рассказать ей об этом?

— Оставьте в покое мою профессиональную этику! — Гарт сам испугался того, что говорит. — Вы и Винс мне ближе всех на свете, за исключением Бетти. Если понадобится, я буду вас защищать. Вы, несомненно, знали об этом, когда позвали меня, чтобы проверить на мне свою версию произошедшего здесь. Но Бетти в эту версию не впутывайте! Я слышал о ней, что она мошенница и шлюха, это уже само по себе достаточно плохо. Но вы не смеете утверждать, что она может одновременно находиться в двух местах и способна пройти сквозь толстую стену, как эта женщина в вашей истории.

Марион вскочила из кресла.

— Каждое слово, которое я вам сказала, — она медленно цедила слова сквозь зубы, — это чистая правда. Пусть я умру на месте, если это была неправда. Может, хотя бы теперь вы мне поверите! — подняв взгляд к потолку и затопав ногами, как капризный ребенок, она вскричала: — Боже на небесах, сделай так, чтобы он мне поверил!

Спокойным, протестующим «Ну и дела!» ее перебил новый голос. Перебил так неожиданно, словно на них обоих кто-то вылил ведро холодной воды.

По пестрому индийскому ковру в гостиную вошел Винс Боствик, теперь он был бледнее, чем раньше. Он курил сигарету, которую поспешно погасил в латунной пепельнице на сервировочном столике, лишь только перехватил ледяной взгляд Марион. И все же спокойным он не казался.

— Мой дорогой друг, — сказал он и смерил Гарта взглядом с головы до ног, — сколько живу, никогда не слышал, чтобы ты так выражался. Я даже не знал, что ты на такое способен.

— Ты не знал? — вскричала Марион, оттопырив верхнюю губу. — Ты серьезно не знал?

— Нет. А теперь пара слов для тебя, золотко. Ты уговорила доктора Фортескью, чтобы он ничего не сказал полиции? Ты попросила его, чтобы он ничего не говорил?

— Но, Винс, в этом не было нужды. Достаточно было просто намекнуть. Доктор всегда делает то, что я попрошу.

— Если ты так полагаешь, любимая, поскорее посмотри в окно.

Марион не шевельнулась.

— Полиция, — сказал Винс. — Насколько я помню этот округ, один из них — инспектор из полицейского участка на Росслин-Хилл. Хочешь что-нибудь добавить к этому, Дэвид?

— Только один вопрос, — ответил Гарт, тоже повернувшись к Марион. — Вы говорите, что об этом деле доктору Фортескью не сказали ничего. Что точно означает это «ничего»?

— Ну, кое-что мне пришлось ему сказать, сами понимаете. Не могла же я отделаться простым молчанием, ведь так? Поэтому я сказала, что на тетю Бланш напала какая-то женщина, которая потом убежала через дверь в подвал, что она в действительности и сделала. Однако я сказала, что это, очевидно, была какая-то воровка, что я ее как следует не рассмотрела и поэтому не смогу опознать.

Эхо в холле глухо повторило энергичный стук в парадную дверь.

— Тебе нужно хорошенько подумать, что ты скажешь этим парням, — произнес Винс. Он пошел открыть дверь и, перед тем как взяться за дверную ручку, расправил плечи. Гарт последовал за ним.

Снаружи стояла по стойке смирно широкоплечая фигура военного вида, у нее были пышные седые усы, а на голове фуражка инспектора. Позади нее торчал шлем какого-то констебля. Винс прекрасно умел обходиться с низшими полицейскими чинами, они просто обожали его.

— А, приветствую вас, — непринужденно и доброжелательно сказал он. — Мистер... э-э... инспектор Роджерс, если не ошибаюсь?

— Сэр! — Инспектор отдал честь. — Полковник Селби дома?

— К сожалению, сегодня вечером полковник Селби в клубе.

— Только между нами, сэр, но я не разыскиваю полковника. Вы мистер Боствик, не так ли? Зять полковника.

— Ну, не совсем зять, но нечто в этом роде. Вам что-то угодно?

Вид у инспектора Роджерса стал еще более серьезным и отчаянным. Он снова отдал честь.

— Просто ужасно, сэр, что с этой бедной дамой случилось такое горе. Но, к счастью, у нас есть свидетельница, которая считает, что окажется полезной, если у нее будет возможность десять минут побеседовать с миссис Боствик.

— Свидетельница?

— Да, сэр. Если вы выглянете за ворота, вы увидите ее. Она сидит в автомобиле марки «паккард». Ее зовут леди Калдер.

Глава 5

— Леди Калдер! — повторил Винс.

Он обернулся и посмотрел на Гарта.

«Да, дружище, — добавил его совершенно не враждебный взгляд так ясно, словно Винс сказал это вслух, я слышал твой разговор с Марион».

Винс как-то заметил, что из окон верхнего этажа этого дома в ясную погоду виден самый дальний уголок парка и даже собор Святого Павла. Если бы такой вид сейчас и открывался, Гарт вряд ли стал им восхищаться.

Неухоженный сад перед домом, с рододендронами и араукариями, простирался до самой кирпичной стены на Нэгс-Корнер-Роуд. Через ажурные ворота в этой стене, которые сейчас были открыты, Гарт видел дрожащий отсвет уличного фонаря на зеленом лаке и латунных молдингах автомобиля.

Первая мысль, пришедшая Гарту в голову, была: «Инспектор Роджерс. Как Винс ухитряется запомнить такие фамилии? Как такое возможно, что он помнит всех и сумел заслужить расположение всех этих людей?» Потом он мог думать только о Бетти.

— Леди Калдер, — повторил Винс. — Спасибо, инспектор, прошу вас, пригласите леди Калдер войти.

— Слушаю, сэр.

В холле, который уже видел столько эмоциональных сцен, снова ощущалось похожее волнение. Из гостиной с властным достоинством вышла, шелестя платьем, Марион Боствик и направилась в тыльную часть холла.

Гостиная и столовая находились справа. В конце холла, напротив фасада, была маленькая комната; когда Марион включила там свет, Гарт увидел типичное мужское жилище.

Бетти Калдер шла по дорожке от ворот.

Она была бледна под соломенной шляпкой с сине-белой лентой. Казалось, что эта замкнутая, скрытная Бетти пересилила растерянность и даже чувство унижения. Хотя, возможно, она еще не преодолела ни того, ни другого. Она замедлила шаг, когда увидела Гарта, а на ее щеках появились красные пятна.

Инспектор Роджерс, полицейский того типа, который нравился Гарту и которому он доверял в той же степени, в какой не любил и не доверял полицейскому типа инспектора Твигга, с пониманием покашливал.

— Это мистер Боствик, — сказал он. — А там, в кабинете полковника, миссис Боствик. Этот мистер...

— С доктором Гартом мы знакомы, — перебила его Бетти.

— Еще один доктор? Вот как? Это хорошо.

Лицо Бетти по-прежнему оставалось бледным. Бронзовая фигурка Дианы на столбике перил держала лампу, ярко освещавшую обеих женщин: Марион в кабинете и Бетти, которая смотрела на Марион и медленно приближалась к ней.

Гарт присоединился к Бетти, пошел радом, прошептал: «Главное — спокойствие!», и прикоснулся к ее локтю.

Она вся дрожала.

Напряжение с каждой секундой возрастало. Марион с внезапным гневным жестом шагнула вперед и так же неожиданно остановилась на пороге кабинета — не со страхом, это было очевидно, а от изумления. Бетти тоже остановилась. В холле с темной дубовой обшивкой и коричневой юфтью все замерло.

Раздался нежный голос Бетти.

— Инспектор, — она кашлянула, — прошу вас, сделайте то, что вы мне обещали. Оставьте меня на десять минут с мистером Боствиком и его женой. И, естественно, с доктором Гартом. Что будет потом, мне безразлично.

— Инспектор... — быстро начал Винс.

— Замолчи! — прикрикнул на него Гарт.

— Ну, не знаю, миссис, — заколебался инспектор, — должен ли я это делать. Ну, ладно... Мне кажется, вы хороший человек, поэтому я рискну. Но только десять минут! Я и констебль подождем возле дома.

— Вам не нужно ждать возле дома, — сказал Винс. — Там в столовой имеются виски. Можете ими воспользоваться. И констебль тоже.

— В таком случае, джентльмены...

Марион, которая все еще держалась прямо, величественно расправив плечи, словно королева, вошла в кабинет. За ней последовала Бетти и только потом Гарт и Винс.

С темных обоев, усеянных матовыми золотистыми пятнышками, смотрели еще три охотничьих трофея, головы пантеры, антилопы и снежного барса. В комнате пахло сигарами. Здесь стояли коричневые кожаные кресла, а на стенах висели фотографии охотников с ружьями или рогатинами для кабанов. Книг здесь не было, только наверху на застекленном шкафу, в котором висели ружья, стояло несколько переплетенных годовых подшивок журнала для охотников. Хотя люстра была переделана под электрический свет, но на красивом письменном столе стояла латунная газовая лампа с зеленым абажуром (полковник Селби предпочитал старомодное освещение). На полу лежала еще одна тигриная голова, на этот раз вместе с выделанной шкурой.

Гарт закрыл дверь. Он все еще держал в руке фотографию, сделанную «кодаком», и только теперь положил ее в бумажник. А Бетти по-прежнему избегала его взгляда.

— Посмотрите на меня, — сказала она, обращаясь к Марион. — Посмотрите на меня еще раз!

— Благодарю вас, я смотрю.

— Вы же видите, что это была не я, это не меня сегодня вечером вы видели в этом доме. Вы видели кого-то похожего на меня и точно так же одетого. Я больше не могу выдерживать с ней. Я пыталась, пыталась поступать с ней порядочно. Но теперь я уже больше не выдержу с ней.

— С ней? — воскликнула Марион. — Вы утверждаете, что вы невиновны?

— Нет, я невиновна в этом. Я почти такая же, как она, но я не преступница. Много раз, когда она напивалась, я заменяла ее в программе. Но хуже всего то, что мне это вовсе не мешало, я делала это охотно до тех пор, пока... — Бетти замолчала. — Но теперь этому пришел конец, — после паузы сказала она. — Если она попытается совершить еще одну подлость, Бог мне свидетель, я убью ее, и будь что будет. Разве вы не понимаете, что я не та женщина, которую вы видели?

— Знаете, — воскликнула Марион, которую этот монолог наверняка заворожил и ошеломил, но вместе с тем заставил смягчиться, — я начинаю думать, что это в самом деле были не вы.

— Бетти, — мягко произнес Гарт.

— Не прикасайся ко мне! — крикнула Бетти и отдернула руку. — После того, что случилось сегодня, ты все равно больше не захочешь прикасаться ко мне. Ты ничего не понимаешь.

— Бетти, не сходи с ума! Я догадываюсь, что Марион видела одну из твоих сестер, если она вообще кого-нибудь видела.

Винс Боствик, который открывал серебряный портсигар, закрыл его, щелкнув крышкой. Бетти наконец перевела взгляд на Гарта и запинаясь сказала:

— Как ты догадался?

— После того что рассказал Твигг, это было не очень трудно. Садись сюда, — он показал на коричневый плюшевый диван, стоящий в правом углу возле пустого камина, — и давай проясним более непонятные вещи.

— Но...

— Марион, вы тоже садитесь. На противоположный конец этого дивана.

— Как вам угодно, — сказала Марион и театрально пожала плечами. — Я из всего этого не понимаю ни единого слова, но если вам угодно, пожалуйста.

— Оставьте, Марион. Ведь эта танцовщица-шантажистка из «Мулен Руж» вам знакома.

— Я не имею ни малейшего понятия!..

— Садитесь обе. Мы попали в дьявольски неприятное положение, и у нас не слишком много времени, чтобы из него выпутаться, — Гарт подождал и, когда женщины сели, продолжил, — ну вот, так будет лучше. Бетти, когда сегодня вечером на Харли-стрит появился инспектор Твигг и заявил, что хочет поговорить со мной о человеке, который ведет двойную жизнь, тебя охватила паника и ты убежала. Тебя можно понять, и никто не имеет права упрекать тебя за это. Но что привело тебя в хэмпстедскую полицию, а потом сюда? Как ты узнала о Марион и Винсе? Не помню, чтобы я при тебе упоминал о них.

— Это неважно. Мне следовало раньше рассказать тебе о Глайнис.

— Это твоя сестра?

— Да.

Трудно было ожидать, что эти две женщины будут сидеть рядом, как терпеливые Гризельды, хотя Марион теперь выглядела полюбезнее, проявляла искреннее любопытство и, очевидно, уже не испытывала никакого отвращения к Бетти.

Однако Бетти к этому времени потеряла свою решимость. Теперь было ясно, что она начала смотреть на все это не только как на свое личное дело. Она начала взвешивать свои слова перед чужими людьми. Бетти встала. Нерешительно, сделав извинительный жест рукой в перчатке, она подошла к стене и повернулась лицом к присутствующим. Она не была красивой, но обладала свежей прелестью и очарованием, а идущий ей матросский костюмчик из синей саржи и белая блузка подчеркивали ее женственность.

— Я...

— У тебя есть три сестры, — сказал Гарт, перехватив ее взгляд, — которые родились «где-то в Германии», как выразился Твигг, чем, вероятно, хотел подчеркнуть, что они незнатного происхождения и которые стали танцовщицами.

— Да. Однако речь сейчас идет только об одной из них, Глайнис. Она на год старше меня. Она не была бы столь похожа на меня, если бы с тех пор, как я вышла замуж за Горация Калдера, не начала нарочно одеваться точно так же, как я. Это одно из проявлений ее чувства юмора, если можно так выразиться. И это приводит ко всяким осложнениям. Глайнис всегда говорила, что я...

— Что?

— Слишком стыдлива. Тот образ жизни, который нам пришлось вести, я всегда ненавидела. Ненавидела! Это бесспорно. Около семи лет назад Глайнис получила первый ангажемент. Ее пригласили танцевать в «Мулен Руж». Через год она написала мне в Англию, будто бы у нее в «Мулен Руж» блестящее жалованье (эти деньги были, естественно, не оттуда), и если мои дела не очень хороши (это была правда), то она пристроит меня в случае моего приезда в Париж.

Это «пристроит» означало, что я была чем-то вроде приживалки и заменяла сестру, когда она не могла танцевать. О ее знакомствах с мужчинами я, естественно, все знала. Это не очень красивая история. Однако я совсем не знала, могу в этом поклясться, что каждая ее любовная афера заканчивалась шантажом или, по меньшей мере, попыткой шантажа.

Осенью 1902 года Глайнис ненадолго вернулась в Англию. Один банкир, его фамилия была Далримпл, пустил себе пулю в голову. У Глайнис сдали нервы, и когда ее допрашивали в полиции, она заявила, что ее зовут Элизабет Стакли. Возможно, вы не поверите мне, но обо всем этом я узнала гораздо позднее.

Глайнис может быть очень милой, если захочет. Ее отношение ко мне начало меняться только через год. В Париже меня увидел сэр Гораций Калдер, губернатор Ямайки, и попросил выйти за него замуж. Я не могла поверить, что он говорит серьезно, однако это было действительно так. Ну и... Я приняла его предложение. Ему было почти семьдесят три, но я приняла его предложение. Я ведь сказала вам, что это не очень красивая история. Глайнис смеялась, но от зависти едва не сошла с ума.

Бетти говорила без истерики, даже негромко, но с тем особенным, безучастным выражением, которое иногда было ей присуще.

— Я приняла его предложение, — сказала она. — А вы бы приняли его, миссис Боствик?

Марион рассмеялась. Звонким смехом, от которого Гарт ощутил каждый нерв в своем теле.

— Ну, я... миссис... ах, вы ведь леди Калдер, да? — ответила Марион, прежде чем Гарт успел вмешаться. — Если говорить серьезно, не знаю. Возможно, я бы тоже приняла его, но... нет, сомневаюсь. Понимаете, он был уже слишком стар. Мне больше нравятся молодые мужчины. Да, решительно, молодые!

Винс Боствик достал из серебряного портсигара сигарету, разломил ее на две части и бросил на пол.

— Только без эмоций! — сказал Гарт. — Бетти, время уходить. Ты говорила, что...

— Думаю, то самоубийство немного перепугало Глайнис. Когда я жила на Ямайке, она переехала в Трувиль...

— В Трувиль?

— В Нормандию.

— Я знаю, где это, Бетти. Продолжай.

— Глайнис оставалась там вплоть до позапрошлого года. Мой... мой муж умер. У «Мулен Руж» сменился владелец, а состав исполнительниц там меняется постоянно. Глайнис вернулась туда; сказала, что теперь она леди Калдер и что снова хочет работать. Французы испытывают слабость к титулам, но одно это ей бы не помогло, если бы она действительно не была хорошей, смелой танцовщицей (ты понимаешь меня, Дэвид?), какая им нужна. Я в прошлом году тоже была в Париже, но по-прежнему ничего не знала. Обо всем я узнала только...

— Когда?

— Две недели назад. Глайнис неожиданно явилась ко мне в домик на берегу моря и все рассказала.

Бетти повернулась к Гарту.

— Ее уволили из-за пьянства. Ей нужны были деньги, и я дала ей их. Я отдала бы ей все на свете. Я могла бы доказать, что никогда не была шантажисткой или... или тем другим, однако Глайнис смеялась и утверждала, что я никогда не смогу этого доказать. И разве это привело бы к чему-нибудь хорошему? Я ведь танцевала в том заведении. Еще две недели назад я думала, что предпочла бы умереть, лишь бы ты не узнал об этом. Вот и все.

— Нет, Бетти, это не все. Как ты узнала о существовании Винса и Марион?

— Неужели ты думаешь, что меня не интересует все, имеющее к тебе какое-либо отношение? Я должна этим интересоваться. А ведь они твои самые близкие друзья. Мне сказал это Хэл Ормистон.

— Снова мой племянник, гм. Значит, об этом тебе сказал он?

— Да. Он сказал, что очень хорошо знает миссис Боствик.

Четыре лампочки в люстре бросали такой же мертвенно бледный свет, как в приемной Гарта. Бетти стояла, прислонившись к стене. Марион, выпрямившись, сидела на кожаном диване.

— Нет ничего удивительного, — сказала с вызовом Марион, — в том, что я и Винс знакомы с племянником Дэвида.

— Верно, — сказал Гарт и посмотрел на Бетти. — Когда сегодня вечером ты уехала на автомобиле с Харли-стрит, куда ты направилась?

— В Гайд-Парк-Гарденз, 38б. Хэл сказал, что они живут по этому адресу.

— А зачем ты поехала к Боствикам?

— Может быть, достаточно, доктор! У меня... у меня были на то свои причины.

— Я и пытаюсь это выяснить. Бетти, эта «хорошая» Глайнис шантажировала тебя. Она шантажирует еще кого-нибудь?

— Я... я не знаю.

— Марион, — продолжал Гарт, и теперь у него самого было просительное выражение, — принимая во внимание то, что нам подсказывает здравый смысл, вы по-прежнему утверждаете, что до сегодняшнего вечера никогда не видели Глайнис Стакли, которая иногда называет себя Элизабет Стакли?

— Я решительно утверждаю это.

— А ты, Винс? Ты никогда не сталкивался с ней?

— Нет, не сталкивался, дружище, — сухо ответил Винс. — А почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Потому что джентльмены из Скотленд-Ярда считают, что ты ее знаешь.

— Что за шутки, дружище?

— Это не шутки. Если бы мне только удалось убедить тебя и Марион, каждого различными способами, что это настолько серьезно, что серьезнее некуда. — У Гарта болела голова. Черные обои с матовыми золотистыми пятнышками или точками кружились вокруг него так же, как страстное, обеспокоенное, любимое лицо Бетти.

— В любом случае, — сказал он, взяв себя в руки, — даже если не упоминать причину, по которой ты поехала в Гайд-Парк-Гарденз...

— Одной из этих причин было то, — сказала Бетти, — что я догадывалась, что ты поедешь туда, когда закончишь свои дела на Харли-стрит. Ты ведь сказал мне, что позднее отправишься на ужин к друзьям. А в тот самый момент, когда я завела мотор автомобиля, я услышала, как юный мистер Филдинг кричит в телефонную трубку. Он говорил с миссис Боствик; мне показалось, что у нее какие-то неприятности. Я понятия не имела, что миссис Боствик нет дома.

— И тогда ты сказала себе: «А не начинает ли Глайнис снова эти свои махинации?»

Это замечание Бетти оставила без комментариев.

— В Гайд-Парк-Гарденз, — обратилась она к Марион, — я разговаривала с вашим дворецким и сделала вид, что я ваша подруга. Надеюсь, вы извините меня за это, миссис Боствик?

— Это зависит от того, — ответила Марион, — что вы ему сказали.

— Почти ничего! Только то, что я ваша подруга и хочу поговорить с вами.

— Ну? — продолжала выведывать Марион.

— Не все окружающие хотят вас обидеть, миссис Боствик. Прошу вас, поверьте мне. Не все попытаются вас обидеть.

— Ну-ну? — повторила Марион.

— Секундочку, — перебил ее Винс, и неожиданно все его поведение изменилось. К нему снова вернулось его впечатляющее непринужденное очарование. — Я сам поговорю с этой дамой.

Хотя Бетти, повернувшись к Гарту, сделала жест отчаяния, Винс посмотрел ей в глаза и не отказался от своего намерения. Высокий и стройный, в сером костюме без единого пятнышка и с гарденией в петлице, это уже не был Винс — примитивный спортсмен или Винс — недотепа, который просит прощения за то, что много читает. Теперь это был Винс — мудрый советчик, готовый с пониманием пожать руку Бетти.

— Моя жена очень сообразительная, леди Калдер. А наш друг Дэвид, естественно, самый ловкий малый, которого я знаю. Правда, иногда он целомудрен, как Святой Антоний, и такая совестливая душа... (Святой Антоний? Как бы не так! Если бы ты знал!)...даже слишком совестливая, чтобы видеть то, что творится под самым носом. Этот дворецкий (между нами говоря, чертовски высокомерный субъект) сказал вам, что Марион внезапно вызвали в Хэмпстед ее бывшие опекуны полковник Селби и миссис Монтэг. А до этого вы заявили, что являетесь подругой Марион, и поэтому не могли признаться, что не знаете, где живут ее опекуны. Я прав?

— Да! Именно так и было! — Бетти с благодарностью посмотрела на него. — Спасибо за то, что вы меня правильно поняли.

(Клянусь Богом, не должен ведь человек быть Аристотелем, Шерлоком Холмсом или принцем Ариманом из романа Фантома, чтобы продемонстрировать такую блестящую дедукцию!)

Винс взял Бетти за руку.

Над оскаленными клыками охотничьих трофеев на стенах словно загорелись тревожные огоньки.

— Что вы сделали потом, Бетти?

— Я... я взяла кэб и ездила вокруг, пытаюсь найти почту или какой-нибудь открытый магазин, где могла бы заглянуть в лондонский адресный справочник. Однако везде было закрыто. Потом мне пришла в голову мысль, что можно воспользоваться телефоном. Я нашла телефон на одной из станций метро, они там кое-где установлены, однако на телефонной станции мне сказали, что такие фамилии им неизвестны.

— Но ведь здесь есть телефон, моя дорогая...

— Мистер Боствик, клянусь вам...

— ...однако бедняжка тетя Бланш ненавидит это дьявольское устройство, поэтому номер засекречен. Вот и все. Что же было дальше?

— Ну, я просто велела кэбмену отвезти меня в Хэмпстед. Мы уже были очень высоко — помоему, на Росслин-Хилл, — когда на противоположной стороне улицы я увидела синие фонари полицейского участка. Там должны знать, подумала я; там-то уж наверняка будут знать, где находится этот дом. Однако хватит ли у меня смелости войти прямо в полицейский участок и спросить?

Не знаю, хватило бы мне смелости, несмотря на то, что я уже отпустила кэб и перешла на противоположную сторону улицы, но тут мне помог счастливый случай. Этот офицер, инспектор Роджерс, как раз стоял на крыльце полицейского участка. Он разговаривал с пожилым джентльменом усталого вида, державшим в руке черную медицинскую сумку. Этот джентльмен с сумкой рассказывал ему о том, что случилось. На меня они не обращали ни малейшего внимания; собственно, они даже не видели меня.

Бетти выдернула свою ладонь из руки Винса.

— Дэвид, — продолжала она, — ты никогда не видел Глайнис. Ты не видел и не слышал ее две недели назад на пляже. Когда она сказала...

— Да? Что же она сказала?

— Она заявила: «Все, что у тебя есть, принадлежит мне, котик. Твои деньги, твой дом в Лондоне, твои драгоценности и твои платья. Этой виллой я буду пользоваться, когда мне захочется, а если мне захочется, буду пользоваться твоим купальным павильоном. И если ты не будешь вести себя очень и очень осмотрительно, котик, я все это у тебя заберу».

Я сказала ей: «Оставь моих друзей в покое, не то я убью тебя или постараюсь, чтобы тебя посадили в тюрьму».

«Ты не убьешь меня, котик, потому что на это у тебя не хватит смелости. А в тюрьму меня не посадишь, так как у тебя нет доказательств. Да ты бы в любом случае этого не сделала. Свою собственную сестру, котик! Свою собственную сестру!»

Марион Боствик отшатнулась, издав тихий возглас.

Голос и выражение лица, которые копировала Бетти, на какое-то мгновение стали почти страшными, какими могут быть голос и выражение лица гораздо более зрелой и опытной женщины.

— Ну что ж, Глайнис убедится, что это не так, — заключила Бетти. — Я решилась, когда услышала, что доктор Фортескью говорит инспектору Роджерсу. Правда, сказал доктор, было слишком темно, чтобы миссис Боствик могла хорошо разглядеть эту якобы воровку, которая удрала через дверь в подвале. Однако миссис Боствик указала рост этой женщины, а также цвет ее глаз и волос и заметила, что на ней был синий матросский костюм из саржи и соломенная шляпка.

Я сразу поняла, что это была Глайнис. Я знала, что она напала на миссис Монтэг точно так же, как однажды набросилась на одну женщину в «Мулен Руж». Однако сейчас уже существуют такие вещи, как отпечатки пальцев. Ведь так? Надеюсь, миссис Монтэг полностью оправится.

В общем, я подошла к инспектору и сказала ему: «Я могу сообщить вам, кто была эта женщина». Он отнесся к моим словам несерьезно: «Надеюсь, мисс, это были не вы». «Нет, — сказала я, — я была в другом месте и могу это доказать. Но если вы отвезете меня в дом полковника Селби — причем немедленно! — я скажу вам, как зовут эту женщину и где она живет в Лондоне».

Внезапно я почувствовала, что в глубине души он начал сомневаться в том, что это сделала не я. Я сказала ему: «Отвезите меня туда, где я оставила автомобиль, а потом поезжайте вместе со мной в дом полковника Селби. И разрешите мне поговорить там с миссис Боствик». Я не ожидала, что найду здесь и тебя, мой милый Дэвид. Но я рада, что ты здесь. Во мне течет такая же испорченная кровь, как и в ней. Но теперь все в порядке. Я пойду и скажу им, где они могут найти Глайнис. А меня ты уже больше никогда не увидишь, я этого не хочу.

Она замолчала. Ее глаза были полны слез.

— Прости меня, — добавила она, — а сейчас не смотри на меня.

И побежала к двери.

— Я полагаю... — начала Марион.

— Бетти! — крикнул Гарт таким голосом, каким пользовался очень редко. — Бетти, остановись!

Однако не он, а Винс остановил ее, взял за руки и повернул. Марион быстро встала с дивана.

— Пока ты еще не перестал играть в детектива, Винс, — сказал Гарт, — не будешь ли ты столь любезен задать вопрос, который наверняка задаст полиция? Вопрос, на который мы должны дать ответ, не то в противном случае попадем в неприятную ситуацию. Если Марион говорит правду...

— Если я говорю правду?

— Да. Лично я в этом не убежден. Однако если все мы согласимся с тем, что Марион говорит правду, то как потом Глайнис Стакли или кто-либо другой выбрался из этого дома через дверь, запертую изнутри на две задвижки?

Винс отпустил руки Бетти.

— Конечно, дружище, я понимаю, о чем ты думаешь. Я готов допустить, что это был бы перекрестный допрос, если бы мы играли в загадки. Однако этот вопрос чисто академический, тебе так не кажется?

— Академический? Роджерс ведь не станет вечно сидеть в столовой и пить виски. Он обязательно спустится в подвал. И тебе прекрасно известно, что он там обнаружит.

Мелкие тоненькие морщинки вокруг рта и глаз Винса обозначились резче и тут же исчезли.

— Да, — кивнул он, — известно. Я слышал, как ты говорил Марион, что открыл обе эти задвижки. Так что если невежи не поверят уважаемым гражданам на слово, они обнаружат эту дверь не только не запертой, но и с открытыми задвижками, то есть все будет именно так, как тебе сказала Марион.

— Ах так, понимаю, — сказал Гарт после минутного молчания. — Вы будете утверждать то, что вам выгодно, потому что в противном случае полиция может прийти к нежелательным для вас выводам.

— А что нам остается делать?

— Может, ты и прав. Так, значит, ты в самом деле не знаком с Глайнис Стакли, Винс?

— Я ни разу в жизни не видел ее, дружище.

— Но ты знаком с Бетти. А я защищаю ее.

— Меня никто не должен защищать! Теперь вы разрешите мне поговорить с этим инспектором? А потом, пожалуйста, пожалуйста, чтобы я уже никогда не встречалась ни с кем из вас.

Она говорила неестественным голосом, возбужденная от стыда и унижения, отвернув лицо в сторону. Поэтому Гарт, растроганный до глубины души, вынужден был почти кричать на нее.

— Я уже однажды сказал тебе, Бетти, чтобы ты не сходила с ума. Все это не имеет никакого значения.

— Для кого? Для тебя?

— Да! Когда сегодня ночью ты поедешь обратно в Фэрфилд, я поеду вместе с тобой. И если там случайно окажется Глайнис, мы встретимся с ней оба.

— Нет, нет, это не нужно! Я хочу сказать...

Бетти закрыла глаза, но тут же открыла их.

— Я хочу сказать, — повторила она, — что с твоей стороны очень мило, что ты обманываешь меня. Я люблю тебя за эту ложь. Однако это имеет значение для всех! И будет иметь. Этому нельзя помочь. Если ты думаешь, что можешь еще иногда встречаться со мной и не будешь спрашивать себя, что я за человек и какие мысли у меня в голове, то в таком случае мы можем встретиться хоть завтра, завтра днем, чтобы у тебя было время как следует все обдумать. Но ты не станешь ничего обдумывать. Все кончено, Дэвид, и я бы очень хотела, чтобы все это больше никогда не начиналось. Прошу тебя, скажи этому джентльмену, чтобы он больше не пытался меня задерживать. Я иду к инспектору.

Гарт подал знак Винсу, и тот отошел в сторону.

Однако он не мог позволить, чтобы она ушла. Он решительно не мог позволить, чтобы в Фэрфилд она вернулась одна. Все то дьявольское, что было в этом доме, навалилось на Дэвида Гарта на следующий день в шесть часов вечера.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ НЕВОЗМОЖНО

«Точно так же, как в Париже говорят „s'il vous plait“, в Лондоне, как правило, когда делают заказ в кафе или ресторане или о чем-нибудь спрашивают, говорят „пожалуйста“ или „прошу вас“. Английские вежливые формы вовсе не так изысканны или церемонны, как французские».

Путеводитель Бедекера «Лондон и его окрестности», 1908 г.

Глава 6

Фэрфилд даже в воскресный июньский день вряд ли можно было назвать городом развлечений. На песчаном пляже не бренчали никакие банджо, не пели никакие менестрели с багровыми лицами и никакие странствующие проповедники не излагали, что есть плохого на свете, и не впадали во время этих своих лекций в транс. Хотя многие горожане были пожилыми или инвалидами, здесь все же жили в основном люди состоятельные и степенные.

Когда начинался прилив, в море вкатывали несколько передвижных купален — этих удивительных пережитков восемнадцатого века, думал Гарт, выглядевших, как низкие сарайчики на колесиках, — чтобы заботящиеся о своей репутации любители купания не показывались на пляже в купальных костюмах, а могли раздеться внутри и погрузиться в воду. Но сейчас был отлив, обнаживший широкую полосу серого ила, поблескивающего под мрачным, покрытым тучами небом.

Правда, вдоль моря построили набережную с высокими фонарями, украшенными металлическим орнаментом. Здесь был также небольшой, очень красивый парк, со скамьями и выкрашенной в золотистый цвет оркестровой беседкой, из которой при случае звучали мелодии из опер Гилберта и Салливана. Однако в это время, в шесть часов теплого летнего вечера, большинство жителей еще нежилась дома после дневного чаепития.

Если бы не две или три нервные собаки, которые иногда лаяли, можно было бы сказать, что Фэрфилд отдыхал в абсолютной тишине.

Чуть дальше к северу на побережье находился большой по величине и более известный курортный городок под названием Банч. Время от времени ветер приносил оттуда обрывки мелодий, скрип карусели и стук мячей, однако жители Фэрфилда все это игнорировали. Сам Гарт из этих двух городков скорее выбрал бы Банч. По крайней мере, там никто бы ему ничего не сказал, если бы видел, как он сейчас идет по набережной в южном направлении, где посреди пустынной береговой равнины вырисовывался у моря домик Бетти. А еще дальше к югу находился третий курортный городок — Равенспорт.

Гарт снял свой профессиональный наряд, цилиндр и сюртук и надел выходной твидовый костюм и мягкую шляпу. Он все еще выглядел мрачным и озлобленным, думая о прошлой ночи и резких правдивых словах, прозвучавших незадолго до ухода Бетти из дома в Хэмпстеде.

Она еще была там, в кабинете, ее допрашивал инспектор Роджерс, когда Винс Боствик произнес удивительные слова.

— Перестань все время повторять это свое «невозможно!»— обидчиво сказал он Гарту за минуту перед этим. — Ты что, все еще пытаешься найти объяснение для этой двери, закрытой изнутри на две задвижки?

— Да. Ты будешь изумлен, но я пытаюсь найти объяснение.

— Ну так знай, — сказал Винс, — я могу это объяснить.

Это заявление, сделанное в неподходящую минуту, привело к тому, что Марион едва не вскрикнула.

Поскольку инспектор Роджерс воспользовался кабинетом для допроса Бетти, трое остальных перебрались в гостиную. Марион ходила взад-вперед, иногда разглаживала на бедрах платье.

— Я подумал о человеке, — сказал Винс, при этом его взгляд был направлен словно внутрь самого себя, — который пишет о загадочных вещах. О Фантоме. Кто бы он ни был, но соображать он умеет. Так вот, Фантом...

— Если вы не прекратите говорить о романах, — перебила его Марион, — я сейчас совершенно, да, совершенно сойду с ума. Романы! Романы! Романы! — При каждом повторении этого слова ее голос становился все выше и выше. — Эти ваши смешные романы не имеют ничего общего с тем, что здесь произошло.

— Я в этом не уверен, малышка, — ответил Винс. — Если ты говоришь правду, то, как утверждает Дэвид, кто-то устроил какой-то фокус с этой запертой дверью.

— Что за выдумки! Кто?

— А что если это был я?

Марион сделала глубокий вдох и уставилась на него. Казалось, все предметы в комнате — от индийских ковриков и до светлой дубовой мебели — ярко заблестели. Винс направил длинный указательный палец на Гарта.

— Когда я стучал в парадную дверь, — продолжил он, — ты и Марион были слишком погружены в спор, чтобы меня услышать. Парадная дверь была не заперта. Пожалуйста. Вот вам объяснение! А что если дверь в подвал тоже была не заперта и не закрыта на задвижки, как это и утверждает Марион? Что если я проскользнул в дом через другой вход? Что если я хотел доказать, что моя дорогая женушка лгунья, и устроить ей неприятности с полицией? Что если я закрыл эту дверь на задвижки, потом пробрался наверх и наделал в холле немного шума, словно только что пришел через главный вход!

— Это нечестно! — вскричала Марион. — Это нечестно!

Она довольно резко попятилась, нащупала поручень одного из кресел и села.

— Значит, ты отомстил мне, Винс, да? — обвинила она его. — В тот вечер, когда мы смотрели ту музыкальную комедию, «Веселую вдову», я... я чуточку поддразнивала тебя и подшучивала над тобой совсем по другому поводу. А теперь ты, значит, взял реванш. — Выражение ее лица изменилось. — Но ведь на самом деле ты этого не делал, разве не так?

— Нет, черт возьми, ясно, что я этого не делал! С такими вещами я бы не стал шутить.

Выражение лица Винса тоже изменилось. Он сделал несколько шагов и положил руку на плечо Марион.

— Ты просто большой ребенок. Я, как и прежде, влюблен в тебя, хоть и не люблю признаваться в этом. — Черты его вытянутого лица стали резче от беспокойства. — Я этого не делал, однако, наверное, это сделал кто-то другой. Кто-то, наверное, хотел захлопнуть капкан и устроить так, чтобы полицейские установили, что дом был заперт.

— Но полиция это не установит. Инспектор... ну, как же его зовут?., верит всему, что мы говорим.

— Гм, возможно. Ты никогда не умеешь думать на два хода вперед.

— Но, Винс...

— А ты что скажешь на это, Дэвид? Это разумное объяснение?

— Ну что ж, — сказал Гарт, — отчасти такое объяснение возможно. Когда я впервые подумал о нем...

— Так, значит, ты уже думал об этом? Ты думал обо мне?

— Да, о тебе. Ведь это очевидно.

— В таком случае, могу сказать, что с твоей стороны это не очень красиво! — обиженно воскликнул Винс, забыв обо всех шутках. — Так, значит, ты считаешь, что это сделал я?

— Нет, я не думаю, что это сделал ты. Но я также не думаю, что это сделал кто-то другой. Дом похож на резонатор; каждая половица громко скрипит, я уж не говорю об этой деревянной лестнице в подвал. Марион и я были здесь вдвоем. И хотя нам хватало волнений, я не могу представить себе, что совершенно ничего не услышал бы, если бы происходило что-то в таком роде. Имеется еще целый ряд причин, но сейчас я не стану их называть. Я могу почти поклясться, что это неправильное объяснение.

И позднее они обнаружили, причем при весьма мрачных обстоятельствах, что Гарт был абсолютно прав. Однако в тот момент он, весь измученный, видел лишь выражение лица своего друга.

— Но, Дэвид, ради бога!..

— Что с тобой, Винс? Ты ведь всегда относился ко всему легко. Что же теперь с тобой случилось?

— Ничего. Я размышляю. Если все произошло не так, то оно не могло произойти вообще. Это абсолютно невозможно!

— Вот, значит, как! Раз уж ты наконец пришел к такому выводу, Винс, мы можем продвинуться еще на шаг вперед. Кто-то в самом деле ладит для нас ловушку. Если это так, мы должны подготовиться, чтобы не попасть в нее.

— Как?

В глубине холла энергично распахнулась дверь кабинета. Лампа бронзовой Дианы, стоящей на столбике, закачалась. Однако Бетти шла медленно, и по ее опущенным плечам было видно, что теперь она в еще большем отчаянии. Инспектор Роджерс проводил ее до входной двери.

— На сегодня достаточно, миссис. Но я боюсь, что только на сегодня. Сожалею, что эта женщина ваша сестра. — Бетти сделала быстрый жест, однако инспектор продолжил: — Конечно, если это именно она, та, с которой наши люди хотят поговорить и по другим причинам (как вы говорите), тут уж ничего нельзя поделать, а возможно, это и к лучшему.

— Ее посадят в тюрьму?

— Этого я вам не могу сказать, миссис. Покуда не дойдет до очной ставки, покуда миссис Боствик не скажет либо «да», либо «нет», не имеется ни одного доказательства, что это именно она напала наверху на бедную старушку. Теперь у меня есть ее адрес, Роджерс похлопал по блокноту в нагрудном кармане мундира, — и я передам его в Скотленд-Ярд. — Потом он добавил: — Прошу вас, не сердитесь, но остается еще один вопрос, который я вынужден вам задать.

Когда он произносил эти слова, его тон почти не изменился. Он держал дистанцию, но со своими пышными седыми усами был похож на отца. Бетти остановилась как вкопанная посреди холла. В двери гостиной она заметила Гарта, покраснела и повернулась лицом к инспектору.

— Слушаю вас, — сказала она.

— Существует ли какая-либо особая причина, миссис, по которой вы сегодня вечером возвращаетесь в свою загородную виллу?

— Но ведь я... я живу в этом домике все лето. Живу там уже с середины мая.

— Вы, случайно, не должны встретиться там со своей сестрой?

— Нет! Решительно, нет! — воскликнула Бетти с явным изумлением. — Глайнис в Лондоне. Я ведь дала вам ее адрес в Кенсингтоне.

— Я имею в виду вот что. Не угрожает ли вам какая-нибудь опасность со стороны этой вашей сестры? А может, вы сами собираетесь с ней расквитаться и готовы совершить какой-нибудь сумасбродный поступок.

Гарт быстро направился к ним. Однако взгляд инспектора Роджерса остановил его. Хотя Роджерс разговаривал с Бетти, его слова явно адресовались Гарту.

— Я обещал вам, что мы не будем обременять доктора Гарта, чтобы он отвез вас на вокзал Чаринг-Кросс в своем автомобиле. Констебль отправился вызвать кэб, он сейчас будет здесь. Однако я хочу сказать...

— В таком случае, пожалуйста, говорите.

— Я слышал от вас, что вам угрожала ваша сестра. Она угрожала отобрать у вас деньги и то, что вам принадлежит, вообще все. Она говорила о вилле, а также о каком-то павильоне. Прошу прощения, что я вас спрашиваю, но что это такое, этот павильон? Что-то похожее на курортный павильон в Брайтоне?

— Да нет, что вы! Я бы сказала, что это что-то вроде неподвижной и немного более сложной купальни на колесиках, такое сооружение, величиной с небольшой сарайчик, с двумя кабинками, чтобы оба пола были разделены.

— Простите?

Бетти рассмеялась, как раньше этим же вечером смеялась Марион.

— Чтобы мужчины и женщины имели свои отдельные кабинки; естественно, они очень маленькие. — Смех Бетти, безо всяких следов истерии, волнующе звенел, но затем она тяжело вздохнула. — Извините, мистер Роджерс. Это вовсе не смешно. Люди, которые построили домик, десять или двенадцать лет назад забили в песок сваи и возвели павильончик.

— Ага, понятно.

— Теперь уже никто не пользуется павильоном для переодевания. Когда у меня гости, они переодеваются прямо в доме. Но из павильончика мы спускаемся в воду, а с маленькой веранды смотрим на море и иногда внутри пьем чай. А когда павильончик занят, мы поднимаем особый флаг.

— У вас бывает много гостей, миссис?

— Нет. Разве я не сказала вам, что люблю одиночество? У меня бывают только доктор Гарт и... мистер Хэл Ормистон. — Бетти помолчала. — А почему вы об этом спрашиваете? Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Нет, нет. Просто я надеюсь, что вы примете мой добрый совет. Постарайтесь сохранить ясную голову, когда пойдете купаться одна.

— Что вы имеете в виду?

Снаружи на песчаной дорожке послышались шаги.

— Кэб прибыл, инспектор, — доложил констебль.

Каждое слово, каждый оттенок голоса — все еще было живо в памяти Гарта. Вся эта сцена непрестанно была у него перед глазами, когда вечером следующего дня он шел по приморской набережной в Фэрфилде и ветер теребил его шляпу.

Он так углубился в воспоминания, что едва не споткнулся о ступеньки Королевского аквариума, гладкие стены и чеканные металлические украшения которого завершали набережную. Море лежало справа. Для того чтобы вернуться на дорогу, идущую дальше вдоль моря, Гарт должен был обойти аквариум слева, а потом снова идти прямо по Севастополь-авеню до границы Фэрфилда, где все заасфальтированные дорожки переходят в проселочную дорогу, вьющуюся вдоль берега моря.

Здесь во впадине между кентскими скалами, от Банча на севере до Равенспорта на юге, простирался на расстояние почти в пять миль пляж. Равенспорт, когда-то маленький, но оживленный порт, уже в середине века впал в летаргию; в нем сохранилось только несколько живописных достопримечательностей и два из лучших трактиров в Англии.

На околице Фэрфилда Гарт миновал гостиницу «Олень и перчатка». Он постоянно снимал здесь номер. Однако на этот раз он оставил автомобиль в Лондоне и приехал поездом. В гостиницу заходить не стал. Еще десять минут быстрой ходьбы, и он у домика Бетти в пустынной местности.

А потом?..

Он был настроен решительно.

«Есть один вопрос, настолько очевидный, что вчера вечером каждый забыл задать его тебе. И потом, поскольку речь идет о шантаже, это, может быть, вообще самый важный вопрос».

Часы на церкви Фэрфилда над уродливыми домиками, стоящими на террасах позади, пробили без четверти шесть.

Однако у него так и не нашлось возможности задать Бетти этот важный вопрос. Когда спустя десять минут он добрался до поворота дороги и увидел домик Бетти, в голове его уже были другие мысли.

Эту виллу лишь по многолетней привычке неправильно называли домиком. На самом деле это было солидное кирпичное здание, довольно длинное и невысокое, с красной черепичной крышей. Оно стояло возле самой дороги — за низкой стеной и весьма высокой вечнозеленой живой изгородью. Пляж, который был виден как с северного, так и с южного конца участка, тянулся за домом под склоном, покрытым сухой травой. Справа на участке была велосипедная дорожка — Бетти с удовольствием ездил на велосипеде, хотя опытной велосипедисткой не была, — ее узкая колея вела от дороги через луг вниз к пляжу.

А перед домиком, словно желая напугать Гарта, стоял его собственный автомобиль.

Гарт остановился и уставился на него.

Автомобиль стоял, развернувшись капотом к Фэрфилду. Его мотор, работающий на низких оборотах, гудел и постукивал в мертвой тишине. Некоторые фирмы уже начали конструировать автомобили с защитным стеклом и с намеком на что-то вроде крыши против пыли, однако у «паккарда» не было ни того, ни другого. На кожаных сиденьях лежал толстый слой пыли, и кто-то бросил на них полотняный плащ, пару перчаток с высокими крагами и кепи со зловеще выглядывшим слюдяным защитным козырьком.

— Привет, дядюшка, — раздался самоуверенный голос. — Добрый день, дядюшка. Разве сегодня не добрый, приятный день, а?

Мотор по-прежнему стучал.

По дорожке от домика Бетти шел к деревянной калитке в живой изгороди мистер Генри Ормистон, худощавый молодой человек с бледной кожей; нос у него торчал вверх, очевидно, чтобы уравновесить выдающийся вперед подбородок. Канотье на затылке, узкие брюки из белой фланели. Руки он держал в карманах пиджачка в красную и белую полоску.

— Ты что-то задумчиво выглядишь, дядюшка. Над чем-то задумался?

— Честно говоря, я действительно задумался. Я размышляю над тем, есть ли в нашем языке более гадкое слово, чем «дядюшка», пусть даже им пользуются в качестве уменьшительного вместо «дядя» или еще как-то иначе.

— Мне кажется, что ты считаешь гадким также многое другое, дядюшка.

— В таком случае тебя можно привести в качестве примера. Что ты здесь делаешь?

— Мой дорогой дядюшка, — спокойно сказал Хэл, — тебе не стоит насмеяться надо мной и играть передо мной роль важного господина доктора. Мне это не импонирует, да и тебе это ни к чему. Я уж не говорю о том, что с твоей стороны попросту некрасиво делать такие замечания в мой адрес.

— Я спросил, что ты здесь делаешь.

— Да, ты об этом спросил. — Хэл, совершенно не выведенный из равновесия, улыбнулся и сделал небольшую паузу. — Когда сегодня утром, довольно рано утром, я зашел на Харли-стрит, твоя экономка сказала, что ты уже ушел и был словно сам не свой. Куда ты ушел, она не знала. Или по крайней мере утверждала, что не знала. Однако сообщила, что сегодняшней день ты планировал провести здесь.

— И поэтому ты взял мой автомобиль?

— Естественно. Кстати, мне пришлось купить бензин. Две полные канистры находятся в багажнике. Что скажешь насчет скромной десятки?

— Ты уверен, что десяти фунтов достаточно?

— Недостаточно, но пусть тебя это не волнует. Ты зря тратишь на меня свой сарказм, дядюшка. Он у тебя очень тонкий, однако на меня совершенно не действует.

В кирпичном доме не было никаких признаков жизни. Гарт начинал волноваться — из-за страха и страстного желания встретиться с Бетти. Он готов был пожертвовать какой-нибудь суммой денег, чтобы немедленно избавиться от Хэла, потому что чем дальше, тем сложнее это было бы сделать. И Гарт совершил ошибку: он поднял руку к карману, где лежал бумажник.

— Хотел бы я знать, — тотчас же сказал Хэл и прищурился, — с чего это вдруг ты стал таким щедрым. Такие вещи всегда меня удивляют. Кроме того, я бы хотел знать, удастся ли сыночку твоей покойной сестры заставить тебя стать еще щедрее. Кстати, ты уже встречался когда-нибудь с благородным и уважаемым полицейским, которого зовут Джордж Альфред Твигг?

— Он тоже случайно оказался на Харли-стрит?

— Очевидно, да. Не знаю, что ты ему сделал, дядюшка, но, по-моему, он тебя недолюбливает. Мне кажется, что Бетти тоже не слишком ему симпатична.

— Где Бетти?

— Ага, я так и думал, что ты захочешь это знать. Я полагал...

Потом Хэл Ормистон сделал нечто странное. Стоя у калитки, он приподнял канотье и держал его в горизонтальном положении над своими прилизанными светлыми волосами. На первый взгляд казалось, будто он собирается перекреститься, потом — что он нашел дополнительную выгоду для себя, а затем — словно его охватила неуверенность. Гарт знал, что невозможное спокойствие Хэла объясняется его неопытностью. В отвратительной самонадеянности этого вздернутого носа и выдвинутого вперед подбородка, вероятно, была какая-то брешь.

Однако на фоне пустынной местности этот жест выглядел весьма таинственно.

— Она мне очень нравится, это очаровательная особа, — заявил он. — К тому же у нее имеются деньги. Я бы вполне мог отбить ее у тебя, дядюшка, если бы у нее не были точно такие же взгляды, как у той, другой женщины, которая...

Гарт не стал дальше слушать. Он распахнул калитку и быстрым шагом направился по песчаной дорожке к дому. Однако Хэл, вновь надевший канотье, опередил его. Почти одновременно они подошли к большой входной двери с латунным молоточком в форме гнома. Она была открыта, и за ней начинался просторный холл с низким потолком, простирающийся на всю глубину дома вплоть до большой застекленной двери в задней стене. Через эту застекленную дверь внутрь проникал бледный дневной свет.

— Звать ее громко нет смысла, — сказал Хэл. — Я уже пытался. Ее здесь нет.

— Где она?

Хэл заколебался. В холле пахло старым деревом и камнем. Он направился к застекленной двери, ведущей к пляжу и морю, и открыл ее.

— Она пошла искупаться, — ответил Хэл, — и до сих пор не вернулась. Надеюсь, с ней ничего не случилось.

Глава 7

— Но ведь сейчас отлив, — сказал Гарт. — Ты хочешь убедить меня в том, что Бетти пошла плавать во время полного отлива?

Хэл выглядел почти нормально, если не считать слегка приподнятого уголка рта.

— Со мной, старина, эти твои штучки не пройдут. Бетти ушла два часа назад, а отлив начался меньше часа назад. Самый высокий прилив будет не раньше чем в девять часов вечера.

— Ну, в таком случае все в порядке, — уже не так громко сказал Гарт. — В это время Бетти обычно идет поплавать: в четыре, до чаепития. Чай она частенько пьет в павильончике.

— Это я знаю, дядюшка. Об этом ты можешь мне не говорить. Однако обычно она не бывает там так долго, верно?

— Я всего лишь говорю тебе...

Оба посмотрели на море, над которым до самого горизонта клубились серые тучи.

Снаружи, сразу за застекленной дверью, была площадка с редкой чахлой травой, через три или четыре метра плавно спускающаяся к пляжу. Пляж, раскинувшийся перед ними, чем-то напоминал географическую карту. Песок выше границы максимального прилива был белым, ниже этой черты он был влажным, плотным и грязно-серым; за павильончиком уже только был ил.

Море лежало, как живое существо, выдыхающее сквозь болотистую равнину соленый воздух и резкий запах йода. Однако не только на море люди должны думать о морских чудовищах. Павильончик на темных деревянных сваях стоял не далее чем в десяти метрах от границы максимального прилива. Пляж имел такой незначительный уклон, что казалось — этого уклона вовсе нет. За павильончиком серая равнина тянулась еще на шестнадцать метров. Нигде на песке не было никаких следов ног.

Тогда этот факт не привлек внимания Гарта; он не думал, что это имеет какое-то значение. Ведь следы любого человека, входившего в воду два часа назад, уже должны быть смыты отступающим морем. Однако у Гарта было такое ощущение, словно воротничок стал ему тесен и ему трудно дышать этим соленым воздухом.

— Хэл, откуда тебе известно, что Бетти пошла к морю?

— Я видел ее.

— Ты ее видел оттуда?

— Ты поступишь лучше, старина, если не будешь постоянно меня перебивать. Нет! Я ехал в твоём автомобиле вот там, по той дороге, — Хэл показал рукой назад и влево, — по направлению

к Равенспорту. Я видел, как она спускается на пляж и идет к павильончику. На ней был ее обычный купальный костюм и большая резиновая купальная шапочка с оборками.

— Ты разговаривал с ней?

— С такого расстояния? — Хэл снова оттопырил губу. — Неужели ты полагаешь, что это возможно? Я окликнул ее, а она подняла руку и помахала мне. И нет смысла утверждать, будто бы я лгу. У меня имеется свидетель, который тоже видел ее. Это свидетель, которого я случайно подвозил в Равенспорт.

— Ну-ну. И кто же это был?

— Твой друг из Скотленд-Ярда. Каллингфорд Эббот.

Гарт быстро обернулся.

— А что здесь делал Эббот? Зачем ты вез его в Равенспорт?

— Вот именно! Интересный вопрос, не так ли? Если говорить о том, что он здесь делал, мне очень жаль, но очевидно, к тебе это не имеет отношения. В конце концов я сам об этом не знаю. Он держал язык за зубами, как все эти полицейские. — Хэл нахмурился. — Я высадив его в Равенспорте. Потом провел пару приятных часов в трактирчике «У церковного сторожа». Вернулся сюда, потому что ожидал найти тебя здесь, однако появился лишь на пару минут раньше тебя. Надеюсь, этого достаточно?

Гарт снова посмотрел на море.

— Бетти! — крикнул он.

Никакого ответа.

— Бетти!

Звук его голоса разнесся над пустынным пляжем, и снова стало тихо, если не считать стука и урчания автомобильного мотора у калитки.

— Когда ты вернулся из Равенспорта сюда и выяснил, что Бетти нет в доме, почему ты не спустился к павильончику?

— Потому что не хотел набрать в туфли песка и запачкать их грязью. Да ладно, старина! Я что, ненормальный? Меня это не касается... погоди, дядюшка! Еще секундочку! — быстро добавил Хэл, когда Гарт шагнул в траву. — Прежде чем позволить тебе помчаться к твоей любимой, я должен тебе кое о чем напомнить. Если я возьму твой автомобиль, тебе ведь наверняка это не помешает. Остается лишь уладить мелкое дело насчет тех десяти фунтов.

Они смотрели друг на друга. Гарт вынул из кармана бумажник, достал оттуда два пятифунтовых банкнота, сложил их маленьким прямоугольничком и бросил его в траву к ногам юноши. И словно с песчаной отмели к нему вернулся его собственный крик. Только голос Хэла неожиданно стал высоким и тонким.

— Вы вульгарный грубиян, доктор Гарт. Однако, возможно, пройдет не так уж много времени, когда вам станет стыдно, что вы так поступили.

Гарт, больше не обращая внимания на Хэла, побежал вниз.

Он оставлял за собой отчетливые следы. Сильный стук автомобильного мотора позади него сменился фырканьем, усилился, а потом перешел в гул. Гарт оглянулся через плечо как раз в тот момент, когда зеленый автомобиль с рычанием преодолел небольшой пригорок, направляясь на север, в сторону Фэрфилда. Гарт потерял равновесие на скользкой грязи, однако не упал.

В павильончик, пол которого находился над уровнем пляжа, вели три деревянные ступеньки. Они заканчивались входом, закрытым отвесно свисающей красно-белой полосатой шторой, купленной год назад. Ее можно было поднимать или опускать изнутри с помощью шнуров. Сейчас штора была наполовину опущена, и Гарт не стал тратить время на подъем. Он согнувшись протиснулся под ней и тут же выпрямился.

Теперь он стоял в тесной полутемной прихожей, спиной к наружной, обращенной на сушу стене. В ней были две совершенно одинаковые деревянные двери, как обычно, приоткрытые; они вели в две комнаты павильончика. Между этими двумя дверями к стене была прикреплена парусиновая занавеска, служащая ширмой.

— Бетти! — снова крикнул Гарт.

Ему ответила лишь тишина.

Он открыл левую дверь, низ которой терся о доски пола. Комнатка была пуста. В каждой комнатке была еще одна дверь, с матовым стеклом в верхней части, ведущая на небольшую веранду, обращенную к морю.

В слабом дневном свете Гарт увидел одну или две табуретки, маленькое зеркальце на стене и полдюжины крючков для одежды. Гарт стоял, вдыхая запах заплесневелого дерева, соли, песка, морского воздуха и духоты, накопившейся здесь за целый день; запах, от которого у человека сжимаются легкие на каждом деревянном пирсе.

Прежние владельцы домика использовали этот павильончик для приемов с купанием. Большая фотография в рамке, сделанная приблизительно в 1897 году и оставленная на стене в гостиной Бетти, изображала две маленькие веселые лодки, в одной из которых были три наряженные дамы, а в другой — три разодетых джентльмена. Компанию вытащили на пляж во время самого высокого прилива. После того как фотограф сделал снимок, им, очевидно, пришлось налечь на весла и доплыть по мелководу обратно до павильончика, чтобы не промочить ноги.

Этих людей здесь уже не было. Остались только их призраки. Гарт медленно сосчитал до десяти. Потом открыл застекленную дверь на веранду.

Веранда была пуста. Лишь чуточку правее, недалеко от двери в другую комнатку, стояло деревянное кресло-качалка с высокой спинкой. Кроме этого кресла, на полу стояли блюдечко и чашка с остатками чая, более свежего и явно не относящегося к 1897 году.

— Бетти!

Дул ветер. Казалось, что давно пропитавшееся влагой дерево втягивает в себя звук так же, как воду. Гарт не слышал даже звука собственных шагов, когда шел ко второй двери. И затем, словно в конце вечности, нашел ее.

Прошло несколько секунд, прежде чем он решился войти в комнатку. Бледный дневной свет падал на темно-коричневый купальный костюм, обнаженные бедра, икры и полотняные тапочки, которые Бетти всегда надевала, когда шла плавать. Головой в купальной шапочке она лежала к столику у стены, на котором стояли чашки и блюдца, коробочка с чаем и незажженная спиртовка. Гарт не видел лица этой женщины, но в этом не было необходимости. Она была задушена.

Он внезапно вспомнил слова, которые неделю назад сказала Бетти, когда читала вслух так называемые модные советы в каком-то журнале.

— Поношенную мохеровую юбку, — цитировала она, — можно перешить в прекрасный новый купальный костюм. — И добавила: — Фу!

На какое-то мгновение он оцепенел при виде этой сцены насилия, чего с ним как с врачом не должно было бы произойти. Однако это, подумал он, нечто совсем другое. «Поношенную мохеровую юбку можно перешить в прекрасный новый купальный костюм. Поношенную мохеровую юбку можно перешить в прекрасный новый купальный костюм. Поношенную мохеровую юбку можно...»

Он подошел к бездыханному телу, наклонился и, нежно прикоснувшись к нему, повернул голову лицом вверх. Посмотрел на опухшее, посиневшее лицо; притронулся к белому шнуру, при помощи которого опускаются шторы, глубоко врезавшемуся в шею, с надежным узлом. И очень быстро выпрямился.

Эта женщина была не Бетти.

Однако не только этот факт, сам по себе, привел его в состояние сильного волнения. Не только этот факт заставил его быстро встать и оглядеться в полутемной душевной комнатке, где произошло насилие. У тела была еще почти нормальная температура. Капельки крови в ноздрях еще не совсем высохли. Кто бы она ни была (а Гарт был убежден, что угадал, кто она), эта женщина была мертва не более пятнадцати минут.

Пятнадцать — двадцать минут!

Он вытащил из кармана часы и открыл их. Невероятно, они показывали шесть.

Гарт спрятал часы и стоял неподвижно. Двигались лишь его глаза.

Открытая дверь на веранду была прямо напротив полуоткрытой двери, ведущей в прихожую на стороне, находившейся ближе к берегу. Этот пляжный павильончик предназначался для скрытой от чужих глаз частной жизни: в нем не было ни одного окна. Если смотреть на дверь, ведущую на веранду, столик с приборами и чаем стоял у стены справа. Среди разбросанного

фарфора и ложечек кроме спиртовки стояли также двухлитровый кувшин, в котором Бетти держала воду для чая, котелок, керамический чайничек и банка сгущенного молока.

Гарт поглядел на противоположную стену. На одном из крючков висел длинный саржевый купальный халат, коричневый, в поперечную желтую полоску. Он принадлежал Бетти, Гарт это знал, однако она очень редко его надевала. Гарт подошел к этому халату, обыскал его карманы и обнаружил платочек с инициалами «Г. С.».

Глайнис Стакли.

Да, у нее и у Бетти очень похожие фигуры. Лица — нет, из-за этого прокушенного языка, выпученных глаз и посиневшей кожи; нет, о лицах этого сказать нельзя. Он снова быстро склонился над трупом Глайнис Стакли и повернул его лицом вниз, точно в то положение, в котором обнаружил.

Потом осмотрел столик. Протянул вперед руку, положил ладонь на чайник и отдернул ее, словно обжегся. При этом движении он сбил со стола чашку, которая, словно маленькая бомба, с дьявольским грохотом разбилась об пол и разлетелась на мелкие фарфоровые осколки.

В этот момент снаружи его окликнул по имени знакомый голос; затем снова позвал его, на этот раз громче, и пробудил в нем настороженность и желание сопротивляться тому, чему он должен был сопротивляться. Он поспешил в прихожую, к отверстию, которое можно было назвать парадным входом в павильончик; красно-белая парусиновая штора по-прежнему была наполовину опущена. Гарт дернул за шнуры и поднял штору.

Первое, что он увидел, даже раньше лица женщины, стоявшей снаружи, был дамский велосипед.

Велосипед лежал как минимум метрах в четырнадцать, там, где велосипедная дорожка, поднимающаяся к северной стороне дома, заканчивалась на травянистом склоне.

— Хэл... — начала Бетти запыхавшимся голосом.

— Что с Хэлом?

— Я встретила его на дороге. Он выглядел...

Бетти замолчала. На ней была соломенная шляпка, темная юбка и шелковая блузка с высоким кружевным воротничком, серая, как голубиное оперение; жакета на ней не было. Жизнь снова наполнилась чем-то реальным, снова завладела этими двумя людьми и начала швырять их с быстротой, не уменьшавшейся до тех пор, пока не прозвучало последнее слово об убийстве.

— Бетти, к тебе приехала твоя сестра?

— Да, она все еще здесь.

— Где?

— Наверно, в доме. Она уже должна была вернуться с пляжа. Два часа назад мы ужасно поссорились. Мы визжали друг на друга, как две базарные торговки. Я осыпала ее ругательствами, которые до смерти испугали бы твоих друзей. Потом я убежала, вернее, уехала на велосипеде и старалась как можно быстрее крутить педали. Однако в твоём письме было написано, что ты будешь здесь в шесть часов, поэтому я не могла...

— В моем письме? Каком письме?

Дыхание Бетти стало ровнее, однако румянец все еще пылал на ее щеках. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами; взгляд ее был неестественным, словно в ожидании озарения. Она уже хотела что-то сказать, но передумала и протянула к Гарту левую руку ладонью вверх.

Из серой кожаной перчатки выглядывал маленький листок бумаги, сложенный в несколько раз.

Гарт обернул шнур шторы вокруг заржавевших крючков, чтобы скатанная материя осталась наверху.

— Когда мы познакомились, — сказала Бетти, повысив голос, — ты послал мне два или три письма. Я сохранила их, хотя они были отпечатаны на машинке. Это ведь твоя пишущая машинка, да? Но почему ты меня обо всем этом расспрашиваешь? Ты видел Глайнис? А Хэл видел ее?

— Бетти, я не хочу тебя пугать...

Она стояла на влажном песке у трех ступенек, ведущих ко входу в павильончик, и смотрела на него странным взглядом, словно была в столбняке.

— Я не хочу тебя пугать...

— Ответь мне на один вопрос. Пожалуйста, прошу тебя, ответь мне на один вопрос. Ты ответишь мне?

— Если это возможно...

— Что-то случилось? — спросила Бетти. — Нечто такое, чего я боялась?

— Да.

На мгновение ему показалось, что Бетти сейчас потеряет сознание. Ее глаза стали какими-то бесцветными. Он спустился по ступенькам, обнял ее за талию и крепко держал. Она вся дрожала.

Если кто-нибудь видел, как они там стоят, у него могло создаться впечатление, что они одни на всем белом свете, точно так же, как они были одни на этом пляже. В определенном смысле так оно и было. Левую руку с письмом, засунутым в перчатку, Бетти опустила вниз. Гарт все еще так и не прикоснулся к этому листочку бумаги.

— Бетти, послушай меня! Твоя сестра мертва. Она лежит в одной из комнаток этого павильончика, той, что справа, если смотреть на море. С ней произошло то, что вчера вечером едва не случилось с миссис Монтэг. Ты в состоянии меня слушать?

— Со мной все в полном порядке. Ведь я ненавидела ее.

— Вот именно. Поэтому нам предстоит защищаться. Мы окажем друг другу плохую услугу, если не посмотрим фактам прямо в глаза. Ты понимаешь меня?

— Ах, Дэвид, прости меня! — воскликнула она. — Ради бога, прости меня, мой любимый!

— За что я должен тебя простить? Тебе ведь не за что просить у меня прощения, любимая. Я уверен, что ты этого не сделала.

— Нет! Нет! Я хотела, но знала, что не смогла бы это сделать. Я всего лишь хотела сказать...

— Я знаю, что ты хотела сказать. Это неважно.

Бетти быстро обняла его двумя руками. Потом с судорожным усилием выпрямилась. Гарт по-прежнему говорил медленно, ласково, так, чтобы она приободрилась.

— Это безумие, — сказала она после короткого молчания. — Пожалуйста, спрашивай меня, о чем хочешь.

— Хорошо. Эта ссора с твоей сестрой, как она произошла? Когда ты видела Глайнис живой?

— Более двух часов назад, — ответила Бетти со спокойствием, которое, возможно, было напускным, но вместе с тем уверенным. — Точного времени я не помню, а часов у меня нет. Возможно, было без десяти четыре. Это произошло у нее в спальне...

— У нее в спальне?

— Да. — Бетти пристально вглядывалась в недавнее прошлое. — Глайнис внезапно появилась сегодня утром. Веселая и бодрая, она пришла с фэрфилдского вокзала. Она была с чемоданчиком и заявила, что на один или два дня останется здесь. Потом рассмеялась и сказала: «Но ты только не подумай, котик, что у тебя появляется такая желанная возможность. Ну уж нет! Я оставила в Лондоне письмо, которое нужно вскрыть, если со мной произойдет что-нибудь нехорошее».

Гард довольно резко сказал:

— У твоей сестры явно была патология.

— Какого сорта?

— Это уже не имеет значения.

— В таком случае не говори.

— Извини. Ты сказала, что...

— К счастью, — быстро продолжила Бетти, — там не было миссис Хеншью. — Фигура этой невероятно почтенной экономки напомнила Гарту фигуру безупречной и целомудренной миссис Грэнди из пьесы Мортон. — В Банче заболела дочь миссис Хеншью. Поэтому вчера вечером, перед тем как Хэл и я выехали на этом твоём гадком автомобиле в Лондон, я разрешила миссис Хеншью навестить дочь и вернуться только в понедельник. Я по-своему так же поверхностна и вульгарна, как Глайнис, Дэвид. Я даже и представить себе не могу, чтобы кто-то знал о том, что Глайнис иногда бывала здесь. До этого она навещала меня только тайно, однако на этот раз решила приехать открыто. Ну а потом, когда с дневной почтой я получила твое письмо...

— Ага, понятно, мое письмо. Я могу взглянуть на него?

Бетти посмотрела на Гарта.

— Я подумала, что ты меня уже простил! — воскликнула она. — Это ведь ты писал?

— Конечно, я; несомненно, это писал я. Но все же не мог бы я на него взглянуть?

Бетти выдернула листок бумаги из перчатки, развернула его и протянула Гарту. Сейчас был неподходящий момент, чтобы сказать ей, что этого письма он никогда не видел и ничего о нем не знает.

«Любимая, — было напечатано на машинке, — я буду у тебя в субботу в шесть часов. Как всегда твой». Даты не было. А в качестве подписи стояла только буква «Д», написанная чернилами.

Однако письмо не было напечатано на служебной машинке, которой пользовался Майкл Филдинг, когда рассылал счета. Кто-то напечатал его на личной машинке Гарта, которая находилась в его квартире на Харли-стрит и которую он оставлял для своей другой жизни; теперь эта жизнь казалась ему очень комичной, очень гротескной.

— Бетти, ты сохранила конверт, в котором пришло это письмо?

— Конечно, сохранила. — В голосе Бетти звучал почти упрек. — Могу тебе сказать, что на штемпеле стояло: «Запад, 12.30». Могу показать тебе этот конверт. Но какое это имеет значение? Если его послал ты...

— Любимая, я ведь уже сказал тебе, что это письмо послал я. А сейчас я размышлял о другом.

Он размышлял о странном выражении на одном молодом лице вчера вечером на Харли-стрит и о романе в красном переплете, который кто-то положил, причем предусмотрительно открыв его, в комнате ожидания.

— Главное, спокойствие! Ты слишком торопишься! — Он вернул ей письмо. — Ты рассказывала мне о своей сестре и о том, что произошло сегодня днем в твоём домике. Что же было дальше?

Ветер трепал волосы Бетти.

— Я предоставила в распоряжение Глайнис большую спальню на первом этаже в тыльной части дома. — Она сделала неопределенный жест в направлении домика. — Когда я получила это письмо, то долго размышляла, а потом в конце концов побежала к ней в комнату. Она нашла один из моих купальных костюмов и как раз надевала его. Я сказала ей: «Ты не пойдешь на пляж. Ты опозоришь меня, разрушишь все то, чего я смогла добиться». Глайнис сказала: «Что с тобой, котик? Ты не хочешь, чтобы со мной встретился твой друг?» Я ответила: «Я не хочу чтобы тебя здесь кто-нибудь даже увидел», а Глайнис мне на это: «Если ты не оставишь меня в покое, котик, то я отправлюсь на пляж вовсе без купального костюма. Спорим, что ты и сама несколько раз так делала». Мы начали кричать друг на друга. И я убежала.

— Ты сказала ей об этом моем письме?

— Нет! Конечно, нет!

— Так, значит, она надела твой купальный костюм, Бетти. Два свидетеля видели, как она спускается на пляж и входит в воду. Они сказали, что это была ты.

— Но я бы не сделала такую...

— Спокойствие! Я знаю, что это была не ты. Однако нам трудно будет это доказать. — Гарт закрыл глаза, мысленно представил себе кое-что другое и снова посмотрел на Бетти. — Ты уехала отсюда на велосипеде около четырех. Куда ты поехала? В Фэрфилд?

— В сторону Фэрфилда, но не в город. Я поехала на запад от него. Иногда я ехала, но большую часть времени шла пешком и просто вела велосипед. Я так ужасно разволновалась, что забыла даже о твоём письме.

— Ты встретила кого-нибудь из знакомых?

— Об этом всегда спрашивают в романах, да?

— Ты встретила кого-нибудь из своих знакомых?

— Не знаю. — Взгляд ее карих глаз, застенчивых, нервных и пробуждающих столько фантазии, был устремлен ему за спину, на павильончик. — Там было ужасно мало людей, невероятно мало. Это все потому, что дело шло к дождю, и вся местность казалась такой пустынной, словно там было привидение.

— Привидение? — повторил Гарт.

— Да, это звучит глупо, но думаю, ты понимаешь, что я имею в виду. Это такое чувство, какое иногда тебя охватывает, особенно в сумерки, в некоторых из средневековых зданий в Равенспорте. Я пила чай в каком-то загородном трактирчике, на котором снаружи была вывеска «Ночлег и завтрак», а ниже было написано: «Свежие яйца», как вдруг поглядела на часы и

вспомнила о твоём письме. Поэтому назад я неслась с таким энтузиазмом, что теперь у меня возникло ужасное ощущение, будто я вся вспотела. Возле Фэрфилда я встретила Хэла Ормистона, который ехал навстречу в твоём автомобиле и выглядел ужасно злым.

— А Хэл тебя видел?

— Конечно. Он должен был меня видеть. Мы были едва ли в двух метрах друг от друга, к тому же он ехал не слишком быстро, хотя и не особенно смотрел по сторонам. А это... это очень важно?

— Из всего того, что говорил мой племянник когда-либо в своей жизни, это может быть самым важным. Не отворачивайся от меня, Бетти! Я хочу, чтобы ты ясно понимала ситуацию.

— Со мной все в порядке. Ну, я слушаю тебя.

Гарт показал рукой себе за спину.

— Твою сестру задушили в этом павильончике, — сказал он. — Её убили, по моему мнению, приблизительно без двадцати минут шесть. Но в медицинских свидетельствах о возможном времени смерти всегда имеется множество противоречий. Поэтому нам не стоит обращать на это особого внимания и пытаться точно установить время. Однако имеется доказательство, что кто-то, тот, кого в павильончике уже нет, должен был находиться там, скажем, двадцать минут назад.

— Кто-то?

— Я имею в виду убийцу. В комнатке, где умерла Глайнис, есть керамический чайничек, полный на одну треть, и этим чаем до сих пор можно ошпариться, настолько он горяч.

— Я не понимаю тебя, любимый. Клянусь, не понимаю! Разве... разве Глайнис сама не могла заварить этот чай?

— Да, могла. Дело не в том, кто заварил чай и пил либо не пил. Но в то время, когда эту женщину могли убить, в то время — при любом возможном расхождении в медицинских свидетельствах — был отлив, и кромка воды находилась почти на таком же удалении, как и сейчас. Посмотри вокруг себя. Посмотри на верхний конец пляжа. В сторону моря. Посмотри на сваи павильончика.

Морской ветерок по-прежнему трепал волосы Бетти и прижимал юбку к ногам. Бетти быстро оглянулась, посмотрела вокруг себя и так же быстро снова перевела взгляд на Гарта.

— Здесь есть твои следы, — продолжил Гарт, — ведущие сюда со склона, где ты оставила велосипед. Здесь есть мои следы, — он протянул руку и показал, — которые ведут сюда от задней стены домика. Однако нигде нет никаких других следов. Видишь?

— Дэвид, я...

— Ты видишь, любимая?

— Да.

— Но ведь убийца должен был уйти из павильончика после того, как убил Глайнис. Теперь его там уже нет. Это означает, что каким-то образом, объясни это как хочешь, этот мужчина, или эта женщина, или какой-то проклятый демон отлива сумел уйти оттуда, не оставив на поверхности мокрого песка ни единого следа.

Около минуты никто из них не произносил ни слова.

Единственный принесенный ветром звук, слышимый ими, был тихим шелестом или шепотом недалекого моря. Но отлив уже закончился. Шум на кромке воды скоро сменится мягким ритмичным гулом накатывающегося прилива.

В этот миг с противоположной стороны до них донесся другой звук. Стук и дребезжание открытого экипажа, расшатанного экипажа, из тех, которые легко можно обнаружить у вокзалов в приморских городках и который в довольно энергичном темпе ехал по шоссе от Равенспорта.

— Нет, Бетти! — Гарт смотрел на возницу и двух его пассажиров. — Оставайся на месте! Я знаю обоих этих мужчин. Нам не удастся избежать встречи с ними.

После того как экипаж исчез за домиком, им не пришлось долго ждать. Двое мужчин прошли через просторный холл и почти сразу появились в открытой застекленной двери, выходящей в сторону павильончика.

Мужчины быстро огляделись по сторонам, однако не обменялись ни словом до тех пор, пока не подошли по песку к Гарту и Бетти. Монокль блестел, хотя не было солнца, которое могло вызвать этот блеск.

— Милый друг, — полным участия голосом сказал Каллингфорд Эббот, — нам сообщили, не знаю, верно или по ошибке, что здесь произошло нечто весьма и весьма неприятное. Надеюсь, поскольку ты уже здесь, то, что мы слышали, — неправда?

Второй мужчина вел себя очень сдержанно.

— Смотрите-ка! — воскликнул детективный инспектор Джордж Альфред Твигг, качая головой и избегая взгляда Гарта. — Кто бы мог подумать, а? Вы только посмотрите!

Глава 8

Часы в этой части побережья пробили девять — различными голосами и в таком же неодинаковом ритме.

В домике Бетти Калдер, где сумерки уже переходили в ночь, их звуки были слышны приглушенно, дисгармонично. Так же приглушенно, мягкими волнами приближался шум прилива.

Тем не менее атмосфера в гостиной, где Каллингфорд Эббот смотрел на Гарта, не слишком настраивала на спокойный лад. В задней части этого кирпичного дома с обеих сторон центрального холла располагались две длинные комнаты с низким потолком, каждая с тремя окнами, выходящими на воду, с шумом подымавшуюся за площадкой с чахлой травой и за пляжем. Комната слева предназначалась в качестве спальни для Глайнис Стакли. Справа была гостиная — тесноватая, с кружевными занавесками и мягкими обтянутыми ситцем креслами, где Бетти провела много времени в мечтах над книгами.

Под потолком висела керосиновая лампа с желтым абажуром. Из открытых окон гостиной виднелся фонарь. Однако Гарт сидел в кресле спиной к морю и смотрел на Каллингфорда Эббота, расположившегося перед камином.

Хотя их разговор был по-прежнему вежливым, даже после трехчасовых расспросов, в нем уже ощущалось некое скрытое раздражение.

— Мой дорогой друг, — говорил Эббот, удерживая монокль в глазнице, от чего половина его лица казалась сморщенной, — больше ты нам ничем помочь не можешь? Seriously, не можешь?

— Я сказал тебе правду. Ручаюсь за каждое слово. Если ты мне не веришь...

— Я не говорю, что не верю тебе. Дело вовсе не в этом.

— Благодарю.

— Ах! К чему этот сарказм?

— Это был не сарказм, — откровенно ответил Гарт. — Я рассчитываю на твою деликатность. Рассчитываю на то, что ты позволишь мне и леди Калдер поужинать в «Олене и перчатке».

— Надеюсь, ты понимаешь, что я был вынужден составить вам компанию?

— Конечно, понимаю.

— Отлично. Итак?

Эббот, невысокий, но статный, был в пиджаке и красивом пластроне. Седые усы над уверенным ртом были подкручены, а седые волосы коротко подстрижены. Вряд ли его можно было назвать франтом. Казалось, что блеск его монокля вызван скорее блеском глаза за этим моноклем, а не светом лампы в гостиной.

— Имеется множество причин, — сказал он, — по которым я хочу вести честную игру. Мы совершили одну ошибку в деле леди Калдер. Я честно признаюсь в этом.

Гарт кивнул.

— Леди Калдер не шантажистка, как мы раньше думали, — продолжил Эббот. — Это не она пять лет назад довела банкира Далримпла до такого состояния, что он пустил себе пулю в голову. Однако хочу заметить, что особенно упрекать нас в этом нельзя. В то время, когда Далримпл совершил самоубийство, Глайнис Стакли прикрывалась именем своей сестры. Кстати, Глайнис Стакли пользовалась не только ее именем, но и титулом, когда в 1906 году вернулась в «Муллен Руж».

С этим все ясно. Мы приступили к поискам, как только вчера вечером хэмпстедская полиция узнала от леди Калдер об этой истории. У нас уже были отпечатки пальцев шантажистки, полученные (неофициально, это нужно признать) после смерти Далримпла. Тогда отпечатки пальцев еще не могли фигурировать в качестве доказательства, к тому же и заявление подано не было. Мертвая женщина в этом павильончике — та, за кем мы приехали.

— Слава богу!

— Аминь. Однако ты не понимаешь, милый Гарт, — Каллингфорд Эббот говорил рассудительно, убеждающим тоном. Одновременно с этим он приподнял лацкан пиджака, чтобы понюхать гардению, — что все это совершенно несущественно.

— Несущественно?

— Если речь идет о вопросе, действительно ли леди Калдер задушила свою сестру, которая довела ее до отчаяния. Инспектор Роджерс слышал вчера вечером в Хэмпстеде, как она угрожала это сделать. «Если она попытается совершить еще хотя бы одну подлость, Бог мне свидетель, я убью ее и понесу любое наказание». Разве тебя там не было, когда она это сказала?

— Я там был.

— А какую подлость она хотела совершить сегодня? Что об этом говорит сама леди Калдер? — Эббот сделал паузу. — Послушай, дружище! Я все время стараюсь предоставить тебе все преимущества. Потому-то и разговор мы ведем с глазу на глаз. Мне бы не хотелось, чтобы тобой занялся Твигг, если, конечно, в этом не будет настоящей необходимости.

— Нет, позови Твигга, обязательно позови его. Жаль будет, если ему не представится такая возможность.

Лицо Эббота утратило свою благожелательность. Он расправил плечи движением, которое перенял у сэра Эдварда Генри.

— У Твигга еще будет возможность проявить себя. Некоторые люди считают неразумным допрашивать свидетеля сразу. Пусть вначале он немного попотеет, говорят они. Твигг, насколько мне известно, придерживается того же мнения. Ты меня слушаешь?

— Конечно. И я все время говорю правду.

— Черт возьми, неужели ты не можешь немного помочь мне?

— Как?

— Так, как если бы тебя самого кто-то поставил в затруднительное положение. Сегодня днем, перед тем как отправиться сюда, я разговаривал с миссис Боствик в Гайд-Парк-Гарденз.

— Хорошо развлекся?

— Вот именно, развлекся. — Эббот пригладил усы. — Это очаровательная молодая дама, весьма очаровательная. Я с такими не часто встречаюсь при исполнении служебных обязанностей. Ты вчера подверг эту бедняжку чертовски тщательному допросу. Мне следовало бы подвергнуть тебя еще более тщательному допросу — Твигг с удовольствием позаботился бы об этом — однако я считаю тебя честным человеком. Впрочем, теперь не знаю, должен ли так считать. Почему ты не можешь помочь мне?

— Я пытаюсь помочь тебе.

— Ну, хорошо. В таком случае у тебя есть шанс. Миссис Боствик рассказала тебе абсолютно ясную историю, подтвержденную всеми доказательствами. Какая-то женщина едва не задушила миссис Монтэг, а потом убежала через не запертую и не закрытую на задвижки дверь в подвале. Все верно, не так ли? Ты согласен?

— Да.

— Однако ты, тем не менее, как сказала мне миссис Боствик, по какой-то причине не поверил ни одному ее слову и довел эту бедняжку до такого состояния, что она едва не сошла с ума. Почему ты подверг сомнению ее рассказ?

— Я не могу сказать тебе это по профессиональным причинам, Эббот.

— Значит, нет! Тебе не следовало говорить Твиггу, что ты как врач консультируешь миссис Боствик, Она это отрицает. По правде говоря, она съта тобой по горло и больше не хочет иметь с тобой ничего общего.

— Это мы еще посмотрим!

— Значит, ты с этим не согласен. — Монокль блеснул, как глаз дракона. — И не говори, что полиция подозревает, будто бы на миссис Монтэг напала леди Калдер. В этом мы ее не

подозреваем. Мы точно установили, что на эту даму напала Глайнис Стакли. Так почему же ты не поверил рассказу миссис Боствик?

— Эббот, ты задал этот же вопрос мистеру Винсенту Боствику?

— Да. Он тоже этого не понял. Почему ты не поверил Марион Боствик?

Гарт уставился в пол.

Он положил руки на колени и начал подниматься, но тут же передумал. Посмотрел на желтый шелковый абажур лампы, потом перевел взгляд на открытые книжные полки вдоль стен. Позади него, за кружевными занавесками и открытыми окнами, на краю пляжа накатывался и разбрасывал водяные брызги монотонный прибой. Еще дальше, там, где волны периодически разбивались о сваи, в темной воде дрожали отблески света из павильончика.

Эббот по-прежнему смотрел на Гарта.

— Послушай, я буду с тобой абсолютно честен, — внезапно сказал он. — Ты умный человек, Гарт. И я о тебе высокого мнения. Но я не стану требовать от тебя, по крайней мере, сейчас, чтобы ты внес хотя бы незначительные исправления в свой рассказ о том, что произошло в павильончике...

— Эббот, я в последний раз говорю тебе...

— Повторяю, я не стану этого требовать, — перебил его Эббот, — если ты будешь честен со мной во всем остальном. Договорились?

Эббот сделал несколько шагов к центру комнаты. На каминной полке у него за спиной в беспорядке, без всякой системы, в присутствии Бетти stile стояли фотографии в серебряных рамочках. На одной из них, моментальной фотографии, как заметил Гарт, была изображена женщина — не кто иная, как Глайнис, а рядом с ней Бетти. Обе были намного моложе. Во всем, что принадлежало Бетти, чувствовалась ее натура, хотя сама она, перепуганная и почти больная, ждала в одной из комнат второго этажа.

— Договорились?

— Да, договорились. Если ты обвиняешь меня в том, что я запугивал Марион Боствик...

— Значит, ты ее не запугивал?

— Не знаю. Когда я думаю о Бетти, — он показал на каминную полку; Эббот вытянул шею, чтобы посмотреть туда, а у Гарта внезапно появилось такое чувство, словно холодные пальцы сжали ему горло, — я мысленно спрашиваю себя, как часто мы причиняем вред нашим пациентам вместо того, чтобы помочь им.

Нет ничего отвратительнее на свете, чем хладнокровно запугивать человека с таким выражением лица, словно нам все известно, недоверчиво покачивать головой и предупреждать его, что он немедленно пожалеет, если не сделает то, что ему приказывают. Поэтому я не переносу инспектора Твигга. Он ужасно напоминает моего племянника. Кстати, ты тоже кое-кого напоминаешь мне, Эббот.

— О чем ты говоришь, черт возьми? О том, как я выгляжу...

— Я имею в виду не то, как ты выглядишь. Твигг тоже выглядит совершенно не так, как Хэл Ормистон. Но если говорить о том, как кто выглядит, то ты скорее похож на Фрэнка Гарриса.

Впервые Эббот не смог сдержать раздражения.

— На Фрэнка Гарриса? Этого неотесанного болвана, который неоднократно выступал с речами в «Кафе Ройал» и хвастал, как он нравится женщинам?

— Извини. Я всего лишь хотел...

— Вот именно. Ты снова хотел перевести мое внимание на что-нибудь другое. Больше так не поступай. Мне нужна информация. Например, когда я хотел поговорить с миссис Монтэг, мне сказали по телефону, что ее нет в Хэмпстеде.

— Ты хочешь сказать, что ее увезли в лечебницу?

— Нет, нет, дружище, этого я сказать не хотел. Я всего лишь хотел сказать, что миссис Бланш Монтэг тоже сейчас находится в Фэрфилде.

— В Фэрфилде? Это невозможно!

— Почему? Ты имеешь в виду, что это невозможно с медицинской точки зрения, после того как ее пытались задушить?

— Нет, с медицинской точки зрения это вполне возможно.

— Почему же, в таком случае?

— Эббот, я не осматривал эту даму. Однако у нее было множество ушибов, а возможно, и какая-нибудь более серьезная травма. В таких случаях всегда имеется риск *edema laryngos*⁴.

— Что это означает на нормальном языке?

— Если пациент разозлится и повысит голос или выпьет горячего чаю либо что-нибудь слишком холодное, у него могут так распухнуть голосовые связки, что ему спасет жизнь только операция. Я удивлен, что ее врач вообще позволил ей встать.

— По словам Марион Боствик, — сказал Эббот, — ее врач не разрешил ей это делать. Кстати, она разговаривала на повышенных тонах. У миссис Монтэг есть родственники в Фэрфилде; она, как я слышал, относится к тому типу женщин, у которых всегда имеются родственники в Фэрфилде. Она непрерывно кричала, чтобы ее увезли из Хэмпстеда, и в конце концов полковник Селби разрешил отправить ее сюда. Полковник Селби находится в отеле «Империял», а она у своих родственников, и те по распоряжению здешнего врача следят, чтобы ее никто не допрашивал. Я не знал об этом и специально приехал из Лондона в Фэрфилд, чтобы расспросить ее кое о чем.

Когда мне не удалось этого сделать, я отправился вслед за Твиггом в Равенспорт (туда меня любезно отвез твой племянник), чтобы поговорить с местной полицией, вплоть до последнего времени наблюдавшей за леди Калдер. Они сняли наблюдение сегодня утром по моему приказу из Лондона, поэтому все произошло по моей вине. Нам казалось, что уже нет необходимости не спускать с нее глаз, однако около шести часов какой-то аноним по телефону предупредил полицию, что в доме леди Калдер что-то произошло.

— Какой-то аноним... по телефону... — повторил Гарт. — Все понятно.

— Ты это серьезно, дружище? — живо спросил Эббот. — Однако вернемся к миссис Бланш Монтэг. Что знает эта женщина? Что она сказала Глайнис Стакли, если это, конечно, была Глайнис Стакли, из-за чего эта Стакли так разъярилась? Мы ведь раньше думали, что шантажируют твоего приятеля Винсента Боствика...

— А теперь вы уже так не думаете?

— Нет, теперь уже нет. Вчера вечером, когда мы разговаривали с тобой по телефону, я вынужден был признаться, что мы не располагаем ни одним реальным доказательством того, что Винсент Боствик имеет что-то общее с танцовщицей из «Мулен Руж». А сегодня утром наши люди провели опрос там, где жила Глайнис Стакли. Никто не видел ее ни с Винсентом Боствиком, ни с каким-либо другим мужчиной, кроме...

— Ну?

— Кроме одного молодого человека, — Эббот направил монокль прямо на Гарта, — который служит у тебя и которого зовут Майкл Филдинг. Не мог бы ты рассказать мне все, что тебе известно о Майкле?

Наступила пауза. Прибой с гулом накатывался на пляж.

Гарт не имел права выходить из себя. Он должен быть спокойным, спокойным, спокойным...

— Майкл Филдинг, — ответил он, — проходит студенческую практику в лечебнице Барта. По завещанию какого-то дядюшки, который был священником, он получает незначительный доход и дополнительно подрабатывает у меня. Он сообразительный, вовсе не самоуверенный, внимательный и довольно неуравновешенный. Однако он не убийца, так же, как и леди Калдер. Эббот, почему ты не хочешь оставить в покое Бетти?

— Более чем вероятно, что эту шлюху-шантажистку, как утверждает Твигг, задушила именно она.

— И ты действительно в это веришь?

— Да, к сожалению, да. Если одна сестра способна совершить попытку убийства, то наверняка и другая тоже на это способна. У них ведь одна и та же кровь. Почему ты забыл об этом? Благодаря ее красивым глазкам?

— Нет, — ответил Гарт. — Благодаря тому, что ты и твой проклятый Твигг постоянно ошибаетесь. Вы ошиблись, когда подумали, что Бетти шантажистка. Ошиблись, когда считали Винса Боствика ее жертвой. Ты никогда не докажешь, что Бетти принимала какое-либо участие в этом убийстве, могу поспорить с тобой. Впрочем, можешь попытаться!

---

⁴ Отек гортани (лат.).

Эббот посмотрел на него.

— Ты так полагаешь? — заметил он, потом очень осторожно вытащил из петельки в лацкане гардению и бросил ее в пустой камин. — Ну, как хочешь. Поступай по своему усмотрению. Я не буду тебе помогать.

Внезапно открылась дверь в холл, и в комнату вошел инспектор Твигг.

— Ага! Вы звали меня, сэр?

Между дверью и открытыми окнами возник сквозняк. Он надул пузырем занавески, раскачал лампу с шелковым абажуром и захлопнул дверь с треском, прозвучавшим словно эхо грохочущего прибора под павильончиком.

— Вы звали меня, сэр?

— Нет, но я собирался это сделать. Продолжайте допрос. И проводите его так, как считаете нужным.

— Ага! — сказал Твигг. — С удовольствием признаюсь, что мне это подходит на все сто процентов.

— Мне это тоже подходит, — сказал Гарт и энергично встал.

— Одно маленькое предупреждение, инспектор! — добавил Эббот, уже с ледяным бесстрашием, уверенно и официально. — Проведете этот допрос согласно полицейским инструкциям, известным как «Уголовный кодекс». И все время помните об этих инструкциях.

— Я буду помнить о них, сэр. Я буду помнить о них! Однако доктор Гарт тоже должен понимать, что оказался в очень серьезной ситуации. Его, возможно, ждет арест, если не что-нибудь похуже. Так что пусть не воображает, что ему удастся кем-то манипулировать, как он захочет.

— Приступайте к допросу, мистер Твигг, — процедил Гарт. — И перестаньте планомерно угрожать свидетелю, которому не сказали еще и десяти слов!

— Значит, я планомерно угрожаю, да?

— Прекратите! — крикнул Эббот.

Воцарилась напряженная тишина. Никто не шевелился. Потом Гарт снова уселся в кресло у окна и откинулся на спинку, намеренно демонстрируя полнейшее безразличие. Твиггу, у которого котелок по-прежнему был сдвинут на затылок, понадобилось чуть больше времени, чтобы выражение его лица стало достаточно вежливым и приятным.

— Итак, мистер, — доброжелательно сказал он, — мне это тоже подходит.

— В таком случае, начинайте, — поторопил Эббот.

— Да, но сначала позвольте сказать, сэр! — добавил Твигг, словно неожиданно что-то вспомнил и тщательно подбирал выражения. — Не исключено, что мне уже пришлось нарушить некоторые ваши приказы.

— Как это понимать?

— Ну, сэр, это все из-за леди Калдер. Она пыталась удрать. Мне пришлось задать ей пару деликатных вопросов раньше, чем это намеревались сделать вы, и, возможно, я говорил с ней чуточку резковато. Но вы ведь сами знаете, сэр, что у женщин легко начинается истерика.

— Сядьте, Гарт! — зарычал Эббот. Его большие усы на внезапно побагровевшем лице непримиримо ощетинились. — Инспектор, если вы хотя бы на йоту преступили...

— Ну что вы, я придерживался «Уголовного кодекса». Сами спросите у этой дамы, придерживался я его или нет. Однако можно сказать, что большого выбора у меня не было. К тому же у меня и сержанта Бейнса на дворе есть свидетель, который не самого лучшего мнения об этой даме, чтобы не сказать больше.

— Кто этот свидетель?

Твигг не ответил.

Он подошел к Гарту, который снова сел, придвинул большое мягкое кресло, повернул его и уселся на подлокотник, так, чтобы иметь возможность смотреть сверху вниз на мужчину в оконной нише. Вытащил из кармана блокнот и огрызок карандаша.

— Итак, доктор... — начал он.

Глава 9

— Инспектор, — поинтересовался Дэвид Гарт спустя три четверти часа, долго мы еще будем продолжать в таком духе?

— Сколько понадобится, доктор. Сколько понадобится!

— Вы позволите напомнить вам, что мы уже как минимум в десятый раз повторяем одно и то же?

— Верно, доктор. Но, возможно, нам придется повторить это еще двадцать раз. И так?

— Мне можно встать и немного походить?

— Ну, конечно же, доктор. Походите. И так, продолжим. Что касается последнего вопроса, который я вам задал...

Гарту все это начинало действовать на нервы.

Причиной нервозности было не повторение, оно не раздражало Гарта. Однако он не мог противостоять уловкам Твигга или хотя бы дать убедительный ответ. Иногда Твигг подводил его к твердой почве, на которой он мог чувствовать себя уверенно, но тут же уводил куда-то в сторону, прежде чем Гарт успевал что-либо ответить.

Каллингфорд Эббот наблюдал за этим словесным поединком с изумлением. Его монокль устремлялся то на Твигга, то на Гарта, словно взгляд человека, наблюдающего за теннисным матчем. Во рту у него была тонкая манильская сигара, дым от которой поднимался к лампе.

— Надеюсь, вы меня внимательно слушаете, доктор?

— Я слушаю вас, мистер Твигг. Продолжайте!

Гарт быстро встал из кресла в нише и посмотрел в окно.

Звук прибойя вовсе не был громким, он просто казался ему таким. Вода поднималась так спокойно, что двое полисменов в форме, спустивших на воду маленькую лодку, могли легко добраться до павильончика, отталкиваясь веслами, словно шестами. Лодка, которую они привязали к крюку у входа, мягко покачивалась.

Уже давно, еще до того как стемнело, сделали гипсовые отпечатки следов. Еще до наступления сумерек долго делали внутри, в павильончике, фотографические снимки при помощи аппарата на трехногом штативе и вспышек из магниевого порошка. Что они там делают сейчас?

С чувством бесполезности, которую он до сих пор даже не мог себе представить, Гарт подошел к низким книжным полкам возле камина. Яркие цветные картинки над полками в большинстве своем представляли собой репродукции картин Максфилда Парриша и изображали обнаженную натуру на фоне пурпурных рассветов или сумерек; не слишком высокий уровень вкуса, подумал Гарт, но Бетти имела полное право выбрать именно их. Он снова мысленно спросил себя: что Бетти сказала Твиггу?

В этот момент он услышал ее имя и обернулся.

— Простите? Что вы сказали о леди Калдер?

— Мы уже приступаем к ней, доктор. Повторяю вопрос. Когда сегодня днем вы сюда добрались?

— Было около шести. Возможно, без шести или семи минут шесть. Точнее сказать не могу.

— Леди Калдер ждала вас?

— Да.

— Гм. Однако ее здесь не было.

— Нет. Я уже вам объяснил, почему ее здесь не было.

— Конечно, конечно, доктор. Не стоит злиться. — Твигг заглянул в свой блокнот. — Значит, вы утверждаете, что встретили вашего племянника, и он вам сообщил, что леди Калдер пошла искупаться?

— Да, он мне это сообщил. Однако это не была леди Калдер. Это была ее сестра. Свидетели, включая мистера Эббота, находились слишком далеко, чтобы точно определить, кто была эта женщина. Если вы сомневаетесь в этом...

— Что вы, какие могут быть сомнения! Неужели вы думаете, что мы в этом сомневаемся? Скажу вам прямо, доктор, меня бесконечно радует, что вы так говорите. Когда вы подпишете

протокол вашего допроса, я буду настаивать, чтобы вы и дальше продолжали так свидетельствовать.

— Секундочку, — сказал Каллингфорд Эббот, вынув изо рта сигару.

— Послушайте, сэр, если вы будете меня перебивать...

— Я сказал, секундочку!

Лицо Твигга налилось кровью, но он овладел собой.

— Об этом могу свидетельствовать я, — сказал ему Эббот. — Я видел ее. А если исходить из того, что удалось установить в павильончике, нет ни малейшего сомнения, что эта женщина была Глайнис Стакли. Однако не требуйте от доктора Гарта, чтобы он свидетельствовал, будто бы тоже видел эту женщину в четыре часа. Так вы развалите все дело. А теперь продолжайте.

— Огромное вам спасибо, сэр, за то, что вы меня поправили, а теперь продолжим. — Твигг снова посмотрел на Гарта. — В то время как вы шли к павильончику, доктор, на песке были какие-нибудь следы, кроме ваших?

— Нет, не было.

— Гм. Вы можете показать это под присягой?

— Да, могу.

— Вы хотите, чтобы я принял это ваше утверждение, доктор, и мистер Эббот тоже этого хочет. Что ж, продолжим. Вы рассказываете, как обнаружили труп этой Стакли. Как перевернули его, чтобы определить личность, а потом снова вернули в первоначальное положение. Как вы разбили чашку, осколки которой мы там обнаружили. Как вы притронулись к чайнику, который все еще был горячим...

— Да, я так утверждаю. Я действительно притронулся к чайнику и сам это установил. Так я действительно это сделал или нет, мистер Твигг?

— Вопросы задаю я, доктор, а вы отвечаете. Вам следует это помнить. А теперь проясним кое-что другое.

Гарт насторожился, потому что в голосе Твигга внезапно зазвучали новые нотки. Детектив несколько раз щелкнул языком.

— Вы говорите, что на стенной вешалке для одежды обнаружили дамский купальный халат из коричневой саржи с поперечными желтыми полосами. В одном из карманов был платочек с инициалами «Г. С.». Этот платочек вы снова положили в карман. Верно?

— Да. Этот купальный халат висит там до сих пор.

— Гм. Теперь он там есть. Это вы принесли халат в павильончик, доктор? Или, возможно, его принесла туда леди Калдер?

— Ни я, ни она. Этот халат уже висел на крючке, когда я туда вошел.

— Возможно, вас заинтересует, доктор, что на этой женщине не было такого халата, и в руке она его не несла, когда шла купаться.

Снова никто не шевелился. Гарт слышал тиканье своих часов.

— Ну так как, доктор? Знайте, что у нас есть два свидетеля. Один из них — мистер Эббот.

Гарт продолжал молчать. Каллингфорд Эббот с выражением неудовольствия кивнул и посмотрел Гарту в глаза.

— Черт возьми, — сказал он, снова вынув сигару изо рта, — это факт, и с ним ничего не поделаешь. У этой женщины действительно не было никакого халата.

Твигг приподнял свои редкие брови.

— Вы поняли, доктор? Только ваши следы и следы леди Калдер, как вы все время повторяете, вели по песку к ступенькам павильончика. Нигде никаких других следов! Если на Глайнис Стакли не было этого халата, а в руке она его тоже не несла, откуда же в таком случае он там взялся?

Снова тишина.

— Я могу сказать лишь то, что...

— Лучше не говорите ничего, доктор, пока не ответите на мой вопрос. А мы ведь только начинаем. — Твигг передвинулся по подлокотнику кресла, повернулся так, чтобы видеть лицо Гарта, и перевернул страницу блокнота.

— Что касается того, что чай был горячий, — продолжил он, — вы уделяете этому слишком много внимания, гораздо больше, чем нужно, по моему скромному мнению полицейского. Возможно, чай был горячим, а возможно, и нет. Мистер Эббот и я, когда застучали вас с леди

Калдер у павильончика, сразу же отправили вас в дом, чтобы вы больше не выкинули никаких фокусов. А когда я взглянул на этот чай, у меня создалось впечатление, что он стоял там с января. Так что это не будет иметь никакого значения для присяжных. Надеюсь, вам это ясно?

— Прекрасно. Очевидно, леди Калдер и мне придется расплачиваться за то, что вы так небрежно отнеслись к доказательствам.

— Послушайте, я не желаю иметь из-за вас никаких неприятностей. Это вам ясно?

Самый беспристрастный человек, который увидел бы в этот момент Дэвида Гарта, с флегматичным выражением лица и каплей пота, стекающей по виску, решил бы, что он совершенно измотан и полностью обессилен. Он действительно почти обессилен — почти, но еще не до конца.

— Давайте, следовательно, отбросим то, что не имеет никакого значения, — продолжил Твигг, — и будем говорить о том, что имеет значение. Вы хотите убедить меня (ручаюсь, что это так!), что вы оба такие невинные, что Господь Бог мог бы устроить новый райский сад и поместить вас туда. Что ж, давайте разберемся с этой невинностью.

Вы утверждаете, что когда обнаружили, будто бы чай еще горячий, вас это изумило до такой степени, что вы сбили чашку со стола. Это произошло именно в тот момент, когда леди Калдер бежала к павильончику. И при этом она звала вас. Верно?

— Да!

— А откуда она знала, доктор, что вы находитесь там?

— Я уже бесчисленное количество раз говорил вам, что леди Калдер ждала моего приезда.

— Ну, хорошо. Предположим, она вас ждала. Но в этом павильончике нет окон. А между вами и кем-либо, находящимся снаружи, были две двери, одна наружная с наполовину опущенной шторой, другая деревянная, лишь чуточку приоткрытая. Следовательно, она не могла вас видеть. Откуда же, в таком случае, ей было известно, что вы находитесь внутри? И не говорите мне, — добавил Твигг, подняв руку, когда Гарт попытался что-то сказать, — не говорите мне, что вы клянетесь всеми чудовищами самого глубокого моря, будто бы ей достаточно было бросить один взгляд на какие-то следы на песке и она сразу же поняла, что это ваши следы. Позвольте не поверить в это! Вы что, серьезно надеетесь, что присяжные поверят, будто бы ее не было в этом павильончике, и она не задушила свою сестру либо с вашей помощью, либо без нее?

— Да, надеюсь, — отрезал Гарт и сделал шаг вперед. — Потому что это чистая правда.

— Так, значит, она почти два часа каталась на велосипеде по окрестностям? И ни разу не проехала мимо этого места, я уже не говорю о том, что она не заглядывала внутрь, до тех пор пока внезапно не объявилась вскоре после шести часов?

— Да! Это тоже правда!

— Неужели? Что ж, давайте разберемся и с этим.

Твигг спрятал блокнот в карман. Соскочил с подлокотника кресла — коренастый субъект с бледными глазами на багровом лице. Он очень медленно подошел к двери в холл и открыл ее.

— Войдите, мистер Ормистон, — сказал он.

Каллингфорд Эббот, по-прежнему с сигарой во рту, выпрямился в кресле и повернулся к двери. Хэл Ормистон, на этот раз в плаще поверх пиджачка и фланелевых брюк, но без канотье, вошел в гостиную с таким видом, словно совершил подвиг. Твигг захлопнул дверь, не дожидаясь сквозняка.

Гарт отвернулся. Хэл выглядел как обычно. Возможно, в глубине души он побаивался, однако его нос был вздернут, а подбородок выдвинут вперед. Вряд ли даже его могла обмануть сердечная встреча Твигга.

— Я не буду долго задерживать вас, — сказал Твигг и дотронулся пальцем до полей своего котелка. — Не повезло, конечно (я имею в виду, вам не повезло), что у вас в Фэрфилде сломался автомобиль и вы были вынуждены вернуться. Однако повезло закону. Прежде чем вы нам скажете, что у вас случилось с автомобилем, хотелось, чтобы вы нам рассказали что-нибудь о той женщине, которую видели на пляже, когда подвозили мистера Эббота в Равенспорт.

— С удовольствием, инспектор, — сказал Хэл.

— Итак, мистер?

— Та женщина не была нашей милой Бетти. Она сразу показалась мне какой-то странной. У нее была немножечко другая походка, с таким покачиванием, если вы меня понимаете. Однако

она не настолько отличалась от Бетти, чтобы можно было сразу это понять, потому что в противном случае мне пришлось бы это в голову немедленно.

Твигг повернулся к Эбботу и Гарту.

— Не буду подсказывать вам, мистер Ормистон. Ни в коем случае, упаси меня Господь! Я точно придерживаюсь «Уголовного кодекса». А сейчас скажите нам, как была одета эта женщина. На ней было платье или что-нибудь другое?

— На ней был коричневый купальный костюм без рукавов и без чулок. Потом такая резиновая шапочка в сборках. И еще полотняные тапочки с резиновыми подошвами. Это все, что я видел.

— Она несла полотенце? Или что-нибудь похожее?

— Нет.

— Купального халата тоже не было? Ничего? Что ж, понятно. И это было приблизительно в четыре часа, да? Хорошо. А теперь скажите мне, мистер Ормистон, джентльмен, который сидит вон там, это ваш дядя?

— Да, это мой дядюшка. Я ему советовал, чтобы он как следует засучил рукава, если не хочет влипнуть в неприятную историю, и не моя вина, что он в нее влип.

— Конечно, мистер Ормистон. Вы видели доктора Гарта где-нибудь в этих краях сегодня днем?

— Разумеется, видел.

— В котором часу это было?

— Мы встретились перед домиком, — ответил Хэл, стараясь растягивать слоги, — без десяти минут шесть. Дядюшка был словно не в своей тарелке, не знаю почему.

— Вы видели, как он шел к павильончику?

— Не вкладывайте слова в мои уста, старый вояка, — быстро упрекнул его Хэл. — Бросьте вы эти штучки. Мне это не нравится. Да, я видел, как дядюшка шел в том направлении. Однако не больше того. Он дал мне деньги, которые задолжал, и я уехал.

— Когда это было, мистер Ормистон?

— Приблизительно без десяти шесть. Может, на минутку позже, если это вас так интересует.

— Да, интересует, мистер, и я придаю этому очень большое значение. На песке были какие-нибудь следы, кроме тех, которые оставил доктор Гарт?

— Откуда я могу это знать? Я вообще не видел никаких следов.

— Скажите, мистер, вы видели потом леди Калдер?

— Вы имеете в виду Бет? Нет. Потом я ее не видел. Я вообще ее не видел.

Каллингфорд Эббот встал, выбросил наполовину выкуренную сигару в камин, так же как раньше бросил туда гардению, и снова сел. Гарт стоял неподвижно, словно готовился к чему-то и выжидал. А Твигг, который явно ждал, что он попытается убежать, поднял руку в гипнотизирующем жесте.

— Я еще раз спрашиваю вас об этом, мистер Ормистон, чтобы вы уточнили, как было дело. Нам было сказано, что леди Калдер ехала на велосипеде по дороге между домиком и Фэрфилдом, когда вы уехали отсюда на автомобиле. Нам было сказано, что вы должны были видеть ее, потому что разминулись с ней на дороге.

Хэл вскинул брови.

— Если вам это было сказано, старый вояка, значит, вам сказали очевидную, явную ложь. Я вообще ни с кем не разминулся, старый вояка. Я не видел ни одной живой души.

— Вот, значит, как, — сказал Твигг после короткого молчания. — Вот, значит, как!

Хэл, выдвинув вперед подбородок и раздув ноздри, уверенно смотрел на Гарта. Твигг, который неторопливо повернулся, тоже посмотрел на Гарта.

— Вот, значит, как обстоит дело, доктор. Пусть вы правы, если речь идет о горячем чае. Пусть вы правы, если речь идет о том промежутке времени, когда умерла жертва. Тем хуже для вас. По словам мистера Ормистона, вы направились к павильончику приблизительно без десяти минут шесть или чуть позже. Мистер Эббот и я прибыли в пять минут седьмого, когда вы и леди Калдер все еще стояли там возле лесенки. В течение этих пятнадцати — двадцати минут вас не видел ни один свидетель. Кроме того, ни один свидетель не видел леди Калдер. Туда ведут ваши следы; обратно не шел никто. Если Глайнис Стакли не убил ни один из вас, кто же в таком случае мог ее убить? — Твигг помолчал и сделал глубокий вдох. — Я разбираюсь кое в чем, доктор Гарт, хоть вы

и считаете, что я не отличаюсь большим умом. Конечно, разбираюсь не так хорошо, как сыщики в этих придуманных историях. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Однако у нас имеются факты, свидетельствующие против вашей очаровательной и святой леди Калдер. Мне просто любопытно, как вы из всего это выкрутитесь.

— Выкручусь, — сказал Гарт.

— Неужели?

— Я сказал, что выкручусь из этого, — повторил Гарт, чувствуя удовольствие от того, что его соперник наконец-то пришел в некоторое замешательство.

Хэл Ормистон смотрел куда-то вдаль. Гарт медленно приблизился — подбоченившись, он смотрел прямо в глаза Твиггу.

— Мистер Твигг, — сказал он официальным тоном, — после того как вы пришли, мне уже не разрешили зайти в павильончик. Не могли бы вы показать мне фотографии, которые там сделали ваши люди? Или хотя бы скажите, что вы обнаружили там на полу.

— Еще чего! Я не собираюсь этого делать!

— Вы это сделаете, — сказал Каллингфорд Эббот и встал из кресла.

Твигг медленно повернулся к нему.

— Мистер Эббот, вы что же, хотите меня учить, как я должен поступать? Вы хотите схватить убийцу или не хотите?

— Да, конечно, я хочу, чтобы убийцу поймали, — мягко сказал Эббот. — Но я также хочу, чтобы игра была честной.

— О боже! — взвизгнул Твигг. — Вы будете говорить мне здесь о честной игре! Это ведь не крикетный матч, мистер Эббот. Вам, любителям, не приходили бы в голову подобные мысли, если бы вы должны были вкалывать так же тяжело, как мы.

— Возможно. — Эббот перевел взгляд на Гарта. — Кстати, дружище, — добавил он, и его пышные торчащие усы словно показали на Хэла Ормистона, — мне кажется, я знаю, кто был тот аноним, который позвонил в полицию.

— Я тоже, — кивнул Гарт. — По крайней мере, эта догадка весьма правдоподобна. Она с самого начала напрашивалась как весьма правдоподобная.

— Ага! Я тоже так полагал. Так вы будете отвечать доктору Гарту на его вопросы, инспектор Твигг, или мне придется отвечать вместо вас? Ну так как?

— Я отвечу на любой вопрос, который придумает доктор. Но выкрутиться из всего этого ему не удастся, уверяю вас. Даже если мне придется обратиться через вашу голову прямо к старшему комиссару.

— Мистер Твигг, — сказал Гарт, — что вы обнаружили на полу?

— На каком полу? Где?

Любой пациент, увидевший доктора Гарта в этот момент, с горящими глазами на бледном лице, наверняка подумал бы, что этот специалист в области неврологии сам нуждается в медицинской помощи.

— Мы уже много слышали, — сказал он, — о следах снаружи, перед павильончиком. Давайте также послушаем о следах внутри. Мой племянник совершенно справедливо заметил, что не желает запачкать свои туфли песком или грязью. Однако тот, кто вошел в павильончик, не мог этого избежать. Вы нашли следы песка на подошвах моих туфель, мистер Твигг? Вы установили, что мои следы ведут в комнатку слева, потом на веранду и в комнатку справа? Все так, как я вам говорил?

— Ну и что? Мы установили все это. И сделали фотографии. Но разве это доказывает, что не вы убили Глайнис Стакли?

— Нет, не доказывает.

— Зачем тогда все эти вопросы?

— Мистер Твигг, вы нашли какие-нибудь следы, которые могла оставить эта мертвая женщина?

— Нет, естественно, нет! Эта женщина была в воде, ведь она отправилась поплавать. Она поднялась на веранду еще во время прилива, задолго до того, как умерла. Единственные следы, которые могли остаться после нее, это следы соленой воды, а вода на полу высохла.

— Совершенно справедливо, — сказал Гарт. — Такой оценке времени соответствует и степень влажности ее купального костюма. — Он повысил голос. — Мистер Твигг, вы обнаружили какие-нибудь следы леди Калдер?

Прошло пять секунд.

Каллингфорд Эббот вытащил из кармана портсигар из свиной кожи, однако не открывал его. С повисшими усами и слегка наклоненной вперед головой, он нацелил свой монокль на Твигга.

— Никаких ее следов вы не нашли, — сказал Гарт, — хотя леди Калдер тоже шла по песку. Верно?

— Ну и что? Ничего не стоило...

— Неужели? — спросил Гарт. — Вы способны представить себе парочку убийц, которые одни следы уничтожают, а другие оставляют? Ну, ладно, предположим, мы так и сделали. Где же в таком случае веник или тряпка и моющие средства, которыми мы воспользовались в павильончике, куда не подведена вода? И как удалось не оставить следов, которых вы не могли найти? Вы не обнаружили никаких следов, мистер Твигг, потому что Бетти Калдер просто-напросто не была в павильончике.

Он провел рукой по лбу и сжал ладонями виски. Потом выпрямился и с напускной легкостью продолжил:

— Я буду говорить с вами откровенно, мистер Твигг, откровеннее, чем вы говорите со мной. Я не могу объяснить, как было совершено это преступление. Оно немного похоже на убийство, описанное в романе под названием «Чьей рукой?».

— Ага! — выдохнул Твигг, пронизательно глядя на Гарта.

— Я не могу объяснить, кто принес в павильончик купальный халат. Я многое не могу объяснить.

— Ага! — сказал Твигг.

— Возможно, вы арестуете меня как убийцу, хотя мне кажется, что вы не сделаете этого. Если вы прекратите злиться на меня точно так же, как я злюсь на вас исключительно по причинам личного характера, то в этом случае ваш здравый ум помешает вам это сделать. Меня, как я сказал, вы можете арестовать. Но Бетти Калдер вы не посмеете тронуть.

— Я не посмею? — Твигг подошел к двери, открыл ее и, не отпуская дверную ручку, закричал: — Сержант Бейнс!

— Инспектор? — раздался снаружи голос.

— Сержант Бейнс, где леди Калдер?

— Вы ведь заперли ее в комнате наверху, инспектор. Вы не должны были так поступать, инспектор.

— Не ваше дело, как я должен поступать и как не должен! Приведите ее сюда.

Поскольку Твигг держал дверь открытой, между ней и окном сразу начался сквозняк.

Из-за развевающихся занавесок и раскачивающегося абажура лампы создалось впечатление, что картинки в дребезжащих рамках засияли всеми своими пестрыми красками. Эббот широким шагом подошел к Твиггу.

— Сержант Бейнс, — сказал он, — пожалуйста, забудьте об этом приказе. Твигг, закройте дверь!

— Сэр...

— Вы разве не слышали? Закройте эту дверь!

— Ну, ладно, — выдохнул Твигг. — Есть честная игра, а есть шуточки. Не собираетесь же вы, мистер Эббот, убедить меня в том, что все сказанное доктором Гартом является абсолютно неопровержимым.

— Естественно, это не является неопровержимым. Она по-прежнему находится под подозрением.

— В таком случае, вы, возможно, хотите, чтобы я попросил прощения, сэр? Возможно, я разговаривал слишком резко? Извините. Возможно, я не должен был говорить, что вы любитель? Извините.

— А почему вы не должны были говорить, что я любитель? В определенном смысле я действительно любитель. Если говорить о лошадях, о французской кухне, о женщинах и даже (надеюсь, Господь простит мне это) о преступлениях, я не считаю себя профессионалом. Однако я

безусловно являюсь служащим уголовного отдела. И по двум причинам намерен не позволить вам продолжать сейчас расследование.

— Ага! Потому что вы, джентльмены, всегда держитесь вместе, да?

— Нет. — Монокль Эббота блеснул. — Первая причина состоит в следующем: доктор Гарт внес в это дело столько сомнений, что мы должны принять их во внимание. А вторая причина, которая является для меня еще более весомой, заключается в том, что я верю доктору Гарту.

— И теперь я должен забыть обо всем этом? Именно это вы намерены порекомендовать мне?

— Нет. Если бы я смог убедить вас и доктора Гарта подать друг другу руки и забыть о вашей ссоре, вы наверняка были бы лучшим дуэтом детективов в мире. Нельзя ничего поделаться с безумцем, мой милый Твигг, даже если свои идеи он почерпнул из книг. Вам следовало...

Внезапно Эббот замолчал. Его собеседник совершенно не слушал его.

— Книги! — прошептал инспектор Твигг. — Как же мне это раньше не пришло в голову? Книги!

Гарт чувствовал, как у него неприятно колотится сердце. «Нет, только не это! — мысленно умолял он. — Хотя бы не так быстро! Только не это!»

Большое лицо Твигга стало почти приветливым. Он огляделся в комнате, окинул взглядом книжные полки. И сразу увидел кое-что на одной из полок слева от камина. Он вразвалку направился к полкам и протянул к ним руку.

— Вы не уделите мне свое внимание, инспектор?

— Да, сэр?

— В следующий раз вы не будете совершать таких опрометчивых поступков, инспектор! А этих людей оставите в покое и не будете им угрожать, до тех пор пока...

— Еще чего! — фыркнул Твигг и обернулся. — Я не оставлю в покое ни одного из них, куда эта невинненькая шлюшка не получит того, что заслуживает. Но вы поступили хорошо, мистер Эббот, что не позволили мне попасться в ловушку, как хотел доктор. Я только что вспомнил кое-что. Черт возьми! Я только что вспомнил еще кое-что.

Глава 10

— Зачем ты вспоминаешь это? — спросила Бетти. — Они уже ушли. Уже все ушли. Зачем ты это вспоминаешь?

На дорожку перед домиком ночной ветерок приносил прохладу, приятную уставшим глазам и мышцам Гарта. Он был настолько измотан морально, как мог быть измотан физически, если бы только что закончил первый этап альпинистского восхождения.

И у него за спиной действительно остался первый этап, а отнюдь не вершина.

— Бетти, — сказал он, — сегодня ты не можешь оставаться одна на ночь. Конечно, почти исключено, чтобы в «Олень и перчатку» пустили в качестве гостя одинокую женщину, но мы попытаемся их уговорить. побыстрее уложи чемодан.

— Я спросила тебя...

— Бетти, умоляю, побыстрее уложи чемодан.

— Я уже надоела тебе, да? Это неудивительно. Если ты тоже считаешь...

— Бетти, я знаю, что ты не убивала ее. Мне кажется, я знаю, кто это сделал, и я начинаю верить, что знаю также, как это произошло. А на твой вопрос, надоела ли ты мне, ответ будет: «Нет!» Напротив, я люблю тебя, очень люблю. Но давай оставим это до тех пор, пока я, как говорится, не буду в своей тарелке. Поторопись, прошу тебя. Уложи чемодан.

Бетти кивнула.

В этом тусклом свете ее глаза казались огромными.

Несмотря на то, что она уже сняла велосипедные туфли на низком каблуке, когда ранее ходила вместе с Гартом и Эбботом в «Оленя и перчатку», на ней по-прежнему были темная юбка и серая блузка, надетые днем. Она повернулась и побежала по дорожке к дому.

Часы Гарта показывали двадцать минут двенадцатого. Если о доме, в котором имеются только керосиновые лампы, можно сказать, что он сияет, то именно в этот момент домик действительно сиял. Все злые силы попрятались в заливе. Ни один демон или привидение не подкрадывались по пляжу, чтобы задушить кого-нибудь, не оставляя после себя никаких следов. Труп Глайнис Стакли уже унесли.

Однако Твигг, как всегда, вездесущий и, как всегда, бодрствующий...

Гарт отогнал это видение и направился по дорожке к дому.

Несмотря на то, что несколько лет Бетти была женой губернатора Ямайки, она по-прежнему считала, что салоном следует пользоваться лишь в каких-то, главным образом неприятных, случаях и только изредка использовать эту комнату для чего-нибудь другого. Собственный опыт лишь убеждал ее в справедливости такого мнения.

Слева от холла, в фасадной части дома, находилась столовая, отделанная в лучшем стиле 1907 года. Справа был салон, по своим размерам соответствующий гостиной в тыльной части дома, а деревенский вид ему призваны были придавать цветы в глазурованных горшочках, известных как *jardinières*⁵.

Когда Гарт проходил мимо салона, кто-то тихонько свистнул. Под лампой, свисающей с потолка, в комнате стоял Винсент Боствик в визитке и полосатых брюках. В поднятой левой руке он вертел цилиндр, в правой держал прогулочную трость с серебряным набалдашником. Свет лампы подчеркивал прямой пробор на голове Винсента и делал более резкими черты его обветренного лица.

Гарт, который в этот момент был уже готов к любой неожиданности, с порога уставился на него.

— Как ты сюда попал, Винс?

— Пешком, — Винс воспринял этот вопрос буквально. — До Фэрфилда недалеко, а до «Олень и перчатки» еще ближе. Марион и я тоже остановились в «Олене и перчатке», дружище.

— Давно?

— Ни о чем не спрашивай! Об этом ты узнаешь позже. Мы...

— Значит, мы все здесь? Мы все в Фэрфилде?

— Да, — подтвердил Винс, водя кончиком трости по одной из жардиньерок. — Это можно назвать встречей легионеров, или, если воспользоваться терминами геральдики, стаей грифов. — Он снова постучал тростью по подставке цветочного горшка. — Я не хочу встречаться с этими субъектами в синих мундирах. И у меня на то есть свои причины. Все уже ушли?

— Ты имеешь в виду полицию? Надеюсь, ушли. Ты знаешь, что произошло?

— Да. Я встретил на дороге Хэла, которого Каллингфорд Эббот выставил отсюда.

— Какое облегчение слышать, что кто-то встретил его на дороге. Ты видел Бетти?

— Вблизи нет. Однако именно об этом я и хотел тебя спросить. Я подслушал вас, хотя и против своей воли. Дэвид, стоит ли тебе свою... леди Калдер брать с собой в «Олень и перчатку»? Может, ей будет удобнее в «Палас-отеле» или в «Империале»?

— Нет. Ей сможет составить компанию только Марион. Однако если Марион все еще сыта мною по горло...

— Я догадываюсь, что ты имеешь в виду, — сказал Винс, глядя Гарту в глаза. — Это было недоразумение. Ты просто неправильно понял.

— Теперь мне все это говорят, — в отчаянии сказал Гарт. — Вероятно, это правда. Винс, ты можешь для меня кое-что сделать? Вернись в гостиницу «Олень и перчатка» и скажи Фреду Истербуку (это тот толстяк в переднике официанта, которому принадлежит гостиница), что приблизительно через полчаса я приведу туда леди Калдер. А тем временем...

— Да, дружище?

— Один полицейский по фамилии Твигг, по-моему, только что сделал открытие, которое его изумило. Он думает, что догадался, чем я занимаюсь. А я должен выяснить, что он думает, не то он снова загонит меня в тупик.

— Вижу, что все это не только сплошное блаженство, не так ли?

— Что, все?

---

⁵ Жардиньерки (фр.).

— Так потерять голову, сердце и вообще. — Винс замолчал, и на висках у него запульсировали вены. — Ну, хорошо, — добавил он уже с бесстрастным выражением лица, — я поговорю с этим мистером Как Его Там Зовут. До встречи завтра утром.

Он надел цилиндр и направился мимо Гарта к входной двери.

Твигг! Мой золотой Твигг!

Гарт вернулся в гостиную, где кресла и диваны, обтянутые ситцем в розочках, были в таком же порядке, как и душевное состояние присутствующих. В окно он видел, что фонари в павильончике уже погасли. Осталось лишь темное море, искрящееся в свете восходящей луны.

Стоя в дверях, он посмотрел на полки с книгами и на целомудренную наготу на картинах мистера Максфилда Парриша. Увлечение Бетти этими картинами выражает не склонность к сладострастию, а скорее радость — как у многих других женщин — от экзотических снов и сказок. Правда, это новое венское учение даже на любовь к загадкам смотрит с подозрением, впрочем, оно, черт возьми, с подозрением смотрит на многие вещи.

Внезапно он осознал, что глядит на фотоснимок в рамке, висящий на стене над этим множеством фотографий на каминной полке. Это был снимок «приема с купанием», сделанный в 1897 году; снимок, который оставили здесь прежние владельцы. На нем были изображены две весельные лодки, полные празднично одетых людей, которые приняли такие позы перед фотографом, что казались чучелами.

Он вспомнил, как недавно спросил Бетти:

— Почему ты оставила здесь эту глупую сцену? Ты ведь не знаешь никого из этих людей. Этот снимок не может вызывать у тебя какие-либо приятные эмоции.

— Нет, конечно же нет, — ответила Бетти. — Сама не знаю, зачем я ее здесь оставила, наверное, потому, что она такая смешная. Но если ты хочешь, я сниму ее.

Теперь он был рад, что она не сняла эту фотографию.

Днем, когда он стоял над мертвой женщиной, у него неясно промелькнула ужасная мысль о том, что могло произойти в павильончике. Это был всего лишь проблеск. Всего лишь странное предчувствие. Но оно исчезло так же неожиданно, как и появилось, в тот момент, когда он разбил чашку.

Та же неясная мысль, разбуженная выцветшей фотографией и воспоминанием о полотняной ширме, установленной перпендикулярно к стене между двумя соседними дверями, теперь, после одиннадцати часов вечера, снова промелькнула у него в голове в гостиной Бетти.

Он тут же отогнал прочь эту мысль. У инспектора Твигга в этой комнате тоже промелькнула какая-то мысль. Гарт подошел к полкам с книгами слева от камина. Он протянул руку к одной из полок точно так же, как это сделал Твигг, и в этот момент открылась и энергично закрылась дверь в холл.

— Можно войти? — спросил голос Каллингфорда Эббота и после паузы добавил: — Извини, если я напугал тебя. Я этого не хотел.

— Ничего. Входи.

У Гарта были так натянуты нервы, что он обрадовался появлению Эббота. Эббот был искренним человеком и вызывал ответную искренность. Гарт никогда не ощущал этого так сильно, как сегодня вечером. Цилиндр Эббота смешно сбился набок, что означало: он испытывает определенную растерянность. Его монокль болтался на шнурке, прикрепленном к белому жилету. Эббот схватил это стеклышко, поместил его, сделав соответствующую гримасу, в надлежащее место и насупился.

— Послушай! Я полицейский и горжусь этим. Я вовсе не жду, что ты мне поверишь, но все же скажу тебе: Твигг не знает, что я здесь. Я вернулся в том же самом экипаже.

— Твигг... — начал Гарт, близкий к состоянию исступления.

— Твигг — честный малый. Ты, возможно, придерживаешься другого мнения, но это так. Правда, иногда он умеет быть таким же высокомерным и нетерпимым, как ты.

— Сегодня уже второй раз меня упрекают в том, что я высокомерен. Высокомерен! Ты можешь мне сказать, почему так думаешь?

— Мой милый друг! Конечно, могу. Ты умеешь понимать и переносить почти любого, почти у всех ты умеешь вызывать симпатию. Однако когда изредка ты встречаешь человека, которого не можешь выносить, так как совершенно не понимаешь его, то сразу приходишь в ярость. Как в

случае с Твигом. Или с твоим племянником. Не скажу, что я тоже смог бы быть терпимым по отношению к молодому мистеру Хэлу, нет. Однако...

Эббот, небольшого роста, но крепкий, так что даже казался выше ростом, снова принялся расхаживать возле камина.

— Этот случай околдовывает меня чем дальше, тем больше. Послушай, леди Калдер не имеет никакого отношения к этому убийству, ведь так?

— Нет, не имеет. Если ты теперь наконец-то убежден в этом...

— Ну, лично я убежден в этом.

— Надеюсь, не ради ее красивых глаз? Как ты сам выразился. Не потому, что она произвела на тебя впечатление, как раньше на тебя произвела впечатление Марион Боствик?

— Какого черта, — взорвался Эббот, застигнутый врасплох точно так же, как минуту назад он застиг врасплох Гарта, — ты все время упоминаешь о Марион Боствик?

— А разве это не правда? Разве она не произвела на тебя сказочного впечатления?

— Честно говоря, да. И мне льстит, — с достоинством сказал Эббот, — что я произвел на нее такое же впечатление. — Он пригладил усы. — Впрочем, это к делу не относится. Мы должны доказать невиновность леди Калдер. Так?

— Да.

— Из Твига я не могу вытянуть ни слова. Если бы я сказал ему, что он пытается вести себя, как Шерлок Холмс (что он и делает), а вовсе не как Лестрейд или Грегсон (чего он делать не умеет), он бы разъярился и заявил, что у него нет времени на пустую болтовню. Однако вместе с тем он стоял вон там и протягивал руку к какой-то книге.

— Верно. Он протягивал руку к этой книге.

С края второй полки Гарт вытащил книгу в мягкой обложке, изданную в этом году в шестипенсовой серии издательством «Дейли-Мейл». Он протянул книгу Эбботу.

— «Тайна желтой комнаты», — прочел вслух Эббот, — автор — Гастон Леру. Она именно об этом?

— В ней речь идет о загадочном убийстве, одном из самых ужасных убийств. Вначале там происходит нечто очень похожее на убийство в павильончике...

Эббот вскинул седую голову.

— Нет-нет! — поправился Гарт. — Этот павильончик находится во французском замке, он не имеет ничего общего с нашим сарайчиком. Однако выясняется, что все двери и окна заперты изнутри. Позднее, в самом напряженном эпизоде этого романа, убийца исчезает на глазах у четырех свидетелей.

— Гм, — произнес Эббот.

— А если ты помотришь на эту полку, — Гарт показал пальцем, — то чуть дальше увидишь еще одну книгу. На сей раз в твердом переплете. Она тоже вышла в этом году: «Думающая машина». Автор — Джекьюс Футрелл.

— Опять француз?

— Нет. Джекьюс Футрелл американец. В этой книге собраны его рассказы. И в этих лучших рассказах речь идет о происшествиях либо невозможных, либо на первый взгляд сверхъестественных, которые в конце объясняются вполне естественным образом.

— Гм, — вторично произнес Эббот.

Он нагнулся и буквально задрожал от нетерпения, пробегая взглядом по ряду книг.

— Я люблю такую литературу, — сказал он, — но леди Калдер, очевидно, испытывает к ней особое пристрастие.

— Не делай поспешных выводов! Эти полки полны историй о тайнах, крови и подобных вещах, потому что их подарил ей я. Можно даже сказать, что я навязал ей эти книги.

— Однако непохоже, дружище, что они ей не нравятся. Взгляни! Вот эти несколько романов, четыре или пять, в красных переплетах, которые написал некто Фантом. У них такой вид, словно их перечитывали несколько раз, и они превратились почти в тряпку. А почему, собственно, они не могут нравиться этой даме? Я тоже прочел несколько романов этого Фантома. Конечно, это чушь, но чушь первоклассная.

Гарт выпрямился. У него было такое чувство, словно над ним смеются все могущественные боги.

— Огромное спасибо, — сухо сказал он. — Этот Фантом — я. Я написал эти книги в красных переплетах. Это тайна моей двойной жизни, тайна, которую, как я думал, вы двое, ты и Твигг, разгадали. Именно об этом я и подумал вчера, когда у вокзала Чаринг-Кросс ко мне подошел Твигг. — Он несколько секунд помолчал. — Ну, смейся, пока не лопнешь.

Он собрал все свои силы, когда Эббот тоже выпрямился.

За моноклем Эббота действительно появился какой-то ледяной блеск и искорки веселья, которые могли разлететься по всему лицу. Однако от Эббота, очевидно, не ускользнули горечь и напускной беззаботный тон его собеседника.

— Черт возьми, дружище, но ведь тебе нечего стыдиться!

— Нечего?

— Нет, решительно нечего! Почему ты не писал это под своим собственным именем?

— Я думаю, что Британское медицинское общество не дало бы на это согласия. Я даже сомневаюсь, что оно дало бы мне на это согласие, если бы случайно узнало об этом сейчас.

— Ишь ты! Ведь есть и другие врачи, которые...

— Есть. Но они оставили медицину, когда занялись литературным трудом. Они могут полностью посвятить себя книгам. Но главное состоит в том, что при этом не получается так, чтобы одни лечили людей от нервных болезней, а другие, под псевдонимом Фантом, пугали людей.

— Гм. Это верно. Я, кажется, уже понимаю. — Эббот стиснул зубы. — Кто об этом знает?

— Я надеялся, что никто. Я действовал при посредничестве деликатного литературного агента. Но вчера вечером я готов был поклясться, что Твигг знает или догадывается об этом.

— Почему ты так решил?

Гарт махнул рукой.

— На свою беду, вчера днем, когда я уезжал поездом в Лондон, я забыл здесь в доме портфель. Этот портфель был заперт на замок, в нем было всего лишь несколько отпечатанных на машинке страниц нового романа об убийстве, совершенном на вершине абсолютно неприступной башни.

— Ну и?..

— Ну, этот портфель весьма импозантен. Бетти решила, что там какие-то медицинские записи, и привезла его мне в Лондон. Там портфель попался на глаза Твиггу. Он выглядел очень зловеще, когда я отказался открыть портфель. И все это время я мысленно спрашиваю себя: знает ли он об этом?

— А леди Калдер знает об этом?

— Нет, к счастью, нет.

— Гм. Эти книги так истрепаны, словно...

— Нет, говорю тебе, нет. Одно из самых сильных желаний мужчины — это страсть к хвастовству перед женщиной, которую он любит. Мне удалось удержаться от этого хвастовства. Но только потому, — скромно добавил Гарт, — только потому, что мне нечем было хвастать.

— Черт возьми, парень! Если ты испытываешь такие угрызения совести, зачем продолжаешь писать? Насколько я знаю, тебе не нужны...

— Нет, деньги мне не нужны. Я занимаюсь этим по той же причине, по которой ты работаешь в полиции, хотя у тебя нет нужды ни в какой доходной службе. Просто мне это доставляет удовольствие. И я могу лишь надеяться, что читателям это тоже доставляет удовольствие, хотя бы на десятую часть от того удовольствия, которое получаю я.

— Ты хочешь сказать, что получаешь удовольствие оттого, что пугаешь их?

— О боже, да нет же! Это всего лишь предлог для истории. Конечно же, на Пикадилли-Серкус мы не сталкиваемся с привидениями. Это просто упражнение для смекалки, то, как ты ставишь западню и западню против западни, та игра, в которую ты в каждой главе играешь с сообразительным читателем.

— Значит, сегодня вечером именно поэтому ты сам не свой? — очень учтиво поинтересовался Эббот.

— Будет лучше, если мы забудем об этом. Хорошо? Вообще не смешно, когда вымышленная ситуация внезапно превращается в реальность. Я мог прекратить все это с самого начала, когда выслушал историю Марион Боствик об исчезнувшей женщине и пугающей двери. Правда, тогда я не понимал того, что сейчас понимаю совершенно ясно. Однако мне следовало это понять.

— Пожалуйста, ответь мне, — сказал Эббот, взмахнув «Тайной желтой комнаты», которую держал в руке, — почему у нас с тобой постоянно в центре внимания такая привлекательная женщина, как миссис Боствик?

— Потому что, по крайней мере, в одном отношении Марион является центром всего этого дела. Она является центром всего.

Эббот бросил книгу на одно из кресел. Гарт на несколько секунд перестал уделять ему внимание, подошел к ближнему окну и посмотрел наружу, на павильончик и по-прежнему сияющую луну. Потом он обернулся.

— Эббот, неужели ты забыл, зачем в первую очередь приехал в Фэрфилд?

— Нет, но...

— Прошло не так много времени с тех пор, как ты в этой комнате проявлял большое беспокойство относительно миссис Бланш Монтэг. «Что знает эта женщина? Что она такого сказала Глайнис Стакли, если, конечно, это была Глайнис Стакли, что эта Стакли так разъярилась?»

— Гарт прикусил нижнюю губу. — Если я все излагаю верно, то Марион тоже это знает. Она знает это лучше, чем кто-либо другой. И к счастью, она здесь.

— Здесь?

— Марион Боствик находится в «Олене и перчатке», куда я хочу на сегодняшнюю ночь отвести Бетти. Независимо от того, доставляет ли мне радость эта перспектива или нет, но я должен поговорить с Марион по душам. А в том случае, если Твигг готовит еще какую-нибудь неприятную неожиданность, этот разговор нельзя откладывать надолго.

Эббот вздохнул.

— Делай, как знаешь, дружище. Однако вместе с тем...

— Да?

— По-моему, я как-то в Лондоне читал одну книгу Фантома, которая называлась «Орудия темноты». И еще одну: «Чьей рукой?». Будь осторожен, чтобы твое увлечение не превратилось в реальность! Я ведь говорил тебе, что Глайнис Стакли (мы тогда думали, что речь идет о ее сестре) вступила в одну сатанинскую группу в Париже. Помнишь?

Порывы ветра утихли. Кружевные занавески и лампа с желтым абажуром были сейчас так же неподвижны, как книги на полках.

— Эббот, ты, надеюсь, не относишься к этому серьезно?

— Тебе кажется, что нет?

— Ты увлекаешься оккультизмом, но ведь не ожидаешь встретить каких-нибудь духов. Ты ведь не веришь, что эта женщина была убита сверхъестественным способом?

— Я избавлю тебя, — невозмутимо начал Эббот, — от затрепанной цитаты, начинающейся словами: «Есть многое, мой друг...», а отошлю к книге, — и он показал на книжную полку, — уровень которой намного выше твоих романов. Ее действие происходит в поместье под названием Баскервиль-Холл. И моя цитата будет звучать следующим образом: «Представитель дьявола может быть из мяса и крови, разве не так?»

В холле раздались быстрые шаги. Бетти Калдер энергично распахнула дверь. На ней были коричневая твидовая юбка и куртка, такие же простые, как и повседневный наряд, в котором она была днем, а также шляпка, украшенная белой лентой. Она не заметила, что в комнате присутствует Эббот, и прямо с порога начала говорить:

— Милый, я уже уложила чемодан. И погасила свет. Везде, даже в той комнате. Везде уже темно... Ой! Простите, я вас не заметила.

Она испуганно попятилась. Эббот запоздало снял с головы цилиндр и невероятно церемонно поклонился.

— Нет-нет, леди Калдер! Это я прошу у вас прощения.

— Разве вернулась полиция? Уже сегодня? Извините, но я больше не вынесу...

— Пожалуйста, успокойтесь, мадам. Мой визит совершенно неофициален. Я уже сказал доктору Гарту, что приехал в экипаже с равенспортского вокзала. Я намерен переночевать в «Палас-отеле» в Фэрфилде. Надеюсь, вы позволите мне отвезти вас в гостиницу «Олень и перчатка»?

— С вашей стороны это очень любезно, мистер Эббот. Однако я не уверена, что...

— Это действительно очень любезно с твоей стороны, Эббот, — быстро сказал Гарт. — Мы с радостью принимаем твое предложение.

Он видел, что силы Бетти на исходе. Когда Эббот сделал это предложение, ее карие глаза, как обычно, спросили Гарта, должна ли она согласиться или ей следует отказаться. Хотя она явно почувствовала облегчение, когда он заговорил, по ее глазам было видно, что она внезапно подумала о чем-то другом, и в этих глазах снова появилась почти паника.

— Да, конечно, — прошептала Бетти. — Заднюю дверь я уже заперла. Остается еще вот это.

Застегивая перчатку, Бетти повернулась к двери. Слева от крючка возле двери тянулся сквозь скобы вдоль дверного косяка до блока в центре потолка шнур, которого почти не было видно на фоне золотисто-белых обоев и белого потолка. При помощи этого шнура можно было опускать или поднимать лампу, когда ее должны были зажечь или задуть. Гарт сделал шаг вперед, чтобы помочь Бетти, однако голос Эббота заставил его остаться на месте.

— Гарт, ты сможешь мне в этом деле?

— В каком деле?

— Ну, относительно свидетельницы. — Эббот явно был в нерешительности, он не знал, стоит ли произносить имя Марион Боствик. — Той дамы, о которой мы говорили. Если она утаивает какую-то информацию, а тебе эта информация уже известна, почему ты сразу не сообщаем ее мне?

— Поверь мне, имеются причины, по которым я не могу сообщить ее тебе. Эти причины медицинского характера, хотя ты, наверное, этому не веришь.

— Черт побери, с чего ты взял, что я тебе не верю? Я всегда верил тебе. Вспомни, как я остановил Твигга...

— Я знаю. Извини.

— У меня просто такое предчувствие, что я должен присутствовать, когда ты будешь ее расспрашивать. Кроме того, в это дело, оказывается, замешан молодой Филдинг.

— Майкл? Ручаюсь тебе, Эббот, что Майкл не играл никакой заметной роли в этом деле, а если и играл какую-то роль, то совершенно неосознанно.

— Ага! Значит, ты допускаешь, что какую-то роль во всем этом деле он все же играл?

— Не знаю. Не могу сказать. — У Гарта опять начала болеть голова. — Завтра, если хочешь, я отправлю телеграмму Майклу и попрошу его приехать сюда. Нет! Завтра воскресенье, и я не смогу отправить телеграмму.

— Думаю, сможешь, если поедешь на главный почтамт в Равенспорт. Что ты на это скажешь? В этот момент Бетти едва не вскрикнула.

Она опускала лампу. Гарт, который всегда старался смотреть одновременно в нескольких направлениях, еще раньше заметил, что взгляд Бетти направлен на кресло, где лежит книга «Тайна желтой комнаты». Но сейчас ее взгляд оторвался от этого кресла и устремился вверх.

Белый шнур от лампы скользил по потолку. То, что в глазах Бетти блеснула догадка, Гарт определил тогда, когда эта догадка зародилась и у него в мозгу. Похожие шнуры были здесь почти в каждой комнате. А так как этот шнур висел весь вечер прямо над головой, Гарту раньше ни разу не пришло в голову, что в горло мертвой Глайнис Стакли врезался короткий отрезок именно такого шнура.

— Позволь, я помогу тебе, — сказал он и встал рядом с Бетти.

Опасности, что лампа, которая висела на шнуре, перекинутом через блок, упадет на пол и разлетится на мелкие осколки, не было; этому препятствовал узел на шнуре, который задержала бы одна из скоб. Тем не менее Гарт видел, как у Бетти дрожит рука, а с ее лица исчезают все краски.

— Эббот, этот экипаж стоит возле дома?

— Естественно! — довольно нетерпеливо ответил Эббот.

— Будь так любезен, проводи к нему леди Калдер. Я должен погасить лампу. Мы ведь не можем спотыкаться здесь в темноте.

— Как тебе угодно. Но ты слышал, что я сказал? Есть ли настоятельная необходимость допрашивать эту даму уже сегодня ночью? Нельзя ли подождать?

— Да, вероятно, это может подождать. Винс и Марион наверняка уже спят. Да и я устал. Я не чувствовал себя настолько уставшим даже после преторийской кампании во время южноафриканской войны, по крайней мере я такого не помню.

Гарт был готов сказать все, что угодно, лишь бы только заставить замолчать Эббота. Ему отчаянно хотелось поговорить с Бетти с глазу на глаз. Но в данных обстоятельствах это было невозможно. А о том, что ждет ее под другой крышей, он не имел понятия.

Лампа была погашена, домик остался далеко позади. Стук и дребезжание экипажа разносились по залитым лунным светом окрестностям и, наверное, долетали до «Оленя и перчатки». Поселиться там было довольно трудно, тем более в июне. Гарт заказал для себя номер, состоящий из спальни и гостиной, в северном крыле прямоугольного дома, черные балки и белая штукатурка которого помнили конец пятнадцатого века. Винс и Марион уже удалились в такой же номер в другом крыле. Номер Бетти во флигеле был, правда, не так просторен, но намного комфортабельнее.

Каллингфорд Эббот по-прежнему был с ними.

Бетти, теперь уже настолько хладнокровная и уравновешенная, что производила впечатление совсем другой женщины, в конце концов разговорилась. Доставив Гарта и Бетти в гостиницу, Эббот велел вознице отвезти его в «Палас-отель». А перед нашей парой появился расторопный мистер Фред Истербрук и, словно воплощение вежливости и уважения, начал обхаживать Бетти.

«Я из Фэрфилда, соблаговолите понять, — как бы говорили глаза владельца гостиницы. — У меня в баре ни один человек из низших слоев не смеет выпить так, чтобы буйнить. Если одинокой даме и одинокому джентльмену срочно требуются номера — пожалуйста, в этом нет ничего плохого, я считаю, что это в порядке вещей. Лишь бы...»

Все это ясно читалось в его красноречивом взгляде, когда он встретил их в гостиничном холле с черными потолочными балками и нагревателями на стенах.

— Больше вам ничего не нужно, сэр?

— Нет, ничего, спасибо.

— В таком случае соблаговолите взять свечу, она уже зажжена. Не желаете ли шотландского виски с водой, сэр? Мистер Боствик заказал для себя.

— Не сейчас, спасибо. Это все.

— Меня это вовсе не затрудняет, сэр. После полуночи моя жена и дочь уже спят, но я всегда на ногах. Так, может, желаете шотландского виски с водой?

— Мистер Истербрук...

— В таком случае вот зажженная свеча для спальни леди Калдер. Если позволите, милостивая госпожа, и вы, сэр, я лично провожу вас в ваш номер. Сюда, милостивая госпожа.

Железные законы традиций невозможно было обойти, даже если дело касалось расставания на ночь. Гарт поклонился. Он смотрел, как они поднимаются на лестничную площадку у входа и затем идут по галерее во флигель.

Потом он тоже поднялся по старой лестнице, дубовые ступеньки которой были уже порядочно стертые. Повернул налево в северное крыло и пошел по коридору, в конце которого было окно с зеленым, словно бутылочным, стеклом. Открыл дверь своего номера и обнаружил, что там в темноте кто-то его ждет.

Он почувствовал, что там кто-то есть, еще до того как вошел внутрь. Закрыв за собой дверь. Поднял в руке металлический подсвечник с горящей свечой и подошел к креслу, стоящему в простенке между окнами. Марион Боствик, в красивом халате со сборками и в домашних туфлях, неподвижно сидела в кресле и, высоко вскинув голову, смотрела на него.

Глава 11

Если бы Марион не смеялась...

Гарт не испытывал совершенно никакого желания говорить ей то, что должен был сказать. Однако случайность, как это описывается в учебниках, все меняет. Никакие физические и душевные заболевания чужого пациента не должны выводить врача из состояния равновесия, в противном случае его заключение будет ошибочным. Врач не имеет права заниматься тем, что слишком тесно соприкасается с его собственной жизнью.

В этот момент раздался ужасный смех; он был бессердечен, в нем ощущалась жестокость. Марион сидела выпрямившись, ее блестящие волосы были собраны в искусную прическу. Вся комната была пропитана ею.

Она сидела в кресле со спинкой из горизонтальных планок, стоящем у белой оштукатуренной стены между двумя зарешеченными окнами. В ее глазах отражалось пламя свечи. Внезапно она закинула руки за голову локтями вперед, пальцами сжала столбики спинки, с кошачьей грацией откинулась на спинку кресла и скрестила ноги.

— Ну, в чем дело, Дэвид? Почему вы не говорите мне, что я не должна повышать голос? Почему вы не говорите мне, что я должна только шептать? Почему вы не говорите мне, что вокруг полно людей, которые просто дрожат от желания вызвать скандал?

— А вы не думаете, что все это была бы правда?

Казалось, Марион представила себе подобную картину с таким жадным нетерпением, что могла выразить это лишь проклятием или молитвой.

— Не бойтесь. Нас никто не услышит. Здесь довольно толстые стены. И никто не видел, как я сюда проскользнула. А может быть, вы имеете в виду Винса?

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

— Винс спит. Я добавила ему в виски бром. — Дерзкая и вместе с тем вкрадчивая, агрессивная и одновременно располагающая к себе неуверенной нежностью, Марион понизила голос. Однако, казалось, она по-прежнему кричит, что все это сплошная несправедливость. — Не будьте глупцом, Дэвид. Я хочу быть ласковой с вами. А вы не хотите облегчить мне эту задачу. Разве не так? Иногда я готова убить кое-кого из моих знакомых мужчин!

— А пока что вы попытались убить женщину, — сказал Гарт.

Марион опустила руки и снова выпрямилась.

В углу комнаты низким голосом скорее шелестели, чем тикали, высокие напольные часы. Гарт вернулся к двери. На двери стояла новая защелка, но засов был деревянным. Гарт остановился и посмотрел на него.

Гарт запер дверь, он закрыл себя и Марион в номере.

Почти в центре комнаты стоял большой круглый стол, а возле него еще одно кресло со спинкой из горизонтальных дощечек. На этот стол Гарт поставил свечу, а сам уселся напротив Марион. Теперь свет свечи лишь слабо падал на ее лицо, но Гарту необязательно было видеть его. Раздутые ноздри и широко раскрытые глаза Марион гротескно контрастировали с соблазнительным запахом ее духов.

— Полагаю, — сказал Гарт, — Винс сообщил вам о том, что случилось здесь сегодня днем?

— Об этом убийстве? Господи, вам это, должно быть, очень неприятно!

— Да, это неприятно. Глайнис Стакли была убита в... — он замаялся, — в павильончике на пляже за домиком Бетти. Все свидетельствует о том, что ее задушила либо Бетти, либо я.

— Это особенно неприятно.

— Еще бы! Но для кого? Сомневаюсь, что даже инспектор Твигг, полицейский, который не может спокойно слышать обо мне, верит, что эту женщину убил я. Он подозревает Бетти. А Бетти невиновна.

— Почему вы думаете, что она невиновна?

— Потому что я знаю это. Чего бы я стоил в своей профессии, совершенно ничего, если бы не разбирался во внутреннем мире людей. Или, если хотите, в человеческой душе!

Лунный свет посеребрил зарешеченное окно. В тишине лишь был слышен звук часов, такой же безразличный и неторопливый, как и само время.

— Твигг — человек простой, Марион. Однако Каллингфорд Эббот — совсем другой. Вряд ли он обладает большей сообразительностью или у него больше воображения, чем у Твигга, но у него намного больше опыта в обращении с людьми, которых Твигг не переносит. Он сразу же подумал о том, что нужно допросить миссис Монтэг. И он сделает это как можно скорее. И, вероятно,

узнает от нее правду. А после разговора, который состоялся у меня с ним сегодня вечером, он непременно захочет допросить вас.

— Так, значит, вы ему сказали, — прошептала Марион. — Все эти гадости, которые вы думаете обо мне, — ведь этот венский доктор утверждает, не правда ли, что самые тайные наши страсти объясняются различными формами сексуальных представлений.

— Пусть утверждает все, что угодно, но я убежден, что в вашем случае это справедливо. Если говорить о вас, это наверняка объясняется определенной формой сексуальных представлений.

— Вы негодяй! — прошептала Марион, с трудом переводя дыхание. Она вскочила из кресла. — О Боже, как может быть, чтобы существовал такой негодяй, как этот тип, которого я считала своим другом и другом Винса?

— Сядьте, Марион, — сухо сказал Гарт. — Вы просто перепуганы. Я ничего ему не сказал.

— Неужели?

— Я ничего ему не сказал! Я обещал, что буду вас защищать, и выполню это обещание. Но сейчас я должен думать о других людях.

— Вы сумасшедший! Вы просто глупец! Вы, наверное, вбили себе в голову, что это отвратительное создание в домике вашей возлюбленной сегодня днем убила я?

— Нет, что вы!

— Почему же, в таком случае...

— Я не говорю, что вы ее убили, хотя вы могли это сделать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Я имел в виду другой инцидент, инцидент, который связан с этим убийством; который, вероятно, в конце концов и привел к этому убийству, однако который был независимым поступком и служил для того, чтобы запутать следы. Я говорю о попытке задушить миссис Монтэг в пятницу вечером. Марион, скажите, та женщина, которую она назвала шлюхой, были вы, не так ли?

Высокие часы продолжали свое «тик-так».

— Эта часть вашего рассказа звучала правдиво. Как она вас срочно вызвала, отослав всех слуг, и как эта пожилая женщина выкрикивала в полутемном доме: «Шлюха, шлюха, шлюха!». Это звучало правдиво. Однако что могло так разъярить Глайнис Стакли? В конце концов разве она когда-нибудь притворялась, что представляет собой нечто другое? Нет. Однако это приводит в ярость вас, потому что вам кое о чем напоминает.

Марион Боствик, гибкая, в красивом белом халате со сборками, побежала к двери. Старые половицы заскрипели и затрещали. Пламя свечи заколебалось. Однако Марион не убежала далеко; возможно, она и не собиралась далеко убежать. Она остановилась и легким быстрым шагом вернулась к Гарту.

Гарт не пошевелился. Он сидел, облокотившись на стол, и правой рукой прикрывал глаза от слабого света свечи.

— Извините, Марион.

— В чем же вы меня обвиняете? В чем?

— Вы серьезно хотите, чтобы я вам это сказал? Все?

— Да!

— Бедняга Винс никогда в жизни не встречался с Глайнис Стакли. Однако вы встречались с ней. Ее жертвой был не он, а вы. Из этого должны исходить все наши рассуждения. Надеюсь, вы понимаете, к каким дальнейшим выводам это приведет?

— Нет, не понимаю.

— Так дело не пойдет. В таком случае, не станем продолжать. Вернемся к тому, что вчера вечером в действительности произошло в Хэмпстеде.

Он опустил руку и посмотрел на Марион.

— Когда миссис Монтэг вышла из себя и начала выкрикивать обвинения, вы тоже потеряли над собой контроль. Я знаю, что вы не хотели убивать ее. Однако едва не зашли слишком далеко. А потом вам пришлось как-то объяснить все это.

Глайнис Стакли вообще не была в доме. Но в тот вечер вы где-то видели ее и поэтому смогли описать, как она была одета. Об этом я могу только догадываться, но что касается остального, то, к сожалению, это уже не только догадки.

Вы не обладаете слишком большим воображением, Марион. Тем не менее вы сообразительны и отличаетесь коварством. Вы всегда полагаете, что смелости вам не занимать. В

данном случае вы сумели оценить возможные для себя выгоды и потом неуклонно придерживались выдвинутой версии. Если бы вы обвинили Глайнис Стакли в нападении на миссис Монтэг, разве она смогла бы опровергнуть это? Разве кто-нибудь поверил бы этой шантажистке, обвини она вас во лжи? Наверняка бы на вашу защиту, хотя бы из страха перед скандалом, встала и миссис Монтэг, и, если бы вы предоставили ей достаточно времени на размышления, она подтвердила бы ваш рассказ.

Вы были уверены, что она поступит именно так. Собственно, так вы и сказали. Это чувствовалось в каждом слове, произнесенном вами в моем присутствии вчера вечером в Хэмпстеде, Вам поверила даже родная сестра Глайнис. Вы помнили о том, что дверь подвала нужно открыть изнутри. Если бы вы не забыли о двух задвижках и открыли бы их тоже, я сам поверил бы вам. Но если бы это было все, в чем можно было вас обвинить...

— Все? — перебила его Марион. — Все? Вы произносите это слово просто так или действительно утверждаете, что это не все?

— Вы, конечно, прекрасно знаете, Марион, что это не все.

Ее быстрое тихое дыхание звучало в полутемной комнате почти пугающе. Короткие вздохи напоминали тихое непрерывное тиканье часов.

Гарт вскочил из кресла, теперь он был так же бледен, как и она.

— Прошу вас, мадам, не говорите, что я читаю вам нотацию. Вы не «злая», такие слова мы оставим тем, кто никогда не разбирался в людях. В вас есть лишь жестокость капризного ребенка, пинающего всех вокруг, чтобы получить то, что он хочет, а когда это ему не удается, он зовет на помощь весь мир взрослых. А если это не поможет, вы, не задумываясь, воспользуетесь каким-нибудь оружием, оказавшимся у вас под рукой, — возможно, свалите все на кого-нибудь другого. Именно этим оружием вы пытались и до сих пор пытаетесь воспользоваться в данном случае.

— Как вы смеете!..

— Прекратите этот театр, Марион. Я говорю вам правду.

— Тетя Бланш...

— Вот именно. Мы не должны забывать о ней. Не должны забывать о том, что она вам сказала. Как и все дети, вы, Марион, тоже, когда хотите, способны видеть все в неискаженном свете. Если бы миссис Монтэг назвала вас шлюхой и больше ничего не сказала, вряд ли это напугало бы вас до такой степени, чтобы вы набросились на нее. Она сказала вам кое-что другое. Что именно?

Марион прошептала совершенно другим тоном:

— Кто-то подслушивает под дверью.

Стало тихо, как после пощечины. Окна были закрыты. Пламя свечи в полном безветрии не колебалось совсем. Под черными балками было почти невозможно передвигаться бесшумно — из-за выщербин в старом полу. Гарт подошел к двери, высвободил защелку и осторожно отодвинул засов.

В комнату проник лишь лунный свет, проходящий через зеленое стекло окна в конце коридора.

Это окно, когда Гарт выглянул наружу, находилось слева от него, за дверью номера. Справа от Гарта было шесть или семь метров коридора, заканчивающегося верхней площадкой крутой лестницы, ведущей вниз, в холл гостиницы. Запах старого дерева и камня, вычищенных решеток и средств для чистки латуни в коридоре напоминал о давно прошедших временах. Откуда-то издалека, через какое-то другое, открытое окно сюда доносился многоголосый шум деревьев.

К двери действительно кто-то мог подкрасться, если, конечно, это не было очередной выдумкой коварной Марион. Однако вновь закрыв дверь и обернувшись, Гарт обнаружил, что Марион прекратила притворяться. Она с подавленным видом сидела в кресле, согнувшись и упираясь одним плечом в спинку из прутьев. Ее судорожный страх еще более усугубился тем, что все это она считала несправедливым.

— Дэвид, что мне делать? Помогите мне! Не стойте там, как истукан. Помогите мне! О боже, что мне делать?

— Не знаю.

— Кто это был там снаружи? Это был?..

— Никто! Там никого не было. Но если вы не понизите голос, то наверняка переполошите весь дом. — Гарт ждал, ему то становилось жарко, то он чувствовал озноб. — Вы хотя бы понимаете, что едва не совершили убийство, Марион? Что едва не убили женщину, которая всегда была к вам так добра?

— Ах! К чему все эти слова? Разве непонятно, что я вынуждена была это сделать?

Гарт внимательно поглядел на нее.

— Что вы так смотрите? Считаете, что я не должна была так поступать? Возможно, и не должна была, но что мне оставалось делать? Вы сказали, что не хотите читать мне нотации.

— Я не буду читать вам нотации. Вы, очевидно, думаете, что до вас никто никогда не лгал. — Он взял себя в руки. — Нет, нет, если учесть ваши взгляды на жизнь, вы действительно не могли поступить иначе. Речь идет о том...

На большом круглом столе стояла деревянная шкатулка, наполовину заполненная сигаретами марки «Салливан». Гарт оставил ее здесь в пятницу, забыв переложить сигареты в портсигар. Он взял из шкатулки сигарету, поднял свечу, чтобы прикурить, и с ужасом почувствовал, что у него дрожит рука. Ему удалось прекратить это, приложив значительные усилия. Марион искоса смотрела на него затуманенными от слез глазами, так, словно то, что он закурил сигарету, было наихудшим предательством по отношению к ней.

— Постарайтесь собраться, — сказал он. — Как получилось, что вы смогли описать наряд Глайнис Стакли в пятницу вечером?

— Какое это имеет значение?

— Ответьте мне.

— Я видела ее. Она была там.

— Где?

— Она сидела в кэбе на боковой улочке за домом дяди Сэла. Я видела ее, когда шла туда пешком, но сделала вид, что не заметила. Она выжидала.

— Что вы имеете в виду?

— Думаю, что тетя Бланш попросила ее прийти в то же время, на которое она позвала меня. Однако эта ужасная женщина, очевидно, догадалась, что визит для нее опасен; она обостренно чувствовала опасность, боялась, что ее могут поймать с поличным. Поэтому она выжидала. Однако я знала, что ей никогда не удастся доказать, что она не была в доме, покажи я под присягой, что она там была. Кэбмену тоже не поверили бы. Возможно, мне не удалось бы отправить ее на виселицу, но я, по крайней мере, могла бы засадить ее в тюрьму до конца ее дней.

— Марион, побойтесь Бога, что вы говорите!

— Но ведь вы хотите, чтобы я сказала вам правду, разве не так? Чего вы, собственно, хотите?

— Значит, вы видели Глайнис или встречались с ней раньше?

— Конечно! Вам ведь это известно!

— Когда вы впервые увидели ее?

— Когда я была в Париже с... Когда я была в Париже.

— Она шантажировала вас?

— У нее не было возможности. Но она хотела шантажировать меня.

— Почему? Что она знала о вас? Это было...

И тут, на самом пороге победы, Гарт заколебался. Из глаз Марион потекли слезы.

У него были веские причины для колебаний, и эти причины не имели ничего общего с чуткостью или деликатностью, тем не менее он проклинал себя за это. За завесой слов, сказанных Марион, притаился другой человек, способный в отличие от Марион совершить насилие до конца, человек, которого ничто не смогло бы остановить перед убийством, если бы возникла угроза его образу жизни.

И все же Гарт колебался. Марион, всегда бдительная, всегда настороженная и внимательно следящая за настроением окружающих ее мужчин, немедленно это заметила. И уже была на ногах, в роли настоящей просительницы.

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Но я лучше умру, чем отвечу вам. Я не допущу, чтобы люди говорили... ну, то, что они говорили бы, если бы узнали об этом. Вам это известно, Дэвид, и

поэтому из милосердия или сострадания ко мне вы не захотите унижать меня до такой степени, чтобы я призналась сама. У меня давняя связь с этим человеком.

Гарт посмотрел на горящую сигарету. Бросил ее на пол и растоптал каблуком. Отвернулся от Марион, а затем снова устремил на нее взгляд.

— Вы не можете так поступить со мной, Дэвид. Хорошо знаете, что не можете. И без того уже все плохо. Что мне делать?

— Повторяю вам: я не знаю. Очевидно, в этом не только ваша вина. В жизни каждого из нас хватает лжи и уверток. А Винс любит вас, об этом нужно помнить прежде всего. Если бы имелась хоть какая-нибудь возможность скрыть все это и одновременно уговорить полицию оставить в покое Бетти...

— А разве нет такой возможности? Действительно, нет?

— Очевидно, есть. Мне нужно все обдумать. Это будет нелегко. Однако если бы кто-нибудь посторонний услышал разговор, который мы сейчас ведем, и понял его...

Он замолчал и быстро повернулся.

То, что послышалось Марион минуту назад, могло быть чем угодно, однако относительно того, что они оба услышали сейчас, не оставалось ни малейших сомнений. Шаги в коридоре были легкими и крадущимися. Но одна туфля задела краем подошвы за выступающую у стены половицу. И потом уже не донеслось ни единого звука.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТЕМНОТА

«В Англии, как известно, воскресенье по традиции посвящают отдыху и богослужениям. Магазины, увеселительные заведения и рестораны в Сити закрыты целый день, а все остальные рестораны открыты лишь с 1 до 3 часов дня и с 5 до 11 часов вечера. Однако многие музеи и картинные галереи в воскресенье открыты».

Путеводитель Бедекера «Лондон и его окрестности», 1908 г.

Глава 12

В этот теплый воскресный день, благодаря яркому солнцу, освещающему воду, набережную и приморский парк, Фэрфилд был оживленным и красочным.

Правда, после трех часов (уже начинался отлив) пляж был пустынен. В воскресенье купаться не разрешалось. А праздничный наряд, в котором ходили в церковь, был *de rigueur*⁶ и для дневной прогулки, поэтому от памятника Флоренс Найтингейл в северной части набережной и до Королевского аквариума в южной под жарким солнцем непрерывно приподнимались цилиндры и церемонно наклонялись зонтики.

И все же это было вдохновляющее зрелище.

На Виктория-авеню, тянущейся за парком параллельно ему, высились башенки и маркизы двух больших фэрфилдских отелей с надписями золотыми буквами высотой в полметра — «Палас» и «Империал». По Виктория-авеню проезжали автомобили, впрочем так осторожно, что лошадей пугали лишь трубные звуки клазонов. В парке круглые и треугольные клумбы пурпурных пеларгоний и сине-белых лобелий окружали оркестровую беседку в стиле рококо, где громоздкие духовые инструменты, похожие на артиллерийские орудия, готовились к исполнению первого номера традиционного воскресного концерта.

Воскресенье, шестнадцатое июня. И героя нашей истории мы видим в наряде, в котором предписано появляться в утренние часы.

Дэвид Гарт обогнул аквариум, огляделся на набережной и внимательно осмотрел парк. Он словно надеялся кого-то встретить и одновременно избежать встречи с кем-то другим.

Он поднялся по сделанным из песчаника ступенькам Королевского аквариума. Остановился, повернулся спиной к декоративным металлическим украшениям фасада; смотрел на тех немногих людей, которые входили и выходили в дверь, и снова переводил взгляд на парк. Он уже вторично взглянул на часы, когда заметил, как к нему приближается Каллингфорд Эббот, в блестящем цилиндре, со свежей гарденией в петлице.

— Послушай, дружище, — сказал Эббот, медленно поднимаясь по ступенькам аквариума, — почему здесь? Почему именно здесь? — Он водрузил на место монокль и принялся изучать фасад. — Знаешь, с эстетической точки зрения это такой ужас, что — ей-богу! — он мне даже нравится. — Он пристально посмотрел на Гарта. — Кстати, раз уж мы говорим об ужасе с эстетической точки зрения...

— У меня была скверная ночь. Я совсем не спал.

— Ты выглядишь так, словно не спал целый месяц. Неужели все так плохо?

— Да. Это одна из причин, по которым я тебе позвонил.

Даже в этом достойном Фэрфилде вокруг них разносились невнятные веселые голоса. В воздухе звучали звонки велосипедов. На стене аквариума у двери какая-то афиша красными буквами сообщала, что в Уэйбридже открывается новый Бруклендский автодром.

---

⁶ Обязателен (фр.).

Почти каждое публичное сообщение приносило в этом году похожие известия о скорости и прогрессе; например, о том, что пассажирский лайнер «Мавритания» компании «Кьюнард» получил Голубую ленту Атлантики благодаря рекорду, который потом не могли побить в течение целых двадцати лет; или о том, что синьор Маркони перебросил мост через тот же океан с помощью своих пугающих сигналов. Тем не менее люди, совершающие эту дневную прогулку, были заняты — так же как и Гарт — своими собственными заботами.

— Скажи мне, — продолжил Гарт, — сколько у тебя людей в уголовном отделе?

— Гм. Столько, сколько требуется.

— Насколько я понимаю, дело Глайнис Стакли поручено Твиггу?

— Да. — Эббот насторожился. — А почему ты об этом спрашиваешь?

— Войдем внутрь, — сказал Гарт.

Из музыкальной беседки в парке доносились звуки настраиваемых инструментов. Там начала собираться толпа. Внутри Королевского аквариума, из-за его высоты, было невероятно темно и влажно.

— Одна из причин, по которым я выбрал именно это место, — продолжал Гарт, — состоит в том, что Твигг, очевидно, не станет искать меня здесь и я смогу построить какую-нибудь защиту.

— Защиту?

— Ну, ты ведь знаешь, какой способ защиты является наилучшим. Ты можешь пойти мне навстречу и кое о чем договориться со мной?

— Что ты имеешь в виду?

— Мне необходимо, чтобы ты нейтрализовал Твигга. Мне необходимо, чтобы ты запретил ему допрашивать Бетти или Марион — обеих — в ближайшие двадцать четыре часа. Кроме того, мне необходимо, чтобы ты сам тоже не допрашивал их.

Они прохаживались по аквариуму, в котором каждый шаг отдавался эхом. Люди, которых привлек концерт в парке, уже ушли отсюда. Однако ни Гарт, ни Эббот не смотрели на стеклянные аквариумы, они внимательно глядели друг на друга. Они остановились, и Эббот присвистнул.

— Дорогой друг! Тебе не кажется, что ты требуешь слишком много?

— Согласен, но...

— Ладно, не нервничай, — улыбнулся Эббот. — Я не раб инструкций. Но ты ведь хочешь, чтобы я перешел на твою сторону, в лагерь противника.

— Нет, этого я не хочу. Я предложил тебе договориться со мной.

— И что же ты предлагаешь мне в качестве вознаграждения?

— Думаю, я смогу предложить тебе убийцу. Подожди! — быстро добавил Гарт. — Я понимаю, что в нормальных обстоятельствах такое заявление звучит полной бессмыслицей. Любитель, который думает, что способен соперничать с полицией, встречается только в книгах и больше нигде. Однако это дело представляет собой исключение из тысяч других дел. Такое дело только я мог придумать.

— Вот именно. Твигг убежден, что ты все это и придумал.

— Я хотел сказать, дело, которое я мог придумать для романа.

— Конечно. Это почти то же самое.

Они снова принялись прохаживаться мимо глуповато выглядевших рыб. Измученное, отчаявшееся лицо Гарта отражалось в стекле рядом с улыбающимся лицом Эббота.

— Черт возьми, мне нравится твоя смелость! Честное слово. Секундочку! Единственное, что мне бы хотелось знать, удастся ли вообще это сделать? Сомневаюсь. Твигг полагает, что тебе нельзя верить; что ты, как он выражается, фальшивая монета. Он даже во мне не уверен. — Эббот заколебался. — Что нового после прошедшей ночи?

— После прошедшей ночи начался настоящий ад. Знаешь, что это такое, когда у тебя на шею две обезумевшие женщины одновременно?

— Ну, это замечание можно истолковать по-разному, дружище.

— Да, извини. — Гарт закрыл глаза, снова открыл их и на ходу продолжил: — Я уже утратил чувство юмора, точно так же, как утратил чувство меры и правдивости. Неприятность состоит в том, что в любую минуту может произойти взрыв. Твигг приехал сегодня утром из Лондона в Равенспорт. Кстати, почему в этом деле такую роль играет равенспортская полиция? Почему именно там расположена ваша штаб-квартира? Ведь дом Бетти находится в фэрфилдском округе.

— Технически да. Однако фэрфилдская полиция слишком похожа на жителей Фэрфилда. Равенспорт гораздо более современный город, хотя и основан в средние века. Да, так что ты говорил о Твигге?

— Твигг обнаружил одну улику, вернее, несколько улик, с которыми он ничего не поделает; максимум, расскажет о них Бетти. Первая улика имеет отношение к ее велосипеду...

— Ну?

— Вторая имеет отношение к какому-то обрывку белого шнура от лампы или занавесок, оставшемуся в ее спальне, которой Глайнис Стакли уже не смогла воспользоваться. Как было в действительности, я не в состоянии установить. Если об этом Твигг собирается сказать Бетти, мне, он, вероятнее всего, ничего не скажет.

Эббот задумался.

— Гарт, — сказал он, — предположим, я приму твоё фантастическое предложение. Погоди!

— Да?

— Предупреждаю тебя, я не думаю, что это удастся осуществить. Но допустим, что я соглашусь. Это значит, что отныне я не буду лично участвовать в этой охоте и вынужден отказаться от удовольствия поскорее снова встретиться с миссис Боствик...

— Я не запрещаю тебе встречаться с Марион. Эта встреча даже является частью моего плана.

— А, черт. — Ледяная улыбка появилась на устах Эббота. — В таком случае ты должен дать мне хотя бы какой-нибудь шанс, раз я иду на такой риск! В чем состоит твой план?

Фэрфилдский оркестр, всех музыкантов которого можно было живо себе представить, начал вступительные такты увертюры.

Эббот, казалось, возмутился, когда их накрыла лавина музыки. Так как они были недалеко от входа, он решительно направился туда и, не спросив ни у кого разрешения, захлопнул большую входную дверь Королевского аквариума. Все звуки смолкли, слышно было только, как где-то капает вода. Эббот и Гарт остались почти вдвоем в помещении, которое теперь казалось еще более влажным и темным. Однако у Дэвида Гарта наконец-то появилась надежда.

— Сегодня утром после завтрака, — ответил он, — я зашел на главный почтамт в Равенспорте. Так, как ты мне и советовал.

— Ага! И ты отправил телеграмму юному Филдингу?

— Я передумал отправлять телеграмму. Майкл вряд ли получил бы ее вовремя, а возможно, и не получил бы вовсе. Существовала возможность, что он до самого вечера мог быть в больнице Святого Варфоломея. И он действительно находился там. Я разговаривал с ним по телефону.

— Ну и?..

— Эббот, я смотрел на это дело, как порядочный глупец. Если такой невинный ягненок, как Майкл, связался с покойной Глайнис — или, точнее говоря, если она его выбрала, — это вовсе не была случайность. В этом деле не было ничего случайного. И если Майкл сможет ответить нам хотя бы на два вопроса, то это будет первый из тех ходов, с помощью которых мы загоним убийцу в угол. Но я не могу ждать. Меня преследует Твигг.

— Допустим. Однако до сих пор ты не изложил мне свой план нападения. Так в чем же он состоит?

Гарт вынул из кармана часы, посмотрел на них и положил в карман.

— Майкл едет поездом, который должен прибыть в Фэрфилд через двадцать минут. Бетти встретит поезд и привезет Майкла в кэб в отель «Палас», в котором ты остановился. Если я буду стоять перед отелем, это будет означать, что ты согласился помочь мне в осуществлении моего плана, и в этом случае она остановит кэб. Если меня не окажется перед отелем, они встретятся со мной в другом месте.

— Еще что-нибудь?

— Да. Там также будут Винс и Марион. Эббот, — с отчаянной искренностью добавил Гарт, — извини за то, что я ставлю тебя в такое положение. Извини, потому что это должно напоминать тебе фарс и мелодраму...

— Мой дорогой друг, — перебил его Эббот и внезапно коротко рассмеялся сквозь стиснутые зубы, — не проси прощения ни за бережливую, ни за мелодраму, которую ты, вероятно, имеешь в виду. Ты мне нравишься. Нравишься, черт возьми!

Они стояли в нескольких метрах от большой двери и смотрели друг на друга.

— Если собрать такую компанию, — продолжил Эббот, — можно будет добиться впечатляющего эффекта.

— Надеюсь, что так оно и будет.

— А мистер и миссис Боствик непременно должны присутствовать на этом совещании?

— Да. Вряд ли оно им понравится. Оно не понравится никому, а Бетти меньше всех. Позволь мне упомянуть еще об одном факте, который для тебя пока что не будет иметь никакого значения, однако его следует назвать хотя бы из-за горькой иронии. Марион Боствик не имеет ни малейшего понятия, кто совершил убийство.

— А почему, черт возьми, она должна иметь какое-нибудь понятие об этом?

— Извини, — сказал Гарт. — Мне не следовало сейчас говорить это, а возможно, к этому вообще никогда не нужно возвращаться.

— Послушай, если тебе это не удастся...

— Если мне это не удастся, — сказал Гарт, — полиция потеряет всего лишь двадцать четыре часа. А если мне повезет, по крайней мере три человека сохранят то, что ценится больше всего на свете. Ну, так что ты скажешь?

— Договорились. Я согласен.

Внутри было очень жарко. По влажному, выложенному плиткой полу пробежала полоса солнечного света, когда кто-то снаружи быстро открыл дверь. В холл вошел Хэл Ормистон, сопровождаемый оглушительной музыкой оркестра, которая стала немного тише, когда он закрыл за собой дверь.

— Возьми это, — сказал Хэл, подходя к Гарту и протягивая ему два смятых в комочек пятифунтовых банкнота. — Мне вообще не следовало поднимать их. Я возвращаю их тебе.

Эббот, которого очень небольшое могло вывести из равновесия, широко раскрыл глаза, так что монокль выпал из глазницы и болтался внизу на шнурке. Лицо Хэла оставалось в тени, поэтому Гарт ничего не мог прочесть на нем. Юноша был расфранчен по последней моде: кремовый костюм с высоким воротником, карманы и лацканы которого отделаны черным пике, и широкий синий галстук.

— Да, — почти пролаял Хэл, — кроме того, я больше не буду называть тебя дядюшкой.

— Спасибо. Мне сразу полегчало. Но деньги можешь оставить себе, если испытываешь в них крайнюю нужду.

— Ну вот, ты снова начинаешь! — упрекнул его Хэл. — Не только мне, но и тебе нужно перемениться и вести себя прилично. Ты, очевидно, не понимаешь, что способен дьявольски обижать людей. Не пациентов, нет! Это немощные старики. Но молодежь ты не понимаешь. Молодежь действует тебе на нервы. Ты, наверное, был стар уже тогда, когда родился на свет.

— Да, возможно.

— Твой автомобиль исправен, — сказал Хэл. — Я поговорил с одним приятелем здесь, в Фэрфилде, и он починил его, несмотря на то, что сегодня воскресенье. Я приехал из Лондона только ради этого. Ну так как, старина? Возьмешь эти десять фунтов или я должен засунуть их тебе в карман?

Таков уж характер человека, что Гарт машинально ответил:

— Я сказал, оставь их себе! Оставь и делай с ними все, что хочешь! Я и без того рад этой удивительной перемене...

— О нет, я не изменился. Это начинаешь изменяться ты, и, кажется, в лучшую сторону.

— Хэл, скажи мне только, что...

— Да, Бет — вернее, леди Калдер — находится в безвыходном положении. Я не имел понятия, насколько это серьезно, пока около получаса назад снова не поговорил с инспектором Твиггом. Этот чертов полицейский сроду не скажет, о чем идет речь, когда требует дать ему какие-то показания. А я хочу тебе помочь. Думайте, что хотите, ваше горделивое высочество, но у меня тоже есть совесть.

— Молодой человек, — вмешался в разговор Каллингфорд Эббот, с отвращением поднимая свой монокль, — вы с таким же рвением жаждали помочь, когда анонимно звонили в равенспортский полицейский участок?

— Если я не захочу, дорогой мистер Эббот, то ни в чем не признаюсь.

— Вы не должны ни в чем признаваться, дружок. Судя по одному вопросу, который недавно задал ваш дядя, очевидно, что он это знает так же хорошо, как и я. Любой, кто звонил бы в полицейский участок, чтобы сообщить об убийстве...

Голос Хэла стал вдруг высоким и звонким.

— Кто говорил что-нибудь об убийстве? Я решительно не говорил.

— Любой человек, юноша, позвонил бы в Фэрфилд, а не в Равенспорт. Однако вы только что подвезли одного чиновника Скотленд-Ярда в Равенспорт и полагали, что будет лучше, если вы сделаете это там. Я прав?

— Я пришел в ярость. А кто бы на моем месте не разъярился?

— Ага, — пробормотал Эббот.

— Мой высокоморальный дядя волочится за Бет. Он делает вид, что это не так, но он волочится за ней. Поэтому я решил сказать просто для развлечения, как это сделал бы какой-нибудь фэрфилдский сплетник, что они обнаружат там кое-что «неприятное», если поздно вечером приедут к ней в домик. Я не говорил, что они должны поехать туда немедленно. Сказал, поздно вечером. А какой-то придурковатый сержант перепутал, вот и все.

— Думаете, это все?

— Да. Сожалею, что я это совершил.

Сказав это, Хэл сделал очень быстрое движение, намного быстрее, чем Гарт от него ожидал. Он бросился к Гарту, засунул ему в боковой карман смятые банкноты и тут же отскочил.

— О лицемерии говорили много, — ворчливо сказал Хэл, — когда еще жива была старая королева... А сейчас с лицемерием не все так просто. Возьмем, для примера, Марион.

Вплоть до этой минуты Гарт не замечал, что оркестр исполнял мелодии из опер Гилберта и Салливана. Кроме того, он не замечал, что у аквариума может быть столько глаз и все эти глаза устремлены на него.

— Юноша, — спросил Эббот опасно сдержанным тоном, — почему вы так говорите о миссис Боствик?

— Спокойно, спокойно, мистер полицейский! Я не сказал ничего плохого о Марион, если вы подразумеваете именно это. Однако, возможно, в этом и заключается неприятность.

— Что вы имеете в виду?

— Вы ведь слышали, что я сказал. Я говорил о лицемерии. Ее привезли из Индии, когда ей было четырнадцать лет. Уже тогда она, говорят, была красивой девушкой. Я познакомился с ней через четыре года, в 1905 году, как минимум за три месяца до того, как Винс Боствик в нее влюбился! Если эта девушка постоянно что-то повторяет, постоянно, все время, так это то, как ужасно ей нравятся молодые парни. Спросите у доктора Дэвида Гарта, говорит она так или нет.

Гарт оставил эти слова без комментариев.

— Ну вот, уже легче! — воскликнул Хэл. — Я довольно энергично соблазнял ее, теперь, когда она уже замужем. Мне случайно известно, что Майкл Филдинг тоже. Сначала я думал, что у нее экстравагантные сексуальные капризы, но...

— Сексуальные капризы! — повторил Эббот. — Сексуальные капризы!

Светски воспитанного Эббота явно возмутили эти слова.

— Молодой человек, — сказал он тем же сдержанным тоном, — вам никто никогда не объяснял, что о дамах не принято так говорить?

— Объясняли. Довольно часто. Но вам понятно, что я имею в виду, говоря о лицемерии? Вы уже достаточно стары, чтобы обладать умом...

— Я достаточно стар для того, чтобы годиться вам в отцы, — сказал Эббот. — Но все же я сумел бы задать вам взбучку, о которой вы помнили бы полгода.

— Сделайте это, мистер Каллингфорд Эббот, и вы мне хорошо заплатите, чтобы дело не дошло до суда.

Монокль выпал из глазницы Эббота и повис на шнурке. Его руки потянулись — и это неопровержимый факт — к горлу Хэла.

— Довольно! — вскричал Дэвид Гарт. — Прекратите, я вам говорю!

— Что с тобой снова происходит, дядюшка? — обратился к нему Хэл. — Разве я уже не попросил прощения? Разве ты не видишь, что я изо всех сил пытаюсь помочь тебе и Бет?

— Хэл, тебе лучше уйти! Минутку, подожди! Если возникнет необходимость, ты скажешь под присягой то, о чем только что сообщил нам? О том, как ты и Майкл Филдинг ухаживали за миссис Боствик и оскорбляли ее честь, и как она устояла перед вами обоими?

— Гарт, — удивился Эббот, — ты что, тоже утратил такт?

— Молчи! Хэл, ты и Майкл засвидетельствуете это?

— Майкл не захочет это сделать, можешь не сомневаться. У него в семье больше священников, чем на двадцати страницах «Крокфорда»⁷. К тому же он хочет стать врачом, как ты. Но я не против, если за этот труд что-нибудь получу.

— Обещаю тебе, что ты что-нибудь получишь за свой труд. (Спокойно, Эббот!) Это все, Хэл. Спасибо тебе.

Хэл вышел, оставив дверь открытой. Эббот бросился к двери, захлопнул ее. Оркестр перестал играть. Наступила пауза и небольшая передышка.

— Извини, — проворчал через минуту Эббот. — Это была глупость с моей стороны. Я слишком разозлился.

— Ничего.

— Ты обошелся со мной, — сказал Эббот, — так же, как я с тобой, когда ты хотел свернуть шею Твиггу. Ну, значит, мы в расчете. Но все же: «Сексуальные капризы!» Бесцеремонно сказать такое! И куда только идет этот мир?!

— Майкл Филдинг, оказывается, не такой невинный ягненок, каким я его считал. На этом нашем совещании я должен раздать карты немножко по-другому. Нам не нужно, чтобы там присутствовала Марион Боствик. И Винс тоже.

— Гм. Хочу надеяться, что этот твой план включает в себя и объяснение убийства, которое невозможно было совершить.

— Конечно. Это самая неприятная часть моего плана.

— Гм. Не стоит это особенно подчеркивать. Действительно, это будет нелегко, но...

— Я не говорил, что это будет нелегко. Напротив, это будет нетрудно. Я сказал, что это будет неприятно.

— Ты осознаешь, — спросил Эббот с прежней чопорностью, — что сейчас говоришь точно так же, как этот чертов принц Ариман в твоих собственных историях?

— Извини. — Гарт взглянул на часы. — Эббот, мы должны поторапливаться. Поезд вот-вот прибывает. Если нам повезет, мы хотя бы отчасти приблизимся к правде.

На набережной их ослепил яркий солнечный свет. Зрители, сидящие или стоящие вокруг оркестровой беседки, сопровождали аплодисментами финал попури из опер Гилберта и Салливана. Это были не настолько слабые аплодисменты, чтобы казаться холодными и небрежными, и вместе с тем не столь бурные, чтобы казаться чрезмерными; они полностью гармонировали с небом, морем и всей окружающей обстановкой.

Велосипедисты на набережной звонили в свои звонки, когда два чопорно одетых джентльмена, Каллингфорд Эббот и Дэвид Гарт, шли по аккуратному парку, мимо сверкающих цветочных клумб, направляясь к башенкам отеля «Палас» на противоположной стороне Виктория-авеню.

Хотя Эббот явно о чем-то размышлял, он уже не был похож на черную грозовую тучу. Когда в него врезался ребенок, гнавшийся за обручем, и отпрянул с испуганным возгласом: «Извините, сэр», Эббот сунул руку в карман. И дал ребенку отнюдь не шестипенсовик, а золотой соверен. Когда они почти дошли до Виктория-авеню, оркестр заиграл «Край надежды и славы»⁸.

Вокруг оркестровой беседки, очевидно, не было никого, кто бы с гордостью не выпрямился, когда эти спокойные торжественные звуки наполнили воздух. Эббот остановился. Нахмурился и тронул своего спутника за руку.

— Послушай, — торопливо начал он, — я достаточно насмеялся над Фэрфилдом. Как многие из нас, кто высокого мнения о себе. Но в глубине души он мне нравится.

— Ну?

— Ты понимаешь меня? Я говорю, он мне нравится.

---

⁷ Ежегодный церковный справочник с перечислением всех священнослужителей английской церкви.

⁸ Песня, прославляющая Британскую империю.

— Не вижу причин, почему он не должен тебе нравиться, хотя именно от тебя слышать это довольно странно. Песня, прославляющая Британскую империю.
но. От тебя, адвоката двадцатого века. От тебя, апостола возрождения и прогресса.
— Научного прогресса, с этим я согласен! В него верил еще мой отец, и я тоже верю в него. А это нечто совсем другое. Фэрфилд, можно сказать, принадлежит прошлому.
— Фэрфилд — это не прошлое, Эббот. Прошлое — это Равенспорт. Фэрфилд — это настоящее, самое современное настоящее, так как здесь каждый упрямо остается в прошлом.
— Что же, в таком случае, будущее? — Эббот дошел до края тротуара и обернулся. — Очевидно, не Банч. Не говори, что это Банч. Это проклятое гнездо, где машины на пирсе издают механический хохот и где люди оттаптывают друг другу ноги только для того, чтобы доказать, что никто ни от кого не отличается.
— Да, вполне возможно, что это Банч. Нигде ничто не остается без изменений. Мы не можем ожидать, что все всегда будет оставаться неизменным.
— Этого я не ожидаю, нет. Но видит Бог, мне это совершенно не нравится, Гарт.
— Возможно, мне это тоже не нравится, причем не меньше чем тебе. Однако тут ничего не поделаешь. Ребенок растет, и потом все будет иначе.
— Ты так думаешь? По крайней мере, одна вещь не изменилась. Послушай!
И Эббот кивнул в направлении оркестровой беседки — звучала страстная, почти лишенная какой-либо помпезности музыка, приводившая в экстаз любого слушателя:

Край надежды, славы, матерей свободных,
Услышь поток благодарности от всех детей своих.

Эббот тоже пришел в экстаз. В цилиндре, хотя и сбившемся набор, с поблескивающим моноклем, он стоял, расправив плечи, словно по стойке смирно.

Пусть твои границы непрерывно расширяются,
Пусть растет твоя мощь, которую дал тебе Господь.

Медленные, торжественные, триумфальные заключительные аккорды гремели под звон литавр, а когда дирижер поклонился, раздалась такая буря аплодисментов, что, казалось, к ним присоединилась половина Фэрфилда.

— Пойдем, — с неожиданной улыбкой сказал Эббот. Он сдернул с головы цилиндр. — Хватит уже этих глупостей. Нас ждет работа. Кстати, — он показал на противоположную сторону Виктория-авеню, — если меня не подводит зрение, мистер и миссис Боствик уже входят в отель. Теперь нам не удастся остановить их. А вон там, в том экипаже, который приближается со стороны Парламент-стрит, сидит леди Калдер. Молодой человек рядом с ней — это, очевидно, Майкл Филдинг. Если ты ожидаешь какого-то взрыва, дорогой Гарт, то приготовься к нему.

Взрыв произошел раньше, чем кто-либо ожидал.

Глава 13

— Я вас не понимаю, доктор.
— Не понимаете, мистер Филдинг?
— Нет, доктор. Я с большим удовольствием помогу вам, чем смогу, но по телефону вы сказали мне не очень много.
— А разве было необходимо сказать много, мистер Филдинг?
В разговор вмешалась Марион.
— Серьезно, Дэвид! Если этот молодой человек не может помочь тебе, значит, он действительно не может.
— Марион, малышка, брось ты это свое щебетанье, — сказал Винс.

Бетти Калдер и Каллингфорд Эббот молчали и только наблюдали за происходящим.

Все шестеро сидели в салоне отеля «Палас» под высоким потолком с роскошной мозаикой, вокруг круглого стола, словно ждали, когда принесут чай. В центре салона среди пальм, казавшихся необычайно высокими, бил фонтан.

Позже Гарт вспоминал и другие подробности: белое платье, в котором была Марион, и светло-серое платье Бетти; позу Марион, которую она переняла, как он догадывался, у мадам Кэмпбелл. На обеих женщинах были шляпки, богато украшенные перьями. Однако их личные сомнения или страхи исчезали во взглядах, устремленных теперь на Майкла Филдинга, который выглядел так, словно провел еще более кошмарную ночь, чем Гарт.

И Майкл знал об этом.

Он надел строгий черный костюм с высоким воротником. Люди редко замечали, что он некрасив, и он действительно обладал привлекательностью благодаря тому, как обычно выглядел: полудержко, полуиспуганно. Пышные светлые волосы Майкла резко контрастировали с его зоркими карими глазами, напоминающими глаза героев-любовников из вечерних представлений.

— Доктор!.. — подавленно начал он.

На столе стояли три цилиндра — эмблемы достоинства, рядом с ними лежали котелок Майкла и прогулочная трость с серебряным набалдашником, принадлежащая Винсу Боствику. Однако Майкл мог не понижать голос. Этот салон с позолоченной лепниной и более поздними дешевыми украшениями был настолько просторен, что могло показаться, будто вы находитесь на Юстонском вокзале. Несколько гостей уже заказали чай, все они находились вне пределов слышимости. Один джентльмен, сидящий в красном плюшевом кресле, спал. Монотонно шумел фонтан.

Майкл встал.

— Я считаю, что с вашей стороны это нечестно! — воскликнул он. — Что вы от меня хотите, доктор? Зачем вы пригласили меня сюда?

— Майкл, — Гарт отбросил официальный тон, — я очень стараюсь поступать честно. И не хочу приводить вас в замешательство. Однако...

— Секундочку, дружище, — перебил его Винс, наклонился вперед и постучал костяшками пальцев по столу. — От замешательства не был избавлен никто из нас. Даже я и Марион, хотя мы, черт возьми, ничем не провинились. Я прав, дорогая?

— Конечно! — Марион приподняла одно плечо, как Стелла Кэмпбелл в «Знаменитой миссис Эбсмит». — Я не имею ни малейшего понятия, почему мы здесь находимся, и тяжело, очень тяжело все это переносишь.

— Именно так, доктор, — серьезным тоном сказал бледный Майкл. — Никто ничего не сделал. Вы заходите слишком далеко.

Выражение оскорбленной невинности на лицах присутствующих раздражало Гарта. Он посмотрел на Майкла и нервно заговорил:

— Разве я не сказал вам по телефону, что вчера вечером была убита Глайнис Стакли?

— Да, доктор, вы сказали мне об этом. И потом, какое-то похожее имя появилось сегодня в утренних газетах.

— Майкл, я не пытаюсь заманить вас в какую-то ловушку. Полиции известно, что вы хорошо знали умершую женщину.

Наступила тишина, полная невысказанного изумления. Марион повернулась и тоже посмотрела на Майкла.

— Вы? — недоверчиво спросила она. — Вы? Такой смешной юноша! Это просто замечательно!

И она рассмеялась. Майкл стал бледен, как привидение. Марион тут же сообразила, что допустила промах, и напустила на себя такой вид, словно собиралась читать молитву.

— Шеф, — сказал Майкл, — я знал ее. Да, это правда. Думаю, каждый из нас знакомился с одной или двумя женщинами, с которыми ему лучше было бы не знакомиться.

— Ну вот, пожалуйста, — заметил Каллингфорд Эббот, — получите историю человечества, изложенную с удивительной краткостью.

— Эббот, умоляю тебя! Я благодарен тебе за поддержку, но все это обсуждение идет достаточно тяжело и без твоих шуточек.

— Прими мои самые искренние извинения, милый Гарт. У меня тоже имеется парочка идей, которые я хотел бы поскорее высказать. Но я всего лишь полицейский, так что извини, что я тебя перебил.

— Я всего лишь хотел сказать...

— Я знаю, что ты хотел сказать. Продолжай!

— Майкл, — сказал Гарт, — вы ведь вовсе не богатый человек, разве не так?

— Нет, шеф, вы же знаете, что нет. Но не упрекайте меня за это.

— Полагаю, вы знали, что Глайнис Стакли никогда никому не дарила свою благосклонность, если взамен не могла что-нибудь получить.

— Что вы понимаете под благосклонностью, шеф?

— Разве между вами ничего не было?

— Ничего, клянусь, совсем ничего!

— Вы ни разу не переспали с ней? А для того чтобы иметь возможность переспать с ней, вы никогда не совершали по меньшей мере два пустяковых поступка, на которые она вас уговорила? В похоронной тишине снова раздавался лишь плеск фонтана.

Трудно сказать, какую реакцию вызвали бы эти слова, донесись они до ушей двух пожилых дам, сидящих за столом метрах в десяти, или до ушей официанта в полосатом жилете, который, держа поднос с чаем, приближался к этим дамам. За столом же, где сидел Гарт, эти слова вызвали прямо-таки ошеломляющий эффект. Марион Боствик встала.

— Винс, — сказала она сдавленным голосом, — я ухожу. Независимо от того, идешь ты со мной или нет, я ухожу. Я не останусь здесь и не позволю себя оскорблять.

— Марион, — сказал Винс и быстро посмотрел вокруг, — разве тебя кто-нибудь оскорбляет?

— Винс, не будь глупцом! Раз уж Дэвид начал в таком духе, ты не можешь знать, где он остановится или что скажет дальше. Если ты не уйдешь вместе со мной, мое сокровище, ты, возможно, узнаешь еще больше, чем узнал, когда посреди ночи подслушивал где-то под дверью.

Винс тоже встал.

— Черт возьми, что ты хочешь этим сказать? — шепотом спросил он. — Кто подслушивал посреди ночи под дверью?

Бетти Калдер прижала ладони к глазам.

Необходимость приглушать голоса в этой атмосфере, напоминающей церковную, приводила не к ослаблению раздражения, а скорее к его усилению. Марион, стройная и величественная в своем белом платье, приподняв брови, подала знак Винсу. Потом, не говоря ни слова, повернулась и, шелестя пышными юбками, направилась к двери, ведущей в холл отеля.

— Извините меня, — сказал Винс и взял со стола цилиндр и трость, — я пойду за ней. Я всегда хожу за ней.

Мгновение он стоял в нерешительности, с выражением растерянности на лице. Потом тоже удалился, инстинктивно ступая на носочки, несмотря на то, что шел по мягкому ковру.

— Гарт, ты негодяй, какого свет не видел, — сказал Эббот; он вскочил из кресла, но тут же снова сел. — Ты это сделал нарочно, да? Чтобы выставить их отсюда? Уловка, да?

Однако ни Гарт, ни Майкл Филдинг не обратили внимания на его слова.

— Послушайте, шеф, — защищался Майкл, — если вы серьезно верите, что Глайнис Стакли убил я, вы, наверное, сошли с ума. В то время, когда в субботу днем она была убита, я беседовал с одним адвокатом.

— С адвокатом?

— Ну, черт возьми, в таком случае с одним моим приятелем, — и Майкл сделал воинственный жест, — с одним моим приятелем, который работает у адвоката. Он сказал мне...

— Майкл, меня не интересует, что вы делали в субботу днем. Я хочу знать, что вы делали в пятницу вечером.

— В пятницу вечером?

— Да. После телефонного разговора с миссис Боствик я поехал с Харли-стрит в Хэмпстед. Что вы делали после моего отъезда?

— Я запер входную дверь и отправился домой, туда, где я снимаю квартиру. Вот и все.

— Вы ведь потом кое с кем разговаривали.

— Нет, доктор. Я даже не разговаривал со своей домохозяйкой на Грейт-Ормонд-стрит. Я сразу пошел спать.

Майкл стоял очень прямо и, когда говорил, смотрел куда-то поверх головы Гарта. Теперь он в испуге повернулся, словно не хотел рисковать и встречаться взглядом с Медузой Горгоной.

— Я не знал, что она ваша сестра, леди Калдер! Клянусь! Мне даже в голову не приходило...

— Мистер Филдинг, не страдайте из-за этого, прошу вас. — Бетти явно сдерживала себя, чтобы не повышать голос. — Никто не может сказать, что я любила Глайнис. Утверждают даже, что это я убила ее.

— Да, Майкл, — добавил Гарт, — так утверждают. Подумайте над этим.

— Леди Калдер, пожалуйста, примите мои извинения. Вы не можете знать все, в противном случае вы бы простили меня. Когда в пятницу вечером вы неожиданно появились с Хэлом Ормистоном, я не хотел верить собственным глазам.

— Почему? — поинтересовался Гарт. — Потому что она похожа на свою сестру? Или потому что вы и Хэл часто соперничаете из-за одной и той же женщины?

— Доктор, я...

— Дэвид, пожалуйста, оставь его. Он ужасно молод.

— Он достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки. Думаешь, мне это доставляет удовольствие? — Гарт помолчал. — Бетти, будь так добра, ответь на вопросы, на которые ты вчера уже ответила. Твоя сестра приехала в Фэрфилд в субботу утром. Ты не сказала ей, что ждешь меня, и не сказала о том письме, которое пришло по почте немного позже. И тем не менее она знала, что я приеду сюда. Когда ты была против того, чтобы она шла искупаться, она сказала тебе: «Что с тобой, котик? Ты не хочешь, чтобы со мной встретился твой друг?». Верно?

— Да, верно!

— Каким образом Глайнис могла знать, что ты меня ждешь?

— Дэвид, на этот вопрос я не могу тебе ответить.

— Хорошо, но, возможно, на него может ответить Майкл. Пожалуйста, дай мне это письмо. А также конверт.

Бетти вытащила и то и другое из тяжелой плетеной сумки. Гарт положил письмо и конверт на стол.

— Как видите, это моя писчая бумага. На листке написано: «Любимая, я буду у тебя в субботу в шесть часов. Как всегда твой...» Это было напечатано на моей личной пишущей машинке. На конверте стоит штемпель «Лондон-Запад, 12.30, суббота». Вы уже видели когда-нибудь это письмо?

— Нет, шеф, не видел. Клянусь!

— Майкл, не лгите, — устало сказал Гарт. Потом ударил по столу так же энергично, как это сделал несколько минут назад Винс, так что одна из пожилых дам обернулась, а официант вздрогнул. — Вы единственный человек, имеющий доступ к моей личной пишущей машинке в моей квартире на Харли-стрит. Вы вообще имеете доступ ко всем моим вещам. Я не обижаюсь на вас за это.

— Вы не обижаетесь на меня?

— Нет, вы никому не нанесли этим вреда. Однако не лгите.

— Дэвид, — воскликнула Бетти, глядя на него, — но ведь ты сказал, что сам написал...

— Я вынужден был тебе это сказать. Прости меня, я солгал, но Майкл сейчас должен сказать правду. — Гарт пристально посмотрел на юношу. — Вы написали это письмо по требованию Глайнис Стакли, верно? Вы сделали еще что-нибудь?

— Нет, только это!

Гарт по-прежнему смотрел на него.

Люди иногда могут быть такими серьезными, что их жесты кажутся удивительно неестественными. Майкл наклонился, отодвинул в сторону цилиндр и обеими руками уперся в столешницу так, что теперь он глядел Гарту в лицо с расстояния не более двадцати сантиметров. Красные плюшевые кресла, пальмы вокруг журчащего фонтана — все создавало неоднородный фон.

— Ладно, это письмо написал я! — Майкл говорил негромко, но впечатление было такое, что он кричит: — Но даже если вы убьете меня, я все равно не смогу вам сказать, почему она хотела, чтобы я написал его...

— Не сможете? Вы ведь сообразительны! Неужели вы не догадались?

— ...но я клянусь вам, доктор, что больше ничего не сделал. Ничего, только напечатал это письмо! Больше ничего!

— И вы клялись бы точно так же, если бы Глайнис Стакли была жива?

— Да, клялся бы!

— Вы поклянетесь в этом и перед леди Калдер? Бетти...

Он протянул руку влево, словно хотел дотронуться до руки Бетти и привлечь ее внимание, потом перевел взгляд в ее сторону — Бетти исчезла.

То, что в этом не было ничего таинственного, он понял после минутного суеверного страха. Хотя Бетти не боялась, что будет чувствовать себя оскорбленной, как это якобы чувствовала Марион, таким обсуждениям она попросту испытывала отвращение и уклонялась от них, как могла. Поскольку внимание Гарта было приковано к Майклу, а Эббот с интересом переводил взгляд с одного на другого, как зритель на теннисном матче, Бетти могла незаметно выскользнуть в холл.

И тут в этой гробовой тишине салона отеля «Палас» начало происходить множество вещей одновременно. По крайней мере, у Гарта создалось такое впечатление.

К столу приближались два официанта в полосатых жилетах, один со стороны столовой в дальнем конце, другой со стороны холла, а в нескольких шагах позади этого второго официанта шел инспектор Твигг.

Гарт встал с тихим проклятьем. Майкл отступил на шаг от стола.

— Сэр, — произнес первый официант, учтиво обращаясь к Эбботу, — могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Ну, если вы сумеете направить луч света в темноту...

— Сэр?

Второй официант, за которым по пятам следовал Твигг, между тем подошел к Майклу Филдингу и торопливо сказал ему что-то приглушенным голосом.

— Какая дама? — довольно грубо спросил Майкл. — Где?

Официант продолжал что-то быстро шептать, и на лице Майкла появилось выражение страстного желания.

— Я вернусь максимум через две минуты, — заверил он Гарта. — Возможно, мне удастся уладить кое-какие дела. Вы извините меня, да?

Возражать было бессмысленно. Уже не в первый раз Гарт вынужден был бессильно наблюдать, как он лишается всех шансов. Твигг с котелком в руке, идущий широким шагом, словно прикрывал отступление Майкла в холл.

— Ну, доктор, к чему все эти церемонии, к чему вся эта спешка? Я никогда не спешу. Пока что присаживайтесь, но когда понадобится, мы позаботимся о вас. Гм. Прекрасное местечко! Добрый день, мистер Эббот. Жаль, что сегодня у меня не было возможности поговорить с вами, если не считать тех нескольких слов, которыми мы обменялись по телефону.

— Однажды вы уже вообразили, инспектор, — напустился на него Эббот сквозь стиснутые зубы, — что можете мешать в неподходящую минуту.

— Ну что вы! Я охотно попрошу прощения, сэр, если вы скажете мне, в чем именно я помешал.

— Доктор Гарт...

— Этот господин задает вопросы, не так ли? Очевидно, он думает, что может немножечко помочь полиции? Возможно, он даже думает, что сумеет установить, как все это произошло, раньше, чем это сделаем мы!

— А если он действительно это установит?

— Ну, сэр, для таких людей, как доктор Гарт, это совершенно естественно. — Твигг нарочито громко рассмеялся. — Для него естественно, что он пытается это установить.

— Инспектор Твигг, — сказал Эббот и встал, — что бы произошло, если бы один раз, хотя бы один раз в этом вашем хорошо устроенном мире вы оказались неправы?

— О, бывает, я оказываюсь неправ, сэр! Это часто бывает. Однако в данном случае я прав! А сейчас, с вашего позволения, вернемся к нашим делам и вопросы буду задавать я. Возможно, всем это еще неизвестно, сэр, но мне официально поручено заниматься этим делом.

— А вам еще неизвестно, — сказал Эббот, едва сдерживаясь, чтобы не ударить кулаком по столу, — что приказы вы будете получать от меня, и я буду решать, какие приказы и когда вам дать.

— И какие же это будут приказы, сэр?

— Если вы по-прежнему намерены допросить леди Калдер или миссис Боствик...

— Леди Калдер? Миссис Боствик? Господи, сэр, — Твигг был таким добродушным, словно давал благословение, — кто вам такое наговорил? Я никогда не предполагал, что мы могли бы много узнать от миссис Боствик. Что же касается леди Калдер, то об этой молодой даме с прошлым — если вы простите мне эту характеристику — все, что мне нужно было знать, я уже узнал, причем этого вполне достаточно и эти сведения весьма занимательны. Нет, нет, сэр! Единственный, с кем я теперь хочу поговорить, это доктор Гарт. Если, конечно, доктор Гарт ничего не имеет против. Ну так как?

— Я ничего не имею против, — сказал Гарт. — Однако если бы я даже и возражал, это все равно не имело бы никакого значения. Но вначале: кто была та женщина?

— Женщина? Какая женщина?

— Это хотел знать и Майкл Филдинг. Две минуты назад сюда пришел официант и передал Майклу, что какая-то дама, очевидно, хочет его видеть, она где-то там, снаружи. Вы знакомы с Майклом, вы виделись с ним в тот вечер на Харли-стрит. А сейчас вы стояли так близко к официанту, что должны были слышать это сообщение.

— Ну и что из этого, доктор?

— Кто вызвал отсюда Майкла именно в эту минуту? И почему его вызвали?

— А вам это кажется важным, да?

— Возможно, что нет. Но вы по крайней мере могли бы спросить об этом официанта. Он выполняет не меньше пятидесяти таких поручений в течение одного дня. Если вы будете и дальше медлить, он уже не сможет вспомнить об этом.

— Ну, так я скажу вам кое-что, доктор. — Лицо Твигга снова стало красным. — Это вы вынуждаете меня медлить, это вы вставляете мне палки в колеса и пытаетесь запутать меня, причем делаете это уже достаточно долго. Честность есть честность, но теперь с меня довольно. — Его голос стал еще более грубым. — Попробуйте сделать это еще раз, и вы окажетесь в очень неприятном положении! Да я вас...

— Прекратите! — резким тоном перебил его Эббот. — Гарт, не думаешь же ты, что юному Филдингу угрожает какая-то опасность?

— Нет, ей-богу, я так не думаю.

— Ага! — пробормотал Твигг.

Гарт, сосредоточенно пытающийся собрать воедино все факты, о которых он думал, выглядел так, словно находился за много миль отсюда. Он посмотрел на письмо, лежащее на столе.

— Вчера, — сказал он, — я действительно не был уверен, не дойдет ли дело еще до одного насилия. Ночью я расспрашивал кое о чем миссис Боствик, а в это время кто-то подкрался по коридору к двери моего номера и подслушал нас. Не стоит хвататься за блокнот, мистер Твигг. Во-первых, я не знаю, кто это был. А во-вторых, теперь я начинаю думать, что у меня была просто-напросто галлюцинация.

Цвет лица Твигга снова изменился.

— Угрожает какая-то опасность? — повторил он слова Эббота и взмахнул блокнотом. — Этому юноше? В воскресенье, в то время, когда подают чай? Перед самым большим отелем в Фэрфилде, когда снаружи громко играет оркестр?

— Я уже сказал вам, мистер Твигг, что размышлял над этим. Этот преступник совершил убийство, потому что был очень напуган. Так ведь обычно и происходит, вам не кажется?

— Пусть вас не волнует, как обычно это происходит. Если бы вы больше знали о преступниках, которые совершают убийства в реальной жизни, доктор Дэвид Гарт...

— Я знаю о них столько, — с побледневшим лицом ответил Гарт, — что уже несколько раз был в качестве свидетеля в Олд-Бейли⁹. Глайнис Стакли была убита, потому что убийца испугался. По-другому и быть не могло. Но еще раз это не произойдет. Еще раз это не должно произойти. Разве что если... — Гарт замолчал и после паузы продолжил: — Кстати, мистер Твигг, вы узнали в Олд-Бейли, что я написал несколько дурацких книжонок под псевдонимом Фантом?

— О Господи! Доктор, вы что, хотите, чтобы я попал в сумасшедший дом? Неужели мне и без этого мало забот? Мистер Эббот! Я апеллирую к вам.

— А я говорю вам обоим, — рявкнул Эббот, упрямо пытаясь сохранить спокойствие, — что из-за вас меня выселят как нежелательного гостя из этого отеля, если вы оба не понизите голос и не будете вести себя так, как принято в приличном обществе. Вам это ясно?

Как минимум в одном деле Твигг ошибался. Концерт духового оркестра уже закончился. В салон входили группами и по одному другие гости, желающие выпить чаю. Начались громкие разговоры, и, хотя гости собирались довольно медленно, сразу стало шумно. В противном случае та сцена, которую устроили Твигг и Гарт, обязательно привлекла бы к себе всеобщее внимание.

— Вам это ясно? — упрямо спросил Эббот.

Гарт взял себя в руки и сел.

— Ну, хорошо, — сказал Эббот. — Если у вас имеются какие-нибудь вопросы, инспектор, немедленно задавайте их. Если у вас нет вопросов, мы сейчас же заканчиваем это обсуждение.

— Благодарю вас, сэр, у меня имеются вопросы. Ничто не заканчивается так просто, как это представляет себе доктор.

— Или как это представляю себе я, да? — поблескивая моноклем, спросил Эббот, он снова был воплощением радушия. — Ну, ладно! Так какие же у вас имеются вопросы?

— Доктор, — начал Твигг, которому явно стоило значительных усилий подчиниться дисциплине, — вы спросили: «Какая женщина?». И вы, очевидно, полагаете, что я тоже должен был задать этот вопрос. Что ж, возможно. Однако есть одна женщина, причем это не леди Калдер и не миссис Боствик, с которой мне бы очень хотелось поговорить, и притом сегодня.

— Вы имеете в виду миссис Монтэг?

— О! — воскликнул Твигг. — Если это та немощная дама, которая едва не рассталась с жизнью в пятницу вечером, то давайте оставим ее в покое. Нет, нет, доктор! Я имел в виду некую миссис Хеншью, миссис Э. Хеншью, — и Твигг заглянул в свой блокнот, — которая в настоящее время пребывает у своей замужней дочери в Банче, на Акация-авеню, 72. Вам говорит что-нибудь это имя?

(Внимание! Внимание!)

У Гарта не было причин опасаться — по крайней мере, вот так, сразу, ему ни одна причина не пришла в голову, — что здесь его можно как-то уязвить. Однако уже снова началась охота, и он был тем зверем, на которого охотились. Он вовремя насторожился.

— Миссис Хеншью? Мне кажется, это экономка леди Калдер.

— Значит, «вам кажется», что это экономка леди Калдер? Черт возьми, доктор, ну почему я, сколько живу на свете, не могу получить понятный ответ на понятный вопрос? Вы ведь прекрасно знаете, что это действительно экономка леди Калдер.

— Да, я это знаю.

— Ну, конечно же, знаете. Я бы даже сказал, что вы неоднократно встречались с миссис Хеншью. Она была чем-то вроде компаньонки, когда вы и леди Калдер, а также другие гости отправлялись купаться, верно? Либо когда вы устраивали на пляже тренировки по спасению утопающих.

(Внимание! Внимание!)

— Если вам нравится называть ее компаньонкой, мистер Твигг...

— Дело не в том, что мне нравится или что мне не нравится. Просто ответьте мне на понятные вопросы, если вам ничто не мешает это сделать. Кстати, знаете ли вы, доктор Гарт, чем я занимался в поезде, который вчера ночью вез меня обратно в Лондон?

---

⁹ Центральный уголовный суд.

— Поскольку я не умею гадать по звездам или читать по хрустальному шару, мистер Твигг, то я, к сожалению, этого не знаю. Может, вы для разнообразия попытаетесь задать действительно понятные вопросы?

— Тут я вам сыграл на, руку, верно? Ну, ладно. Не буду вас спрашивать, а просто сам отвечу. — Твигг сделал маленькую паузу. — Я читал книгу, которая называется «Тайна желтой комнаты».

Глава 14

Поскольку торопливые шаги официантов не создавали никакого шума, благодаря мягкому ковру, тишину в салоне нарушали лишь передвижение и дребезжание подносов с чайными сервизами. Джордж Альфред Твигг, думал Гарт, избрал очень коварный способ нападения, он всегда атакует человека с той стороны, откуда тот не ждет атаки. Гарт смотрел на край стола и размышлял. Воспользовавшись паузой, в разговор вступил Эббот.

— «Тайна желтой комнаты»? — спросил он. — Где вы раздобыли эту книгу? Надеюсь, вы не взяли ее в доме леди Калдер?

— Не взял, сэр, да в этом и не было необходимости, — с достоинством ответил Твигг. — Она вышла в шестипенсовой библиотечке «Дейли-Мейл». Ее можно купить в книжном киоске на каждом вокзале. Что я и сделал.

— Зачем?

— Ну, вы меня удивляете, мистер Эббот! Зачем человек покупает книгу? Я просто хотел знать, о чем она. Вы читали ее, сэр?

— Нет, но, по-видимому, должен был прочесть. И вы нашли в этом приключенческом романе из числа тех, которые так презираете, то, что вам помогло?

— У них там во Франции в высшей степени странные законы, сэр, если эту книгу брать в качестве примера. Да и в суде там ведут себя очень странно. А если вы узнаете, что там позволяют журналистам, то у вас просто волосы встанут дыбом.

Понимаете, мистер Эббот, — ледяной взгляд Твигга был устремлен на Гарта, — это книга об одном старом ученом и его дочке, которая, если вы сможете в это поверить, тоже ученая. Они вдвоем работают над какой-то загадочной штукой, которая там называется «мгновенный распад материи», — это нечто такое, как если бы вы при помощи какой-то бомбы (да-да!) могли устранить человека так, чтобы от него не осталось никаких следов.

— Ну и как? — спросил Эббот. — Там кого-нибудь убили при помощи бомбы?

— Нет, сэр.

— В таком случае какая же здесь связь?

— Это я вам и пытаюсь объяснить. — Твигг по-прежнему смотрел на Гарта. — Эта молодая дама в романе (собственно, она не такая уж и молодая) спит в маленькой комнатке с желтыми обоями, запертой, как бронированный сейф, но только изнутри. Среди ночи оттуда доносятся крики, звуки драки и выстрелы. Когда туда проникают...

— А потом оказывается, что туда все-таки каким-то образом можно было попасть, да? — с кислым видом спросил Эббот.

— Эта девушка не мертва, но выглядит так, словно она не выживет. Синяки на шее оттого, что кто-то душил ее, рана на голове и везде пятна крови. И к тому же кровавый отпечаток мужской руки на стене. Однако там никого нет, только жертва, а комната по-прежнему заперта изнутри.

— Гм. И это должно каким-то образом помочь в нашем деле?

— Я просто уверен, сэр, что эта разгадка нам поможет. Вы читали эту книгу, доктор Гарт?

— Да. — Гарт поднял глаза. — Да, я читал ее.

— В таком случае, что бы вы назвали самым важным в этой разгадке?

— Я бы назвал то же, что и вы.

— Ага! И что же это? Может, вы нам скажете?

— С удовольствием. — Гарт встал. — Однако вначале я бы хотел выяснить, по какой методике вы читаете. Поскольку вы упомянули об эпизоде в суде, вы должны были прочесть эту книгу всю, до самого конца.

— Не ваша забота, до какого места я дочитал ее. Сейчас это нас не интересует.

— Напротив, это нас очень интересует. Маловероятно, что вы прочли книгу, в которой почти сто тысяч слов, за время короткого путешествия поездом из Фэрфилда в Лондон. Мистер Твигг, почему бы вам не признаться, что эту уловку вы запланировали уже заранее, в надежде любым возможным способом застигнуть меня врасплох?

— Вопросы здесь задаю я, доктор! Ну, так что же самое важное в этой разгадке?

— Я бы сказал, личность убийцы. Убийца, некто Фредерик Ларсан, детектив из полиции, который только делает вид, будто разгадывает целый ряд убийств, которые совершил он сам. Несомненно, это и есть тот самый важный момент, который вы имеете в виду.

— О боже! — взвизгнул Твигг. — Да вы просто насмехаетесь надо мной!

Его заставило замолчать слово, вырвавшееся из уст Каллингфорда Эббота. Эббот на мгновение отвернулся, чтобы замаскировать улыбку, потому что, когда он снова повернулся к Гарту и Твиггу, на его лице уже было ироническое выражение.

— Это и есть самый важный момент? — спросил Гарт.

— Нет, — ответил Твигг, который внезапно снова стал учтивым и выглядел еще более зловеще, чем до этого. — Нет, доктор. Не это самое важное, и вам об этом хорошо известно. Но я тоже умею шутить. Возможно, мне тоже следовало начать с шуток.

— Уверяю вас, — в отчаянии сказал Гарт, — мне еще никогда в жизни не хотелось смеяться меньше, чем сейчас.

— Нет? Почему же в таком случае вы насмехаетесь надо мной?

— Я не знаю, как устроены мозги у полицейских, мистер Твигг. Я не знаю, как рассуждают полицейские. Но приводить в качестве примера «Тайну желтой комнаты» — это чушь как с практической точки зрения, так и с эстетической.

— Эстетической! — изумленно повторил Твигг. — Эстетической! Ого! — Это слово разъярило его точно так же, как другое слово вчера вечером. — Что значит это «эстетической»? Будьте так добры, ответьте мне.

— Я хочу сказать, что это некорректно с обеих точек зрения. Вы не имеете права брать из детективной истории один отрывок, который, как вам кажется, подтверждает вашу версию, и не принимать во внимание другой отрывок, который противоречит первому. Убийство в «Тайне желтой комнаты» совершенно не похоже на убийство в нашем павильончике, а леди Калдер не имеет ни малейшего отношения ни к одному, ни к другому.

— В таком случае я задам вам вопрос, касающийся леди Калдер. Сколько у нее купальных костюмов?

— Что?

— Вы прекрасно меня слышали, доктор. Сколько купальных костюмов имеется у леди Калдер?

Снова неожиданный удар с той стороны, откуда его совсем не ждали! Гарта охватил страх, который, впрочем, никогда не покидал его надолго, когда речь шла о Бетти. Он чувствовал, как на каждом шагу его подстерегает поражение; даже приступы злости у Твигга начинали казаться ему притворными. Он прекрасно понимал, что уже не сумеет противостоять полиции как равный соперник, и тем не менее все же каким-то образом он должен суметь!

— Но у нее больше одного костюма? Это вы подтверждаете?

— Больше одного? Да, думаю, что да.

— Ага! И этой даме не очень понравилось бы, если бы ее купальные костюмы надевала какая-нибудь другая женщина? Или ее купальный халат, раз уж об этом зашла речь?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — снова сказал правду Гарт, — потому что мы с ней никогда не говорили об этом.

— А я могу ответить, — сказал Твигг, — потому что сегодня днем немного поговорил об этом с миссис Хеншью. Что сказала леди Калдер о том купальном костюме, который ее сестра надела в субботу днем? Она сказала, что Глайнис Стакли где-то нашла этот костюм без ее ведома и надела его без ее ведома. Леди Калдер сказала именно так. Верно?

— Ну, хорошо. И что же следует из того, что леди Калдер сказала именно так?

— То, что она сказала неправду. Эти вещи она держала под замком. Миссис Хеншью готова показать это под присягой. Если Глайнис Стакли каким-то образом заполучила купальный костюм или купальный халат в этом доме, то это могло быть только в том случае, если ей их дала сама сестра.

Такова первая улика, свидетельствующая против этой дамы, доктор. Вторая улика — это велосипед. Этот велосипед обычно держат в сарайчике с северной стороны дома, недалеко от велосипедной дорожки, ведущей к шоссе. Она говорит, что ездила на этом велосипеде по окрестностям вплоть до той минуты, когда сразу после шести часов встретила с Ормистоном. Юный мистер Ормистон клянется, насколько этот парень вообще может клясться, что он вообще ее не видел.

А что можно сказать о том отрезке шнура, которым убийца воспользовался, чтобы задушить Глайнис Стакли? Разве правдоподобно, что кто-то совершенно посторонний пришел в дом, чтобы найти там орудие убийства? Как ему вообще пришло в голову, что там можно найти шнур? Или что шнур можно найти в задней комнате, где его неделю назад оставили мастера, чинившие слуховое окно?

— Секундочку, мистер Твигг! Вы можете доказать, что этот шнур находился в задней комнате?

— Ха! Могу. Это сообщила миссис Хеншью.

Каллингфорд Эббот сел и принялся насвистывать сквозь зубы. В салоне стоял сплошной гул от разговоров. Твигг вытянул руку вперед.

— А теперь послушайте, доктор. Вы не хотите, чтобы я подверг допросу леди Калдер, верно? Хорошо, я не стану ее допрашивать. Вы хотите получить шанс, чтобы иметь возможность защитить ее, так? Хорошо, я даю вам этот шанс. В том случае, если бы это дело поручили вам, что бы вы сделали?

— Если вы говорите серьезно...

— Серьезно. Что бы вы сделали, будь вы на моем месте?

— Во-первых, — сказал Гарт, — я бы прочел книгу, которая называется «Чьей рукой?». Во-вторых, поинтересовался бы, что случилось с Майклом Филдингом.

— С Майклом Филдингом? Меня удивляет, что вы снова заговорили об этой ерунде.

— Куда же он подевался, в таком случае? Он сказал, что вернется, однако не вернулся. Вот на столе его котелок. А где же он сам?

И в этот момент Гарт увидел Марион Боствик.

Он смотрел вверх плеча Твигга в западную часть салона, где было несколько полированных инкрустированных деревянных дверей, ведущих в холл. В одной из этих дверей стояла Марион Боствик в белом платье, высоко вскинув голову и повернувшись лицом в сторону салона. Казалось, что она скорее кого-то ждет, а не просто из любопытства разглядывает салон. Она была одна.

— В пятницу ночью, — неожиданно сказал Гарт, не спуская глаз с Марион, — я дал определенное обещание одной особе. До сих пор я это обещание не нарушил, однако ради леди Калдер мне вскоре придется это сделать.

— Гм. Какое обещание, доктор?

— Об этом вы узнаете в свое время. И если вы не хотите поискать Майкла Филдинга, то это сделаю я. Извините.

И Гарт направился в сторону холла.

Твигг что-то проворчал ему вслед, но его слов никто не расслышал. Каллингфорд Эббот тоже что-то сказал, но Гарт уже не обращал на это внимания.

Он не мог идти быстро, чтобы не привлечь к себе внимание. Ему казалось, что это длилось несколько минут, однако в действительности прошло не более шести или семи секунд, когда он подошел к полированным инкрустированным дверям. Он хотел вспомнить лицо официанта, передавшего сообщение Майклу, однако в тот момент, как это и бывает в большинстве случаев, когда речь идет о лицах официантов, не обратил на него особого внимания.

В холле было много людей. Гирлянды электрических лампочек освещали полированную деревянную обшивку холла, подчеркивая его архитектурную красоту. Стены на высоте около четырех метров были украшены фризом, состоящим как минимум из двадцати панелей, на каждой из которых был изображен какой-нибудь боевой корабль флота Его Королевского

Величества, полным ходом плывущий в облаках дыма. На центральной панели прямо над огромной дверью, ведущей на Виктория-авеню, был изображен бронированный дредноут новейшего типа, недавно пополнивший военный флот.

Однако лишь эти картины соответствовали драматизму ситуации.

Портье стоял за своей стойкой и не обращал никакого внимания на звонивший телефон. Два лифта, каждый из которых приводил в действие служитель в белых перчатках, подтягивающий стальной трос, двигались до шестого этажа и обратно вниз. Вокруг холла, словно кареты в Гайд-Парк-Гарденз, медленно и церемонно прогуливались женщины в шляпах.

Эти шляпы казались большими, поскольку имели узкие поля; их украшали букеты цветов и перья. Все женщины были в перчатках, так же как и мужчины. С точки зрения Твигга это означало бы проблему с отпечатками пальцев, если бы...

Марион тоже исчезла. По крайней мере, Гарт нигде ее не видел.

А куда, черт бы его побрал, подевался этот Майкл?

Все эти шляпы и равнодушные лица под ними словно парализовали Гарта и сделали его бессильным. Тут мимо него проплыла фигура, показавшаяся ему знакомой, фигура в полосатом жилете, а поскольку здесь он не мог кричать, он просто преградил путь этой фигуре и вынудил ее остановиться.

— Это вы, да?

— Сэр?

— Вы, случайно, не тот официант, который четверть часа назад передал сообщение от одной дамы молодому человеку, находившемуся вместе со мной в салоне?

— Нет, сэр, это не я. Такие поручения выполняет посыльный. Прошу прощения, сэр...

— Секундочку. Вы обслуживаете гостей здесь или в салоне?

— Здесь, сэр.

— Вы сегодня уже давно находитесь здесь?

— Около получаса, сэр. Если вы соблаговолите...

— В таком случае вы по крайней мере должны были хотя бы видеть его. В холле тогда еще не было всех этих людей. — Гарт быстро описал Майкла. — Он куда-то торопился и был без шляпы и перчаток. — Из руки Гарта в руку официанта незаметно перешли деньги. — Может, я смогу немного освежить вашу память? Вы в самом деле вообще его не видели?

Официант отвернулся, несколько секунд боролся сам с собой и снова повернул голову к Гарту.

— Возможно, я передал сообщение от одной дамы, сэр. Иногда мне приходится это делать.

— Кто она была, эта дама? Вы можете описать ее?

— Нет, сэр, не могу. Я ведь не мог разглядывать эту даму. Это была просто дама.

— Послушайте, я вовсе не ревнивый муж, который шпионит за своей женой. Это дело гораздо важнее. вспомните, и я еще раз освежу вашу память.

Официант начал говорить тише и внезапно превратился в обыкновенного человека.

— Больше денег я не могу взять, сэр, — испуганно прошептал он. — Это ни к чему, даже если бы вы дали мне десять фунтов. Мы не имеем права разглядывать гостей, и поэтому я тогда не разглядывал ее. К тому же она говорила мне на ухо и при этом стояла сзади. Честное слово.

— А почему вы вообще это запомнили?

— Потому что эта дама хотела, чтобы он пришел к ней в «Грот», сэр.

— А что такое «Грот»?

— Это бильярдный зал вон там, внизу. В воскресенье он закрыт.

— Если в воскресенье зал закрыт, как у него могло быть там свидание с этой дамой?

— Я не говорил, что зал заперт. Однако на бильярдных столах чехлы и свет погашен, так что много там не увидишь. Извините, сэр, но я уже действительно должен...

— Последний вопрос! Этот молодой человек пошел туда вниз?

— Да, сэр. Он пошел туда совсем один.

Был погожий воскресный день. Телефон портье звонил не переставая. Официант повернулся и исчез.

В этом холле, отмеченном присутствием дам, чувствовался стойкий аромат духов или цветов, а возможно, и того и другого. На стене, обшитой полированным деревом, висела табличка со

стрелкой, указывающей на коридор в северной части холла, и надписью позолоченными готическими буквами: «К гроту».

Во второй половине этого коридора электрические лампочки не были зажжены. Здесь проходила граница, за которой действовали законы воскресенья. Однако ковры были толстыми, а коридор — широким. Гарт, спешащий в глубь коридора, давно оказался бы в темноте, если бы кто-то не оставил открытым окно из мозаичного стекла в конце коридора. В дневном свете, который в этой северной части отеля позже пяти часов был уже достаточно слаб, он различил контуры первого столбика лестничных перил. Лестница, снабженная еще одной стрелкой и позолоченной надписью «К гроту», вела вниз.

— Майкл! — громко позвал Гарт.

Лестница, широкая и покрытая ковром, указывала, если человек стоял наверху, направление, противоположное северному. Слева на обтянутой тафтой стене лестничной шахты висели дощечки с засушенными рыбами, выглядящими совершенно неправдоподобно и похожими на бутфорские, сделанные из папье-маше, которые никогда не могли быть выловлены в море.

Под лестницей было темно. Примерно до половины лестницы Гарт бежал, потом, поколебавшись, остаток пути прошел медленно. Внизу в темноте открывался довольно низкий коротенький коридорчик, ведущий в «Грот», или в бильярдный зал.

Гарт крикнул:

— Майкл! — И потом: — Есть здесь кто-нибудь?

Некогда было раздумывать, что могло бы произойти, если бы он встретился с тем, с кем ему не хотелось встречаться в темноте. Он совершенно точно знал, что там кто-то есть, хотя и не мог ясно охарактеризовать шелест или движение, выдавшие ему чье-то присутствие.

Он остановился в коридорчике, вынул из кармана коробок и зажег спичку. Прикрыл рукой пламя, пока оно достаточно не разгорелось, но не увидел в его свете ничего, кроме края накрытого чехлом бильярдного стола неподалеку.

Слева от него, еще в коридорчике, на стене висело что-то похожее на низкий деревянный ящичек. Прежде чем спичка успела погаснуть, на этом ящичке блеснула замочная скважина. Перчатки у Гарта были тонкие, а ящичек оказался незапертым. Он открыл его кончиками пальцев, а когда начал нажимать на выключатели электрического освещения, чей-то голос что-то крикнул ему.

Три люстры осветили три зачехленных стола в помещении с низким потолком, каменным полом, причудливыми нишами в стенах и другими витринами с засушенными рыбами, словно в замерзшем аквариуме. У первого бильярдного стола стояла Бетти Калдер.

Он еще никогда не видел Бетти разъяренной, но сейчас она была в ярости.

— Что ты здесь делаешь? — пронзительным голосом закричала она. — Чего тебе нужно? Неужели ты не можешь наконец оставить меня в покое?

— Что я здесь делаю?

— Да!

Очевидно, она прочла по его лицу, что он пришел в ужас. Он явно чего-то боялся. Однако, возможно, злость Бетти тоже являлась самоцелью, как если бы она вообще не умела ненавидеть, хотя и любила. В любом случае она ударила кулаком по столу скорее от безнадежности, чем под влиянием какого-то другого чувства.

— Какой смысл продолжать это? Какой смысл верить, что мы когда-нибудь могли бы быть счастливы вместе? А теперь мы неискренни даже по отношению друг к другу, не так ли?

— Да, Бетти, мы неискренни по отношению друг к другу.

— И никогда не будем искренними! Никогда! Почему ты не уйдешь и не оставишь меня в покое? Лучше бы я умерла...

— Ради бога, Бетти, ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь! Где Майкл Филдинг?

— Я не знаю, где он! Как я могу это знать? И вообще, мне это безразлично.

— Тебе это не должно быть безразличным, моя любимая. Тебе не должно быть безразлично, если этот юноша мертв и если Твигг снова найдет нас вместе в самый неподходящий момент.

Нижняя губа Бетти отвисла, так что ее губы образовали почти квадрат вокруг красивых зубов. О ее лице никто не мог сказать, что оно жестокое или некрасивое, но сейчас, после шока, который она, очевидно, испытала, оно выглядело почти таким.

— Мертив? Почему ты говоришь, что он мертив?

— В лучшем случае он просто исчез. Какая-то женщина вызвала его из салона приблизительно через минуту после того, как ты оттуда ушла. Бетти, надеюсь, ты не была той женщиной, которая вызвала его оттуда?

— Нет!

— Известно, что он пошел вниз. Один. Ты видела его?

— Нет!

В бильярдном зале было холодно и довольно сыро. Гроты из крупных камней, устроенные в стенах, образовывали что-то вроде альковов, и в каждом из них была тусклая электрическая лампочка над дощечкой с уникальным уловом, так чтобы можно было прочесть на табличке с белой надписью, кто и какую рыбу выловил, и дату, когда эта рыба была выловлена. Однако Гарт внимательно смотрел лишь на ближний край бильярдного стола, у которого стояла Бетти.

Там нечто привлекло и приковало его взгляд, нечто такое, что едва было видно, хотя на это нечто светили с потолка люстры.

— Бетти...

Гарт сделал несколько шагов вперед, быстро снимая перчатки, засовывая их в карман и одновременно вытаскивая платок. Он дотронулся указательным пальцем до края стола. Потом сразу же вытер руку платком и сложил его.

— Постарайся сохранить спокойствие, — сказал он, — и снова не теряй головы. Ведь это, — он постучал по краю стола, — ведь это пятно крови. Бетти, где Майкл Филдинг?

Глава 15

— Не знаю. Я вообще не видела его. Если ты думаешь, что это не так, ты, наверное, просто сошел с ума.

— Ты долго находишься здесь, внизу?

— Две... две-три минуты, не дольше. Вот и все.

— Если ты что-то скрываешь, Бетти, скажи об этом мне. Ты не должна меня опасаться.

Бетти сделала глубокий вдох.

— Да, я знаю, что не должна. Я знаю, что ты будешь защищать меня. Ты уже защищаешь кое-кого другого, разве не так?

Она уже не владела своим нежным голосом, от него осталось лишь напряженное дыхание. Гарт неотрывно смотрел на эту восковую бледность и потухшие карие глаза. Сейчас не стоило говорить ей, что женщина, каждая женщина, умеет выбрать самый неподходящий момент для сцен обиды или ревности, доходя при этом до грани исступленной ненависти.

— Так значит, — сказал он, — это ты была под дверью моего номера вчера ночью. Ты подслушала мой разговор с Марион Боствик.

— Да, я слышала его. Я слышала все. Хотя во второй раз ты едва не поймал меня.

— Бетти, неужели ты действительно не можешь понять...

— Нет, не могу. Вплоть до той минуты я ругала себя за то, что плохо относилась к тебе, и ненавидела себя за это. Но потом мне это стало казаться смешным. Разве я была хоть когда-нибудь такой же скверной, как твоя драгоценная-предрагоценная подружка миссис Боствик? А теперь я скажу тебе, что в действительности произошло в субботу...

— Нет, не скажешь!

— Я скажу тебе...

— А я тебе говорю, что ты этого не скажешь! — крикнул Гарт; обошел вокруг стола и встал рядом с ней. — Бетти...

Серые перчатки взлетели, готовые растерзать. Однако и это был всего лишь жест.

— Я уже догадался об этом, но сейчас у нас нет времени. Если с Майклом Филдингом что-то случилось, этого будет достаточно, чтобы тебе пришлось объяснять свое сегодняшнее поведение.

— А ты полагаешь, что мне будет трудно объяснить свое сегодняшнее поведение?

— Можешь уже сейчас попытаться объяснить, что ты делаешь здесь внизу. Именно в бильярдном зале. Почему ты убежала из салона?

— Я спустилась сюда, потому что это единственное место в этом ужасном отеле, где человек может побыть в одиночестве в воскресенье. В одиночестве, в абсолютном одиночестве. Разве тебе никогда не хотелось побыть наедине с собой и спрятать свое лицо от всех? Нет, тебе наверняка не хотелось. Ты относишься к тем людям, которые никогда не выходят из себя и всегда сохраняют спокойствие. Я знала, что ты не веришь мне. Знала это уже со вчерашнего вечера. Но я не предполагала, насколько ты не веришь мне, до тех пор пока ты не показал Майклу Филдингу тот листок бумаги с напечатанным на машинке текстом и не сказал ему, что был вынужден солгать мне, будто это письмо написал ты.

— Ты слышала ночью, что я говорил Марион. И тем не менее ни словечка не упомянула об этом сегодня. До тех пор пока такая глупость, как это письмо, не разозлила тебя.

— Так, значит, это глупость? Значит, то, что произошло с этим письмом, это, по-твоему, глупость! Как я ненавижу тебя! Я никогда в жизни никого так не ненавидела!

— Бетти, замолчи!

— Ну, ударь меня! Почему ты меня не ударишь? Я знаю, что ты сделал бы это с большим удовольствием. Я вижу, как ты поднимаешь руку. Ну, почему ты меня не ударишь?

— Замолчи, говорю я тебе. Мы должны найти Майкла. Мы обязательно должны найти Майкла! Еще минута и...

Гарт знал, что еще минута, и Бетти расплачется, и остановить этот плач он сможет только, дав ей сильную пощечину. Но именно этого он и хотел; его даже испугало, что он испытывает такое сильное желание ударить Бетти или трясти ее так, чтобы у нее стучали зубы.

Гарт быстро повернулся, оглядел помещение и принялся размышлять.

Он чувствовал, как у него на лбу выступает пот. В этом так называемом «Гроте» они, казалось, совершенно затеряны, как в каком-то подводном мире, где нет абсолютно никаких звуков, если не считать звука шагов Гарта. Он быстро направился к альковам с рыбацкими трофеями.

Возможно, они действительно были полированные или лакированные; Гарт не настолько хорошо разбирался в рыбной ловле, чтобы это знать. В каждом алькове был, кроме того, круглый столик со скамеечкой, обтянутой зеленой кожей. Он заглянул подо все скамеечки и осмотрел искусственно нагроможденные камни над головой. Потом вернулся к бильярдным столам.

— Больше здесь искать негде, — сказал он. — Майкла здесь нет.

— А тебя это удивляет? Наверное, он исчез. Наверное, это я устроила, чтобы он исчез, словно колдунья в одной из тех книг, которые ты мне дал.

— Ладно, с этим пора кончать, Бетти. Именно здесь отчасти кроется причина наших затруднений, и ты должна узнать об этом прямо сейчас. Я не только дал тебе эти книги, многие из них я написал сам.

— О боже, о чем это ты снова говоришь?

— Только о том же: возможно, я не очень хорошо защищаю тебя. Однако не думаю, чтобы тебя повесили только потому, что я написал несколько романов о преступлениях, которые, на первый взгляд, было невозможно совершить.

— Только не оправдывайся. Не стоит. Ты ведь занимаешься еще кое-чем, не правда ли? Ты замечательно защищаешь свою драгоценную, драгоценнейшую миссис Боствик!

— А что может произойти, — нарушил тишину новый голос, — с его драгоценной, драгоценнейшей миссис Боствик?

Буквально за полсекунды до того как раздался этот новый голос, Гарт заметил полосу света, который, впрочем, мог быть включен уже давно. Сводчатый коридорчик, ведущий в бильярдный зал, был ярко освещен снаружи. Освещены были также красная ковровая дорожка, ведущая к лестнице, и красный ковер на лестнице, и латунные прутья, придерживающие его; полированные стены с обеих сторон. Все это сияло в ярком свете. У подножья лестницы стоял Винсент Боствик, прижимая цилиндр к груди и держа под мышкой трость с серебряным набалдашником.

— Итак, мадам, — спросил он, — могу ли я поинтересоваться, что вы имели в виду?

Бетти не пошевелилась, а ее лицо сейчас абсолютно ничего не выражало. Однако Гарт тремя широкими шагами преодолел расстояние, отделяющее его от коридорчика.

Весь коридор над лестницей был освещен хрустальными люстрами, висящими под роскошно отделанным потолком. На середине лестницы слева у перил стояла Марион Боствик, а ее голубые глаза ничего не выражали, так же как и глаза Бетти.

Винс сказал:

— Я спросил...

— Разумеется, — перебил его Гарт, внутри у которого все кипело. — Но мы думали, что ты ушел, Винс. Мы думали, что вы оба ушли. Мы думали, что ты всегда ходишь за Марион.

— Я действительно хожу, милый друг, — сказал Винс совершенно другим тоном. — Поэтому я вернулся. Марион не ушла. Она подумала, что у тебя внизу какие-то странные делишки, и я подкупил одного служащего, чтобы он включил здесь свет.

— А почему Марион подумала, что у меня здесь какие-то делишки?

— Ну, понимаешь...

— Не позволяй им запугать себя, Винс! — воскликнула Марион. Ее губы искривились в гримасе, выражающей смесь испуга и жестокости. Она великолепно выглядела в белом платье на фоне красного ковра и полированных дубовых панелей.

— Не позволяй им запугать себя, Винс, — повторила она, наклоняясь вниз. — Ты всегда позволяешь всем себя запугивать. А я этого не хочу! Что бы ни говорил Дэвид, нам нечего бояться.

Винс покачал головой.

— Бывают моменты, дорогая, когда тебе недостает элементарного приличия. Seriously, бывают моменты, когда тебе не хватает приличия. Во многих смыслах этого слова. Я не намерен здесь ссориться, чего ты от меня, очевидно, ждешь.

— В таком случае буду ссориться я, Винс. Буду ссориться сейчас!

— Ну, начинай, Марион, — сказал Гарт.

Однако он не узнал, что могло бы произойти или что сказала бы Марион. Наверху на лестнице появились еще две фигуры — молодой человек с бледным лицом и неуверенной походкой и пожилой джентльмен с пышными седыми усами, сжимающий выше локтя руку молодого человека, — и остановились там, глядя на находившихся внизу.

На обоих вновь пришедших падал яркий свет из хрустальных люстр. Этим пожилым джентльменом был Каллингфорд Эббот. А молодым человеком был Майкл Филдинг.

— Идите вниз, — буркнул Эббот своему спутнику и отпустил его руку. — Пожалуйста, идите вниз и попросите прощения. Можете мне поверить, сегодня днем я уже поставил на место одного юношу вашего возраста. И сейчас собираюсь сделать то же самое. Идите вниз!

Появление Майкла, казалось, должно было сразу снять напряжение, однако этого не произошло. Выражение его глаз, сжатые губы, почти неестественный блеск высокого воротничка — все это говорило Гарту, что худшее еще впереди.

И несмотря на то, что он появился так неожиданно, от внимания Гарта не ускользнуло, какое в этот момент выражение лица было у Марион, хотя больше никто этого не заметил. Марион, Винс и Гарт смотрели на верхнюю площадку лестницы. Бетти прибежала в коридорчик и тоже глядела наверх.

Эббот, все еще стоящий на верхней ступеньке, вытащил из рукава платок и промокнул им губы, как искусный иллюзионист. Потом засунул платок обратно в рукав, поднял правую руку и сделал жест, предназначенный кому-то, кого не было видно. Люстры погасли. Погас весь свет наверху, остался лишь слабый отблеск из бильярдного зала. За спиной Эббота Гарт видел квадрат угасающего дневного света в окне из мозаичного стекла, по-прежнему наполовину открытым, а также (раньше он этого не замечал) еще одну вертикальную полоску света за какой-то полуоткрытой боковой дверью.

Майкл споткнулся в этой неожиданно наступившей полутьме и едва не упал на лестнице. Винс отступил в сторону. Первой заговорила Бетти.

— Надеюсь, теперь ты успокоился, — сказала она, обращаясь к Гарту. — И они, надеюсь, тоже. Надеюсь, что все, все успокоилось!

И она побежала наверх.

Гарт лишь мельком увидел выражение безнадежности и отчаяния на ее лице, когда она, приподняв юбки, словно слепая, взбежала вверх по лестнице. Пробегая мимо Марион, она

слышала, как та смеется. Гарт не пытался ее задержать. Теперь его чувства (а они были очень сложны) сосредоточились прежде всего на Марион и Майкле Филдинге.

— А теперь, милый Гарт, — строгим голосом сказал Каллингфорд Эббот, спускаясь с лестницы, пожалуй, чересчур эффектным шагом, — теперь мы проясним это недоразумение.

— Да, конечно.

— Во-первых, я избавился от Твигга. Прошу тебя, не спрашивай, как мне это удалось, однако я избавился от него на несколько минут, так что он не будет тебя беспокоить. Во-вторых, из-за всех этих прогулок и переполоха я превратился в идиота.

— В этом я не совсем уверен.

— Нет? — Непринужденным движением Эббот вставил монокль в глазную впадину. — Твигг уже собирался отправиться в отель, чтобы найти тебя. Наш милый секретарь (называй его секретарь, а не портье) был вне себя от злости. А мне достаточно было зайти в... мне достаточно было умыться руки, и я обнаружил там этого юношу, которого вы искали, здорового и невредимого, как видишь.

— В этом я тоже не уверен. — Гарт быстро повернулся. — Майкл, что произошло?

— Да, Майкл, — крикнула Марион, — что произошло?

Пока Бетти бежала наверх, Майкл спустился по лестнице и вбежал в бильярдный зал. Теперь он стоял спиной к ближнему столу прямо под люстрой, на лице у него было испуганное, выжидательное и недоверчивое выражение.

— Да простит меня Бог, но вы, шеф, наверное, сошли с ума. — Майкл повысил голос. — Что произошло? Ничего не произошло. Это была шутка.

— Что?

— Шутка! Причем, не очень удачная. Вы ведь присутствовали при этом, да? Ну, когда тот официант вошел в салон и принялся шептать мне на ухо.

— Да, я присутствовал при этом. Что сказал тот официант?

— Что якобы какая-то дама желает поговорить со мной с глазу на глаз в «Грот» (это его точные слова) кое о чем, что имеет отношение «к этому делу». Ну, естественно, что сразу же пришло мне в голову? — Майкл внезапно сглотнул, словно у него болело горло. — Мне пришло в голову, что она имеет в виду это убийство, о чем я вам и сказал. Я не знал, что такое «Грот», хотя по всему отелю развешаны таблички с этой надписью и стрелками, указывающими, как туда пройти.

Официант сказал вам, кто эта дама?

— Нет. Он утверждал, что не видел ее. Потом, когда я уже шел сюда, мне это не давало покоя. Слова «это дело» могут ведь означать что-нибудь другое.

— Ага! — выдохнул Каллингфорд Эббот, который стоял рядом с Марион Боствик и поглаживал усы. — А потом вы, конечно, подумали, что какая-то красотка хочет с вами познакомиться, верно? А вы случайно чуточку не переоцениваете себя, юноша?

Тем временем все столпились вокруг Майкла, который теперь стоял, понунив светловолосую голову. После этих слов напряжение еще больше усилилось.

— О чем бы я ни думал, это продолжалось недолго. Что я стал бы делать в этом месте? В бильярдном зале?! К тому же здесь никого не оказалось. Я подождал восемь или десять минут. Потом мне стало ясно, что надо мной подшутили, и я ушел отсюда. Это не самое чистое место на свете, сами видите.

Потом Майкл повернулся к Гарту и спросил:

— А зачем весь этот шум, шеф? Тут что, кто-то сошел с ума? Я всего лишь зашел в... туда, чтобы умыться и почиститься, а на меня сразу набросился этот пожилой джентльмен с моноклем, словно я украл королевские драгоценности. Прошу прощения за то, что я разговаривал с ним слишком резко и советовал не совать нос в чужие дела. И вообще, с меня на сегодня уже вполне достаточно этих удовольствий.

— Это еще не все, — сказал Эббот, — если вы не будете вести себя, как следует. Ну, ладно! Я принимаю ваши извинения. Ничего плохого не произошло. Как по-твоему, Гарт?

— А что, если я так не думаю?

— Что ничего плохого не произошло?

— Так значит, вы говорите, Майкл, — спокойным тоном спросил Гарт, — что никого здесь не видели? И что ничего плохого в этой темноте с вами не произошло?

— Черт возьми, шеф, что плохого могло со мной произойти? Я ведь в полном порядке. Разве вы не видите? У меня даже воротничок не измят. Так в чем же дело?

— Меня удивляет, — после минутного молчания ответил Гарт, — почему вы вообще упомянули об этом воротничке. Многие люди берут с собой запасной воротничок в жаркое воскресенье. На полотне, которым накрыт этот бильярдный стол, имеется большое пятно крови, приблизительно в десяти сантиметрах от того места, куда вы опираетесь правой рукой.

— Шеф!..

— На вас здесь кто-то напал, да? И вы так перепугались, что едва не сошли с ума. Вы ведь сами медик, так что позвольте, я осмотрю ваши горло и ноздри.

Майкл перебежал на противоположную сторону стола, словно хотел сохранить расстояние, равное его длине, между собой и приближающимся Гартом. Однако атмосфера уже, очевидно, повлияла на большинство присутствующих. Марион стояла выпрямившись, ее глаза и губы выражали презрение. Винс устался в пол.

— Молодой человек, — лаконично спросил Эббот, — это правда?

— Нет! Нет! Клянусь, это неправда!

— Если вы позволили убийце запугать вас до такой степени, что теперь ничего не скажете, Майкл, — произнес Гарт, — вполне может случиться, что из-за вас повесят невинную женщину. Вы видели леди Калдер? Вам нравится эта перспектива?

— Помилуй меня Бог, нет, шеф!

— А если вы позволите Дэвиду запугать вас до такой степени, что исполните все его желания, бедняжка Майкл, — весьма убедительным тоном сказала Марион Боствик, — вы окажетесь еще глупее, чем я до сих пор считала. Мы ведь ничем ему не обязаны! Мы не должны его бояться! Ему нужно только одно: защитить свою любовницу из того домика возле пляжа. Или, возможно, вы скажете, что это неправда, Дэвид?

Гарт по инерции сделал еще два шага к бильярдному столу и обернулся.

— Марион, — сказал он, — не развязывайте войну. Во имя старой дружбы не развязывайте войну.

Марион приподняла одно плечо.

— Дэвид, что за чушь вы несете? Болтаете невесть что, да к тому же с таким спесивым видом? Войну?

— Войну между вами и мной. Я стараюсь избежать ее.

— Ну-ну! Полегче на поворотах! Я не имею ни малейшего понятия...

— Если не вы, то Винс имеет понятие.

— У меня есть куча понятий, чтобы вы знали, — сказал Винс, покачал головой и бесстрастно посмотрел на Марион, — понятий, о которых даже моя проклятая болтливость никому не говорит и позволяет им спокойно спать. Марион, малышка, я бы на твоём месте вел себя чуточку осторожнее. Ты думаешь, что Дэвид больше тебе не нужен. Ты думаешь, что он не осмелится выбросить тебя за борт, чтобы вместе с тобой не выбросить туда Бетти Калдер. Ты, как безумная, становишься на слишком тонкий лёд, моя любовь. Будь осторожнее! Я уже однажды предупредил тебя, но ты никогда не умела думать на два хода вперед.

— Ну, если уж ты заговорил о безумцах, — сказала Марион, — то они меня окружили сейчас со всех сторон. Ну, Майкл, скажите этим глупцам, был кто-нибудь в этом помещении, когда вы пришли сюда несколько минут назад?

— Нет, Марион, здесь никого не было.

— А на вас напал кто-нибудь, милый Майкл?

— Нет! Нет! Нет! И на шее у меня нет никаких синяков!

— Если человек хочет узнать правду и ничего, кроме правды, а я, прошу вас мне верить, тоже этого хочу, — это страстное желание Марион звучало, как желание материализованного ангела, — это вовсе не так трудно, как думают люди. И это действительно правда! Вы должны понять, что это правда. А если вам это непонятно, то вы просто болваны! Мистер Эббот, разве вам не понятно, что это правда?

— Эббот... — довольно раздраженно начал Гарт.

— Послушайте, если вы будете вмешиваться... — почти завизжала Марион.

Их голоса звонким эхом отражались от каменных гротов. Майкл оцепенело стоял у бильярдного стола. Винс снова уставился в пол.

— Послушайте меня, вы все! — сказал Каллингфорд Эббот.

Мгновенно стало тихо.

Эббот снова вытащил из рукава платок и приложил его к губам и ко лбу. Он колебался. Направился в сторону коридорчика, словно хотел уйти, но тут же вернулся.

— Еще двадцать четыре часа назад, — сказал он, — я стал бы самоуверенно утверждать, что сумею овладеть любой ситуацией. И вот, пожалуйста, этой ситуацией я овладеть не могу. Я не господь Бог. Несмотря на все свои заявления, я всего лишь руководитель департамента уголовного розыска. Твигг принес пару новостей, Гарт.

— Да?

— Предварительное разбирательство по делу Глайнис Стакли состоится завтра в Фэрфилдском муниципальном совете. Тебе уже известно об этом?

— Нет, конечно нет. А какую позицию займет полиция во время этого разбирательства?

— Не знаю. Более того, думаю, что Твигг не скажет мне об этом. — Лицо Эббота стало еще более серьезным. — Возможно, он будет добиваться отсрочки. Однако, с другой стороны, если принять во внимание, как теперь настроен Твигг, возможно, полиция неожиданно предъявит доказательства, которые приведут к вердикту, что речь идет о преднамеренном убийстве и, согласно предварительному заключению, в нем будет обвиняться леди Калдер.

— Значит, разбирательство будет коротким?

— К сожалению, да.

— А Майкла тоже допросят в качестве свидетеля?

— Гм! — Монокль многозначительно блеснул. — Связь этого юноши с Глайнис Стакли не имеет — по крайней мере с точки зрения закона — ничего общего с убийством, совершенным вчера днем. Если уж мы начали этот разговор, то юного Ормистона тоже не вызовут, так же как мистера и миссис Боствик, даже если бы они что-то знали. Единственная, кто обязательно будет давать показания, это леди Калдер как ближайшая родственница. А также, очевидно, ты, поскольку именно ты обнаружил труп.

— Я хотел бы спросить тебя кое о чем. — Эббот сделал нервный жест. — У тебя имеются какие-нибудь доказательства, кроме психологических, Гарт? Что, если полиция займет ту, другую, позицию? Если бы тебе пришлось быть адвокатом леди Калдер во время этого разбирательства, ты смог бы воспрепятствовать вынесению вердикта, что речь идет о преднамеренном убийстве?

— Нет, не смог бы. Многое из того, что говорит Твигг, это правда.

— Стало быть, грубо говоря, ты сдался?

На лице Марион появился намек на улыбку — не более чем едва заметное движение уголка губ — и тут же исчез. Почти не верилось, что такая улыбка могла появиться у этой очаровательной женщины двадцати лет. Однако Винс Боствик заметил эту улыбку. И Эббот тоже.

— Только не это, — равнодушно сказала она. — Я надеялась...

— Послушай! — энергично продолжил Эббот, жестикулируя еще быстрее. — В дуэли, непрерывно ведущейся между тобой и Твиггом, вы оба для нападения и отражения атаки пользуетесь средствами, которые пока что были бесконтрольными. Было ясно, как Божий день, что еще неизвестно, кто в ней победит. Но поскольку я внимательно следил за этой дуэлью, то осмелюсь сказать, что это продолжалось до тех пор, пока...

— До каких пор?

— Незадолго до того как ты ушел из салона, Твигг спросил, как бы ты расследовал это дело. А ты ему порекомендовал прочесть роман, который называется «Чьей рукой?». Припоминаешь?

— Конечно, припоминаю.

— Ну так это здесь не поможет. Я эту книгу тоже читал. Та женщина, которая производит впечатление колдуньи и заманивает в свои сети, а также лишает здравого рассудка мужчину намного старше нее, вовсе не является, естественно, никакой колдуньей. Она совершенно невиновна. Ее «необъяснимые» преступления всего лишь фокусы, придуманные и выполненные действительным убийцей, другой женщиной, очень хладнокровной и коварной, которая пытается

свалить всю вину на нее. Я спросил Твигга, что он думает об этом твоём заявлении. А Твигг сказал, что он с тобой согласен.

— Твигг согласен со мной? — недоверчиво спросил Гарт.

— Да. Он записал себе в блокнот несколько слов из последней главы этого романа. Подожди, я попытаюсь процитировать. — Он быстро взмахнул рукой, чтобы сосредоточиться. — «Мне не повезло, — говорит истинная убийца, — однако могло повезти. Все зависит от того, как толковать закон. Вас не вправе обвинить в убийстве, если не могут установить, каким образом вы его совершили».

Гарт наклонил голову. Он не видел ни Марион, ни Винса, ни даже гипнотизирующих глаз Эббота. Так, значит, Твигг в конце концов загнал его в тупик и воспользовался для этого именно неудачной частью его собственной защиты.

— Ну так как? Есть в этой книге такие слова?

— Есть.

— Значит, теперь на стороне Твигга, возможно, также юридические критерии? А если это так, как ты собираешься противостоять обвинениям?

— Не знаю. — Гарт поднял глаза. — Бог мне свидетель, я все еще не знаю. Однако какой-нибудь способ я должен найти, найти до того, как станет слишком поздно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЛОВУШКА

«Дерби-стрит, ответвляющаяся к востоку от Парламент-стрит, ведет к Новому Скотленд-Ярду, являющемуся с 1891 года штаб-квартирой столичной полиции. Украшенное башенками здание в стиле шотландских баронетов спроектировал Норман Шоу. Простой силуэт этого здания и его благородная мощь производят большое впечатление».

Путеводитель Бедекера «Лондон и его окрестности», 1908 г.

Глава 16

Был прекрасный июньский вечер, и уже начинало смеркаться, когда поезд прибыл на вокзал Чаринг-Кросс. Дэвид Гарт вышел из здания вокзала и махнул рукой одному из новых автокэбов на стоянке.

Он снова окунулся в эту атмосферу: запах дегтя, выступающего после жаркого дня на деревянном настиле; последние лучи солнца, садящегося за Трафальгар-сквер; приглушенный шум уличного движения, нарушаемый лишь звяканьем колокольчиков двухколесных экипажей и редким «пуф-пуф-пуф» проезжающих автомобилей.

Правда, на этот раз настроение Гарта было совершенно не таким, как всего лишь четыре дня назад.

Сегодня был понедельник, 17 июня. Вслед за Гартом шел носильщик с тяжелым чемоданом и шляпной коробкой: Гарт привез багаж из «Оленя и перчатки». На сей раз он не был в смокинге. На нем была профессиональная униформа, цилиндр и сюртук. Униформа, в которой в тот день он принимал участие в предварительном разбирательстве в Фэрфилде.

Предварительное разбирательство. Да, конечно.

На мгновение в этом нереальном сумраке ему пришла в голову мысль, не появится ли снова перед ним инспектор Джордж Альфред Твигг. Очевидно, поэтому он немного прибавил шагу. Однако он видел все те же знакомые вещи: магазины на противоположной стороне Стрэнда, «Золотой крест», отель Морли, обращенный фасадом на Трафальгар-сквер.

Затарактел мотор автокэба; шофер вдохнул в него жизнь, покрутив заводную ручку. Багаж Гарта был уложен рядом с сиденьем шофера.

— Харли-стрит, 316.

— Слушаю, сэр.

Он уселся на заднее сиденье кэба и на всем пути по улицам, теперь, когда уже поднялись занавесы в театрах, полупустым, пытался не думать. Несколько раз он дотронулся до сложенных листов бумаги, которые положил во внутренний нагрудный карман сюртука. Они не были отпечатаны на машинке; длинной ночью перед предварительным разбирательством Гарт успел написать их от руки. А в голове у него появлялись и исчезали обрывки различных мыслей.

На Аппер-Риджент-стрит, сразу за Пикадилли-Серкус, справа от Гарта промелькнули огни «Кафе Ройал». Он мысленно спросил себя, заседает ли там сейчас Эббот, в этом большом золотисто-синем зале, где за стеклянными витринами выпивают, сидя за столиками с мраморными столешницами, представители богемы.

Чуть дальше по Риджент-стрит, слева, перед зданием политехнического института стояли афишные стенды с рекламой нового французского кинематографического зрелища под названием «Большая погоня». Этот фильм стоит посмотреть, говорят люди; по чистой случайности начинается сумасшедшая погоня по улицам Парижа, которую можно было бы назвать жестокой, не будь она снята с хорошим юмором. Марион Боствик, однако, заявила, что лучше продаст душу дьяволу, чем заплатит целых четыре шиллинга за какие-то движущиеся картинки.

Да, конечно, Марион! Почему, собственно, Марион?

Ему не пришлось прогонять свои мысли, когда автокэб подъехал к его двери на Харли-стрит. Сумерки сменились темнотой. У тротуара стоял «даймлер» Винсента Боствика, с открывающимся верхом, мощностью 20 лошадиных сил, покрытый белым лаком, с красными колесами и зажженными передними фарами; за рулем автомобиля сидел шофер Винса.

Сам Винс стоял на тротуаре под уличным фонарем и нервно курил сигарету. Гарт еще не успел расплатиться с кэбменом, когда Винс бросился к нему.

— Ну дружище? Как прошло предварительное разбирательство?

— Мы еще успеем поговорить об этом, Винс.

Гарт открыл входную дверь, внес внутрь багаж и захлопнул дверь. Знакомый холл с белыми панелями и черно-белым кафельным полом, казалось, стал еще мрачнее, когда Гарт зажег свет.

— В газетах об этом ничего не было, — сказал Винс; сигарету он бросил на пол и затоптал ее. — Пойми...

В то время было очень модно надевать к смокингу и фраку белый жилет и белую бабочку. Винс, очевидно, поужинал в клубе, причем поужинал неплохо. Впрочем, он совершенно не был вялым или заторможенным, но действие вина проявлялось в том, что на висках у него выступили синие вены, а мелкие морщинки вокруг глаз стали глубже.

— Пойми, — продолжал он, — я не решился расспрашивать своего приятеля-журналиста. Пока неизвестно, что Марион и я каким-то образом связаны с этим делом. И я не могу допустить, чтобы на нас набросились жаждущие сенсаций газетенки. Так все-таки, как прошло предварительное разбирательство?

— Его отложили.

— А что это означает?

— Свидетельские показания дала только Бетти, которая официально опознала труп. По закону она обязана была это сделать как ближайшая родственница. Однако сразу после этого встал Твигг и попросил коронера отложить разбирательство. Других свидетельских показаний не было. Меня тоже не вызывали.

— Гм. Значит, твои заботы позади, так?

— Едва ли, — сдержанно ответил Гарт. — Это означает лишь, что Твигг выжидает с нанесением удара. А Бетти теперь исчезла. Впрочем, именно этого я от нее и ожидал.

— Бетти исчезла? Где она может быть?

— Я сам хотел бы это знать. Ее нет в домике и на Патни-Хилл. По крайней мере, там никто не подходит к телефону.

Гарт замолчал, его крепко сжатые губы превратились в узкую полоску. В высоком холле по-прежнему был включен лишь один светильник. В тишине, когда никто не говорил, на человека здесь все давило, а при разговоре звучало многократное эхо. Гарт энергично направился к комнатке в тыльной части дома, которую называли библиотечкой.

Когда он повернул электрический выключатель у двери, сразу стало немного веселее. Четыре стеклянных светильника в форме цветов озарили старые моррисовские кресла, пепельницы на высоких подставках и застекленные книжные шкафы с украшениями на дверцах. Книги казались какими-то теплыми, так же как и отражения светильника в стекле. Однако никакие украшения не могли устранить ледяную атмосферу этого дома.

Гарт бросил взгляд на письменный стол справа от камина. Потом посмотрел на Винса.

— Ладно, это пока что может подождать. Послушай, когда ты и Марион уезжали в Лондон, я попросил тебя кое-что для меня сделать. Ну так как? Где он?

— Майкл?

— Да. Кто же еще? Ты не смог его найти?

— Напротив, я нашел его довольно легко. Однако не смог привести сюда. Он заперт в своей квартире, его охраняет врач и два таинственных священника. — Винс устремил пристальный взгляд на Гарта. — Спокойствие, друг, спокойствие! Неужели Майкл так тебе нужен?

— Да, Винс. Ты хорошо знаешь, что нужен.

— Вполне возможно, что этот юноша действительно болен. В конце концов Майкл не единственный, кто избежал допроса в связи с состоянием здоровья.

— Если ты намекаешь на миссис Монтэг, — холодно сказал Гарт, — я обменялся с ней парой слов сегодня утром перед предварительным разбирательством. С полковником Селби я тоже обменялся парой слов. Оба они будут весьма полезны.

— Вчера вечером ты сказал, Дэвид, что тебе нужно немного вдохновения, чтобы найти выход из всего этого. Ты уже нашел какой-нибудь выход?

— Да, по-видимому, да. Надеюсь, нашел. Где сегодня вечером Марион?

Винс открыл рот, собираясь что-то сказать, но, очевидно, тут же передумал.

Здесь, в этой маленькой комнатке, за закрытыми дверями, не пропускавшими шум уличного движения, они чувствовали себя так, словно были погребены в пирамиде Хеопса. Все краски становились тем ярче и контрастнее, чем дольше Гарт и Винс на них смотрели. Винс снял шапокляк, сложил его и бросил на одно из кресел.

— Послушай, я уже с субботнего утра хочу тебе кое-что сказать.

— Ну?

— В субботу утром, — Винс глядел в пол, — этот твой Эббот допросил Марион в Гайд-Парк-Гарденз.

— Ну?

— Марион повторила ему историю о... ну, о том, как Глайнис Стакли напала вечером в пятницу в Хэмпстеде на миссис Монтэг. — Винс по-прежнему глядел в пол, когда выдавливал из себя эти слова. — Марион жаловалась на тебя. Говорила, что ты подверг сомнению эту ее историю с нападением и что она не может понять, почему ты не поверил ей.

— Ну и?..

— Эббот обратился ко мне, и я сказал, что тоже не могу этого понять. Другими словами, я тебя утопил, несмотря на то, что ты перед этим встал на нашу сторону. Мне всегда было смешно, когда люди употребляли такие слова, как «негодяй», или «мерзавец», или другие подобные слова, однако это, собственно, вовсе не так смешно. Я попросту был в панике и поэтому поступил так по отношению к тебе.

— Забудь об этом, Винс! Не нужно извинений.

— Да, но тем не менее...

— Я невероятно ценю, — и Гарт хлопнул в ладоши, — невероятно ценю твой школьный кодекс чести. К сожалению, я с этим кодексом чести обращаюсь точно так же. Однако это дело закончится крахом.

— Да. Именно это я имел в виду. Что ты готовишь, Дэвид? Если ты ждешь, что я стану свидетелем против своей жены...

— Нет, я этого не жду. Да и закон тоже не ждет этого от тебя.

— Что же, в таком случае, ты задумал?

— А ты выдержишь, если я скажу открыто и прямо?

— О боже, я надеюсь, что ты именно так и поступишь.

— Нелегко определить заранее, что явится для тебя потрясением, когда ты услышишь об этом. Но ты ведь живешь с Марион уже два года. И даже твой самый заклятый враг не может сказать о тебе, что ты сумасшедший.

— Ты заметил, — сказал Винс, искоса глядя на угол ковра, — что «сумасшедший» — любимое слово Марион?

— Нет, я с этим не согласен, — резко ответил Гарт. — Ее любимое слово — «старый». Ты осознаешь это?

— Допустим, что я очень большой обманщик, Дэвид. Большую часть моих представлений о жизни я почерпнул из книг Е. Ф. Бенсона и всей этой праздной болтовни, которыми, как принято полагать, мы руководствуемся. Все остальные мои представления (да, ты угадал!) я почерпнул из школьного кодекса чести и этих проклятых историй о всяких тайнах. Кстати, ходят слухи — и не спрашивай, где я слышал, — что парень, которого зовут Фантом, это ты. Это правда?

— Да.

— Ну, не могу сказать, что меня это удивляет. Пару раз мне уже приходило в голову нечто подобное. Однако это нам не поможет, если речь идет о Марион. — Тон Винса изменился. — Я только хочу предупредить тебя. Если ты готовишь что-то против Марион...

— Что бы я ни готовил, обещаю тебе, что против Марион ничего плохого я не замышляю. Нам нужно всего лишь прояснить некоторые обстоятельства, касающиеся ее. Во многих отношениях она похожа на покойную Глайнис Стакли. Она жадна, лишена всяких предрассудков и не вполне уравновешенна.

— Это образчик твоего проклятого венского психоанализа?

— Нет. В основном, это результат обычных здравых рассуждений, что может подтвердить тебе любой опытный практикующий врач. Глайнис Стакли нужны были только деньги. Тогда как Марион подтолкнула кое-кого к убийству.

— Я отвергаю...

— Подожди, не отвергай, это чистая правда. — Гарт повысил голос. — Возможно, она не действовала намеренно или осознанно, хотя в этом я не совсем уверен. Однако она не будет страдать из-за сделанного. Она не способна страдать из-за этого. Что бы ни происходило вокруг, пусть даже у кого-то разбита жизнь, Марион спокойно пойдет дальше своей дорогой и, возможно, лишь чуточку всплакнет. Такой уж у нее характер. Оба ее опекуна знают об этом с самого начала.

— Дэвид, что ты собираешься делать?

— Через несколько минут я поеду в Хэмпстед. Если захочешь поехать туда вместе со мной...

— Если ты собираешься поговорить с миссис Монтэг и полковником Селби, то ехать туда бессмысленно. Они еще в Фэрфилде.

— Нет-нет, они уже в Лондоне. Они возвратились сегодня днем. По моей просьбе.

— Для того чтобы выбросить Марион за борт? Для того чтобы рассказать всему этому проклятому миру, что...

— Разве я не обещал тебе кое-что, Винс? С Марион не случится ничего плохого. Она в безопасности. В такой же безопасности, как... как ты. Я не могу ждать помощи от тебя. Но ты предотвратишь многие неприятности, если ответишь мне на простой вопрос. Где сейчас Марион?

— Не знаю.

— Винс...

— Говорю тебе, не знаю! — вскричал Винс. — Она улизнула из дому, как только мы вернулись сегодня днем, и с того момента я не видел ее. Именно поэтому я отправился ужинать в клуб. А ты говоришь, что твоя подруга Бетти тоже улизнула. Не кажется ли тебе странным, черт возьми, что обе эти женщины задумали исчезнуть в один и тот же день?

— Да, — ответил Гарт, внезапно ошеломленный новой мыслью, — это странно. И не просто странно, черт возьми, а очень странно. Хотел бы я знать...

В холле на столике возле лестницы зазвонил телефон.

Неизвестно, по какой причине, то ли от выпитого вина, то ли из-за пронзительного звука, которым звонящий телефон наполнил тихий дом, но синие вены на висках Винса Боствика стали еще заметнее.

Гарт открыл дверь в холл. И в эту минуту кто-то принялся снаружи колотить молоточком по входной двери. Гарт, уже было направившийся к телефону, остановился и неуверенно пытался сообразить, что делать раньше.

— Пожалуйста, возьми трубку, — через плечо крикнул он Винсу. — Если кто-то звонит мне по личным или медицинским делам, скажи, что меня нет. Меня нет для всех, кроме Бетти. И, естественно, Марион, но это, очевидно, не она.

— А почему ты сам не ответишь на этот чертов звонок? Он что, менее важен, чем какой-то шутник за дверью?

— Он в самом деле может быть менее важным, если этим шутником за дверью случайно окажется инспектор Твигг с какими-нибудь новыми подвохами.

— Они друг друга недолюбливают, да?

— Кто, они?

— Марион и твоя... Марион и леди Калдер.

— Да, они друг друга недолюбливают. Возьми трубку!

Дребезжащий звонок прекратился за секунду до того, как Гарт, скрежеща зубами, открыл дверь. Однако он зря опасался или, скорее, думал, что опасался. На крыльце стоял Каллингфорд Эббот.

Очевидно, он, как обычно, заседал в «Кафе Ройал». Так же, как и Винс, он был в смокинге и наброшенном сверху коротком плаще, пурпурная подкладка которого засверкала в свете уличного фонаря, когда Эббот откинул полу. Где-то на боковой улице играла шарманка; шофер за рулем белого «даймлера» с откидывающимся верхом, очевидно, насвистывал ей в такт.

— Ага! — воскликнул Эббот, поднимая монокль. — Мне известно, что у тебя здесь не только приемная, но и квартира, однако я, конечно, не мог знать, означает ли этот свет на первом этаже, что здесь именно ты, и не был уверен, поступаю ли я мудро, отпуская кэб. Я вижу, что у тебя имеется еще один автомобиль.

— Автомобиль слишком дорогая игрушка, чтобы я позволил себе иметь больше одного. Этот «даймлер» принадлежит мистеру Боствику. Но что мы стоим на пороге; пожалуйста, входи.

Винс приглушенным и требовательным голосом говорил что-то в телефонную трубку. Эббот снял с головы цилиндр, и выражение его лица стало более серьезным и напряженным.

— Что-нибудь не в порядке, милый Гарт?

— Я потерял леди Калдер. Вернее, — быстро исправился Гарт, — я не знаю, где она. А у мистера Боствика такие же заботы с его женой.

— Гм! У каждого из нас есть какие-нибудь заботы. Я, например, потерял Твигга.

— Ну, ты, конечно, очень сожалеешь об этом, не так ли? — сказал Гарт без тени сарказма. — А ведь наш милый инспектор Твигг не тот человек, которого можно легко потерять.

— Я сожалею, потому что не знаю, чем он сейчас занимается, а мне обязательно нужно это знать. Гм...

Эббот замолчал, когда Винс со стуком бросил трубку на рычаг. Гарт быстро обернулся.

— Ну, Винс? Кто это был?

— Полковник Селби. Он хотел поговорить с тобой. Я сказал ему, что тебя здесь нет. — В тоне, каким Винс сказал это, слышалось едва заметное ворчание. — Ты ведь хотел, чтобы я так сказал, верно?

— Я не имел в виду...

— Ладно, хватит. Будем играть честно! — Винс колебался. Он облизал губы. — Он хочет, чтобы ты немедленно приехал к нему. Я сказал, что приеду вместо тебя.

— Это означает, как я предполагаю, что мы приедем туда вдвоем.

— Да, именно, так. Зачем ему понадобилось говорить со мной?

— Он не сказал мне. Думаю, ничего серьезного. Это может подождать. Тем не менее съездим к нему вдвоем на моем автомобиле.

— Конечно. Если помнишь, Винс, именно так однажды летним вечером мы приехали туда два года назад. Ты тогда впервые познакомил меня с Марион. Помнишь?

— Дэвид, что происходит, черт возьми? Откуда ты знаешь полковника Селби? погоди! Дай вспомнить. Ну, конечно! Ты ведь сказал, что сегодня днем разговаривал с ним в Фэрфилде.

— Нет, это было не так, Винс. Теперь он уже разрешил мне сказать тебе об этом. Он был у меня в пятницу вечером. По делу.

— По делу?

— Ну да, он пришел ко мне как к врачу. Ради одного человека, который, по его мнению, ненормален.

Винс кончиками пальцев, оперся на столик с телефоном и молча отвернулся. Каллингфорду Эбботу, хотя его в любом случае невозможно было не заметить, пришлось привлечь к себе внимание Винса громким покашливанием.

— Мистер Боствик, — сказал он добродушно, — очевидно, вы помните, что уже беседовали со мной. В данном случае я являюсь всего лишь представителем полиции. И мне кажется, что существует множество вещей, о которых доктор Гарт меня не информировал. Могу ли я, сэр, попросить вашего позволения тоже сесть в ваш автомобиль?

— Конечно, можете, сэр, — ответил Винс. — Существуют вещи, о которых доктор Гарт не информировал даже меня.

Винс сделал несколько шагов к открытой по-прежнему входной двери и подал знак шоферу, сидящему за рулем «даймлера».

— Хорошо, Дэвид! Я ни о чем не буду спрашивать. Однако означает ли это, что мы приближаемся к финишу?

— Да, Винс, — сказал Гарт, — очевидно, мы приближаемся к финишу. Подожди немного.

— Если мы вынуждены заниматься этим, — Винс уже был в своем обычном настроении, — не будем откладывать. Что у нас сейчас на очереди?

— Сначала я должен кое-что уладить. Нет-нет, подождите здесь! Я сейчас вернусь.

Шофер вылез из автомобиля, держа заводную ручку. Гарт дал знак своим собеседникам, чтобы они оставались на месте, и вернулся в библиотечку.

Он быстро подошел к письменному столу у камина, однако сразу не сел. В вечерней тишине он слышал скрежет и стук, когда заводная ручка раскручивала неподдающийся мотор. Все это словно символизировало состояние мыслей Гарта.

Из внутреннего кармана он вытащил полдюжины листов писчей бумаги, сложенные в длину, и взвесил их на руке, словно на чаше весов: он взвешивал неуверенность, риск, кошмарные результаты неверного решения.

Однако неверного решения быть не должно. Теперь уже он не имеет права допустить ошибку.

Мотор автомобиля равномерно и тихо застучал. Гарт сел. Взял с полки продолговатый конверт, засунул туда сложенные листы бумаги и уверенным почерком написал на нем имя.

Глава 17

— Входите, доктор, — сказал полковник Селби.

В холле была полутьма. Бронзовая Диана на столбике у подножия лестницы, держащая электрическую лампочку, не казалась намного более ветхой, чем стены, обшитые дубом на высоту, превышающую рост человека, а еще выше — обтянутые какой-то материей, напоминающей темно-красную юфть.

Однако в полковнике Селби не ощущалось ничего похожего на ветхость. Поза полковника, когда он обращался к гостям, статного и гладко выбритого, выражала мощь и властность, хотя в ней ощущался едва заметный страх.

Гарт знал, что за этими глазами скрывается до некоторой степени фанатик: чрезмерное упрямство, чрезмерная педантичность и мелочность. Его костюм, соответствующий общественному положению как мундир отставного офицера, был тем же, что и в пятницу вечером. Снова тот же сюртук с шелковыми лацканами, белый жилет и широкий черный пластрон.

— Входите, доктор, — повторил он. — Я вынужден открывать дверь сам. Извините. Бланш... миссис Монтэг отпустила слуг...

«Снова»? — подумал Гарт. Ему на мгновение стало страшно. Однако последующие слова успокоили его.

— ...на то время, которое мы должны были находиться в Фэрфилде. Никто из них еще не вернулся. Да я и сам не думал, что мы вернемся так скоро.

— Боюсь, что в этом виноват я.

— Ну что вы, вовсе нет! Для нас это было лучше всего. — Сочный голос дрогнул. — Однако я не ожидал...

— Что это сегодня со всеми происходит? — удивился Винс Боствик. — Меня-то вы уж точно ожидали. Прошло не так много времени с тех пор, как мы разговаривали по телефону.

— Ах, да! Конечно. Когда раздался ваш голос, мне сразу пришло в голову, что доктор где-то не очень далеко от вас.

— В таком случае вы дьявольски хорошо умеете читать мысли!

— Вы так думаете? В этом не было нужды.

— Полагаю, вы незнакомы, — сказал Винс, — с мистером Каллингфордом Эбботом. Мистер Эббот является...

— Напротив, — перебил Винса Эббот, и его монокль при этом сверкнул, — я уже имел удовольствие встретиться с этим джентльменом в Ориент-клубе. Ваш покорный слуга, полковник.

— Ваш покорный слуга, мистер Эббот. — Полковник Селби по привычке замер по стойке смирно. Однако по его лицу было заметно, что он немного волнуется.

— Да, я уже припоминаю, — добавил он, возвышаясь над входящим Эбботом. — Это ведь вы звонили в субботу утром, не так ли?

— Да, я.

— Вы говорили с моим слугой, он еще не ушел. Вы спрашивали, можно ли побеседовать с миссис Монтэг.

— Да. И стоит заметить, — сказал Эббот, — что с этой дамой я до сих пор не обменялся ни единым словечком и вообще не видел ее даже в Фэрфилде.

— И теперь, очевидно, вы хотите все обсудить. Что ж, я не возражаю. Напротив, это очень хорошо. Прошу вас, входите. Входите все.

Полковник Селби бросил взгляд на дверь в салон, которая была закрыта. Он потер лоб тыльной стороной ладони, словно был не уверен в себе, не уверен во всем. Потом проводил гостей в свой кабинет в глубине холла.

На его столе горела газовая лампа с зеленым абажуром. Свет падал на коричневые кожаные кресла и отражался от застекленного шкафа с ружьями, на котором сверху виднелись в полутьме переплетенные журналы для охотников. Перед камином лежала тигровая шкура. На стенах, на фоне темных обоев, украшенных тусклой позолотой, были нарисованы морды зверей.

— Послушайте, — продолжил полковник Селби миролюбивым тоном, — я бы предпочел, чтобы полиция сейчас не допрашивала Бланш...

— Да? Ну, если у вас есть что скрывать...

— Скрывать? Черт возьми, что вы хотите этим сказать, мистер Эббот?

— Минуточку! — сказал Гарт.

То ли этому способствовали звериные морды, своеобразная галерея застывшего насилия; то ли, возможно, тот факт, что в этом доме три человека совершили самоубийство, однако как только Гарт вошел в холл, на него сразу начала давить пагубная атмосфера. Очевидно, она давила и на Эббота.

Эббот впервые встретил человека, который ни в чем не уступал ему и мог противостоять его собственному авторитету. Хотя полковник Селби был не так умен и не так чувственно восприимчив, он обладал достоинствами, которые заключались не только в его высоком росте или силе. Однако было ясно, что Эббот с его седыми усами, которые топорщились над приоткрытыми в улыбке зубами, способен ответить тем же.

— Миссис Монтэг, — сказал полковник Селби, — согласна ответить на любые вопросы доктора Гарта. Однако она не желает иметь дело ни с одним полицейским, которому вздумается вмешаться в это дело. Обращаю ваше внимание на то, что я не собираюсь запрещать вам допрашивать ее, нет. Возможно, так будет лучше всего. И тем не менее!.. Очевидно, будет лучше, если доктор Гарт пойдет наверх и первый поговорит с ней, вы согласны?

— Так будет хуже! — холодно сказал Эббот. — Доктор Гарт, насколько мне известно, днем уже беседовал с этой дамой.

— Да. В Фэрфилде. Ну и что из этого?

— У вас тогда был шанс, — сказал Эббот, — однако вы им не воспользовались.

Двадцатичетырехчасовая отсрочка, которую я любезно предоставил леди Калдер и миссис Боствик, закончилась несколько минут назад. Что же касается миссис Монтэг, то я абсолютно ничего не обещал. Да и то, что я обещал кое-что, — его усы снова топорщились, — было глупостью, которая не принесла мне ничего, кроме выговора от главного комиссара. А мне очень не нравится, полковник, когда со мной, в моем возрасте, обращаются, как со школьником. Теперь я буду руководствоваться собственными соображениями.

— Минуточку! — снова сказал Гарт.

Он полез во внутренний карман и вытащил оттуда конверт, на котором было написано «Бланш Монтэг».

— Никому не нужно будет допрашивать ее, — продолжил Гарт, — если мы позволим ей, чтобы она сама все объяснила. Полковник, вас не затруднит отдать это миссис Монтэг?

— Что это? Она не разволнуется?

— Разволнуется, — честно ответил Гарт. — Должен признаться, что это разволнует ее. Но другого выхода нет.

— Я спросил, что это?

— Это перечень определенных фактов, которые она знает и которые, думаю, известны вам тоже. Надеюсь, они убедительны. Вы возьмете этот перечень, полковник? Вы поручитесь, что миссис Монтэг прочтет его?

— Этот перечень, с вашего позволения, возьму я, — сказал Каллингфорд Эббот.

Гарт быстро повернулся к нему.

— Нет, Эббот, ты не возьмешь его? Если мы хотим предотвратить скандал или еще что-нибудь похуже, это не должен видеть никто, кроме миссис Монтэг и полковника Селби.

— Ты, очевидно, забыл, мой друг, что я заместитель главного комиссара полиции?

— Нет. Но я не забываю также о том, что мы не имеем права разрушить больше жизней, чем это необходимо. Ну так как, полковник?

— Так вы говорите — предотвратить скандал?

— Я не могу поклясться, что это предотвратит скандал. Я могу лишь надеяться на это.

— В таком случае, дайте мне это, — сказал полковник Селби; он тяжело шагнул вперед и засунул конверт в нагрудный карман. — Но я предупреждаю! Если вы не хотите, чтобы это видел кто-нибудь еще, я не могу передать это немедленно. У нее сейчас Марион...

— Марион у нее? — вскричал Винс Боствик.

У Эббота от этого явного предательства со стороны Гарта лицо стало серым. Винс, стоящий спиной к ним и шкафу с ружьями и держащийся рукой за карниз шкафа, очень медленно обернулся; он не смог бы сделать такой медленный оборот, если бы ни на что не опирался.

— Марион у нее? — повторил он.

— Да. Они вдвоем заперлись в комнате Бланш. А что в этом, черт возьми, такого удивительного? — изумился полковник Селби. — До того как эта девушка вышла замуж за вас, Винс, здесь был ее дом. Куда же в таком случае она должна идти, когда она несчастна? Мы... мы иногда не верим тому, что слышим. А иногда укоряем и себя, и кого-нибудь еще. Однако когда становится туго, мы вынуждены защищать себя. Вынуждены! Что еще нам остается делать?

— Могу ли я попросить вас, полковник, — проворчал Каллингфорд Эббот, — избавить нас от вашего нудного мудрствования?

— Но послушайте...

— Насколько я понял, полковник, этот конверт, который лежит в вашем кармане, вы отказываетесь отдать мне.

— Вы это поняли чертовски верно, мистер Эббот.

— В таком случае прошу вас немедленно проводить меня к миссис Монтэг!

Полковник Селби кивнул. Наклонив лысую голову, он направился было к лестнице, однако тут ему пришла в голову новая мысль.

— У вас есть ноги? — спросил он. — Отлично! В таком случае, вверх по лестнице. Первая дверь на лестничной площадке. Ошибиться невозможно. Вы услышите, как они разговаривают там внутри.

Эббот кивнул в ответ, поглядел в моноколь через плечо, словно у него была вывихнута шея, а потом, бесшумно ступая, вышел из кабинета. Полковник Селби с шумом перевел дух.

— Нет, Винс! — сказал Гарт. — Остаься здесь!

— Я всего лишь...

— Остаься здесь!

В комнате чувствовалась тревога. Изо всей красивой обстановки явно выпадало старое вращающееся кресло у аккуратного письменного стола, освещенного газовым светильником. Полковник Селби мелкими шажками подошел к этому креслу. Оно заскрипело под ним, когда он сел и внезапно закрыл ладонями глаза.

— Полковник, — сказал Гарт, пристально глядя на Винса, — эти минуты неприятны для всех нас. Я с большой неохотой решил потревожить вас. Но вы только что звонили мне. Винс не мог передать мне ваше сообщение. Винс просто не передал его.

— Ах, да, конечно. — Полковник снова пришел в себя и с трудом, словно это требовало физических усилий, собрался с мыслями. Он встал, лицо у него разгладилось. — Возможно, это

неважно. Но вы не можете сказать. По крайней мере, не сейчас. Сейчас уже нет. Э... сегодня в Фэрфилде мне пришло в голову — извините! — что вас интересует эта женщина, леди Калдер.

— Она меня очень интересует. Почему вы это говорите?

— Ну, когда она вечером пришла...

Атмосфера опять переменялась.

— Леди Калдер здесь?

— Да. Спокойствие. Она пришла час назад, хотела поговорить с Марион. Марион сама открыла ей дверь. Похоже на то, что отношения между ними не слишком хорошие. Потом они пошли наверх, в бывшую комнату Марион, и там, Очевидно, произошел какой-то обмен мнениями. — Полковник Селби махнул рукой. — Никогда не вставайте между двумя женщинами, доктор. Это быстро понимаешь, когда живешь с ними в одном доме. Ну, ладно! Я не это хотел вам сказать.

— А что вы хотели сказать?

— Тот полицейский, грубиян по фамилии Твигг...

Гарт даже не вздрогнул:

— Да?

— Он пришел спустя пять или десять минут, и на этот раз дверь уже открывал я. Он сказал, что его якобы прислал Эббот. Что ж, пожалуйста! Не знаю, почему бы ему и не быть здесь, но он, очевидно, следил за вашей приятельницей.

— Гм.

— Именно в этот момент Марион и леди Калдер сошли вниз. Эта леди Калдер — очаровательная особа. Похожа на ту, другую, но разница в том, что она, по всей видимости, порядочная женщина. Твигг бросился к ней крадущимися шагами, как загонщик, продирающийся сквозь заросли за тигром, и юркнул с ней в гостиную. — Полковник Селби помолчал. — Черт возьми, доктор, что случилось? Я не в состоянии заботиться обо всем.

— Конечно. Извините. Где они сейчас?

— По-прежнему в гостиной, насколько мне известно. А где им еще быть?

— А миссис Боствик?

— Марион побежала наверх в комнату Бланш. — На лбу у полковника выступил пот. —

Позднее мне показалось странным...

— Мне тоже.

— Я, если помнишь, говорил тебе, что это не только блаженство и душевное спокойствие, — вмешался в разговор Винс Боствик, назидательно подняв указательный палец. — Я говорил тебе, что ты можешь потерять голову, сердце и вообще все, что удерживает мир в порядке, а нас в здравом уме. Теперь ты, наверное, уже понимаешь это. Или нет?

Гарт не ответил.

Он распахнул дверь кабинета и выбежал в холл еще быстрее, чем это сделал до него Эббот. Винс, само воплощение достоинства, не сумел скрыть цинизма; с изменившимся выражением лица он последовал за Гартом.

Холл казался в этой тишине еще помпезнее. Гарт подбежал к двери в гостиную. Постучал. Постучал еще раз и открыл дверь. В гостиной никого не было.

Светлая дубовая мебель и накрахмаленные кружевные занавески словно насмехались над ним в бледном свете ламп. Тигриная голова — когда этого тигра освеживали, испортили всю его шкуру, так что в качестве трофея осталась лишь голова — висела над каминной полкой. Гарт побежал назад к Винсу, стоящему посреди холла.

— Ты, в отличие от меня, хорошо ориентируешься в этом доме. Беги наверх и загляни в бывшую комнату Марион и во все другие места. Загляни также в комнату миссис Монтэг. Бетти и Твигг где-то здесь. Мы должны найти их.

— Подожди, не сходи с ума! — Винс растерялся. — Ее ведь уже допросили, разве не так? И почему ты вообще думаешь, что они здесь? Возможно, они уже ушли.

— Нет. Они не ушли. Если ты думаешь по-другому, значит, не умеешь предвидеть тактику Твигга, когда он готовится кого-нибудь сразить.

— Не употребляй таких слов! Черт возьми, разве ты не говорил, что на предварительном разбирательстве ей не было предъявлено ни одного доказательства?

— Не было. Но ты должен понять, что это часть его тактики. Твигг хотел, чтобы у нее создалось впечатление, будто худшее уже позади, и тогда он смог бы наброситься на нее и получить ее признание.

— Признание? — воскликнул Винс. — Значит, ты допускаешь, что она виновна?

— Нет, она не виновна. Она не убивала свою сестру. Однако это не спасет ее. В этом отчасти есть и моя вина; из-за моих дурацких стараний улучшить ее историю ни один суд присяжных в мире не поверит в то, что говорит Бетти. Разыщи ее, прошу тебя!

— Ты не пойдешь со мной?

— Нет, сейчас нет. — Гарт обвел взглядом холл. — Это не очень правдоподобно, но, возможно...

— Что?

— Поторопись!

Винс побежал вверх по лестнице с ковром и придерживающими его латунными прутьями. Гарт направился под лестницу, где дверь с засовом вела в подвальные помещения.

Засов не был задвинут. Гарт нажал на ручку и быстро открыл дверь. Внутри тусклая электрическая лампочка освещала несколько деревянных ступенек, ведущих между побеленными каменными стенами в пахнущий глиной подвал.

Сбегая вниз по ступенькам, он старался ступать помягче, чтобы производить как можно меньше шума. Он был почти уверен, что слышит голоса, а через несколько секунд у него уже не оставалось никаких сомнений.

В подвальном коридоре, ведущем в кухню, эти звуки разносились так же выразительно, как в акустической галерее собора Святого Павла, несмотря на то, что дверь в кухню была закрыта. Внизу под дверью пробивалась слабая полоска света.

Гарт не мог ошибиться ни в одном из двух голосов, которые он слышал.

— Итак, барышня (ах, прошу прощения, мне следовало бы назвать вас «милостивая госпожа», но сейчас не до этого), итак, барышня, я вам лишь кое-что напомним. Не я привел вас вниз, это вы привели меня сюда. Верно?

— Да. — Голос Бетти впервые звучал звонко и уверенно, с тех пор как она попала в это запутанное дело.

— И все лишь для того, чтобы рассказать мне эту вымышленную историю?

— Это чистая правда.

— Что ж, поглядим, правильно ли я понял, — сказал Твигг. Скептицизм в его голосе становился заметнее с каждым словом. — Вы хотите, чтобы я поверил, что в пятницу вечером миссис Боствик пыталась убить свою собственную тетку? Такая утонченная деликатная дама, как миссис Боствик?

— Утонченная деликатная дама? Вы так думаете о ней?

— Да! Именно так я думаю. И вам не удастся меня переубедить. Так значит, вы говорите, что ваша сестра никогда не была в этом доме. Она никогда не выходила в эту дверь. Никто не выходил в эту дверь. Все это миссис Боствик выдумала, когда пыталась убить свою тетю.

— Это не ее тетя. Они вовсе не родственники.

— Мне бы очень хотелось, барышня, чтобы вы подробно объяснили, что, собственно, хотите мне сказать. Откуда вам известно, что это сделала миссис Боствик?

— Она сама призналась.

— Кому призналась? Вам?

— Нет.

— Кому же, в таком случае? Кому она призналась?

— Другому человеку. Я... я не могу сказать вам, кто это был. Вернее, я не скажу вам.

— Так значит, вы кого-то укрываете? Вы уже когда-нибудь были в этом подвале?

— Нет.

— Любопытно. Что же, в таком случае, вы полагали, мы здесь обнаружим, когда будем стоять и смотреть на эту дверь, которая ведет наружу? Ведь во всем этом нет ни капельки здравого смысла. Или, может, есть?

— Я надеялась...

— На что вы надеялись? Почему вы разыскиваете миссис Боствик? Почему вы пришли сюда сегодня вечером?

— Потому что ее не было дома. Я подумала, что она пошла сюда, так же как в пятницу.

— Я не об этом вас спрашиваю. По какой причине вы разыскиваете ее?

— Потому что, — ответила Бетти звонким голосом, — с меня уже довольно того, что по слабоволию я не способна справиться сама с собой. Я пришла сюда, потому что вчера была ревнива и плохо вела себя по отношению к одному мужчине, единственному на свете, который мне нужен. Если Марион Боствик пыталась убить свою так называемую тетю, то совершенно очевидно, что Глайнис убила тоже она. И даже если вы сто раз попытаетесь заставить меня замолчать и еще больше будете насмехаться надо мной, я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы эта женщина созналась.

Гарт сделал шаг вперед и открыл дверь; он с трудом преодолел сильное желание распахнуть ее так, чтобы она хлопнула об стенку.

— Тебе не нужно будет это делать, Бетти, — сказал он. Потом, подавляя в себе другое, еще более яростное желание, которое могло лишить его осторожности, он посмотрел на мужчину, стоящего перед Бетти.

— Мистер Твигг, — сказал он, — думаю, пришло время свести нам счеты.

Глава 18

Кухня, похожая на большую пещеру, дверь которой, застекленная сверху, до половины была ниже уровня земли, находилась в таком же запущенном состоянии, как тогда, когда Гарт был здесь последний раз.

В слабом желтом свете лампочки, одиноко свисающей с потолка над сушилкой возле кухонной раковины, едва можно было различить выражения лиц. Его не хватало даже на то, чтобы разогнать тени. Лишь тараканов он разогнал по углам. Однако эта лампочка была лучше старомодной свечи, которая в прошлый раз горела на большой кухонной плите, соединенной с дымоходом.

Бетти и Твигг смотрели друг на друга, разделенные широким столом с мраморной столешницей и чурбаном для рубки мяса. Оба повернулись к Гарту. Твигг сдвинул котелок на затылок, а когда он с немалым достоинством выпрямился, на его животе закачалась золотая цепочка от часов.

— Вы так думаете, доктор? — спросил он хриплым голосом. — Что ж, возможно, я тоже так думаю. Однако мы с вами не можем делать то; что взбредет нам в голову. Я должен выполнять свои обязанности.

— Я тоже.

— Кроме того, все идет просто замечательно. Так что будьте добры выйти отсюда...

— Нет. Предъявите свои обвинения против этой дамы. Предъявите их сейчас, здесь. То, в чем вы окажетесь правы, она подтвердит, и я тоже. Предъявите свои обвинения!

— Вот как! Чтобы вы все исказили!

— Неужели этому так трудно воспрепятствовать? Неужели вы не умеете защищаться?

С лица Твигга схлынула почти вся краска.

«Это было некрасиво с моей стороны, — подумал Гарт. — Ну и ладно, пусть!»

Бетти, явно уверенная в том, что двое мужчин сейчас вцепятся друг другу в горло (что было вполне возможно), отбежала от стола к кухонной раковине. Там она осталась стоять под лампочкой, спиной к сушилке, и наблюдала за ними.

— Черт побери! — зашипел Твигг. — Черт побери! Возможно, не я, а вы не сумеете защититься, а? Когда за вашей спиной не будет стоять мистер Эббот!

— Возможно, не сумею. Спрашивайте. Я скажу вам правду.

— Вы скажете мне правду? Когда эта женщина должна быть повешена за убийство, а вас, вероятно, посадят как соучастника совершенного преступления?

— Вы серьезно полагаете, мистер Твигг, что меня сильно мучит вопрос, посадят ли меня в тюрьму?

— Нет. Должен это признать. Вы просто сумасшедший. Там, где речь идет о враче с вашей репутацией и женщине из «Мулен Руж»...

— Свои рассуждения о морали оставьте при себе, мистер Твигг, — очень спокойно сказал Гарт. — Убедительно прошу вас оставить при себе ваши рассуждения о морали.

Они внезапно начали, как во время поединка, кружить вокруг стола и чурбана для рубки мяса.

— Вы признаетесь в том, что скрываете что-то, доктор?

— Да.

— А эта женщина скрывает намного больше?

— Да.

— Ага! — Лицо Твигга восстановило свой обычный цвет. — Возможно, вы наполовину искренни. Посмотрим. Возможно, вы вовсе не такой спесивец...

— А вы не такой тупица...

Оба одновременно остановились.

— У меня никак не укладывалось в голове, — сказал Твигг, — никак не укладывалось в голове с первой же секунды, когда мы с мистером Эбботом направились по дорожке и увидели, как вы вдвоем стоите у павильончика, нечто такое, что я начал понимать намного позже. А почему? Да потому, что в этом деле все выглядело бессмысленным, несмотря на то, что преступление совершилось.

До какой степени эта загадка заинтересовала Твигга, было видно по тому, что он явно уже не был так осторожен; словно он согласился заключить договор с человеком, который на каждом шагу противостоял ему; словно он обменивался мнениями с другим сотрудником департамента уголовного розыска.

— Я сказал, что эта женщина убила свою сестру, и это совершенно бесспорный факт. А доктор пытается защитить ее. Ладно, но почему же тогда они так упорно повторяют историю, которая делает их еще более виновными, чем на самом деле? — При этих словах Твигг посмотрел собеседнику прямо в глаза. — Допустим, мы помешали вам обоим, доктор, раньше чем вы успели придумать подходящую историю. Допустим, что песок слишком коварная штука, чтобы можно было манипулировать им. Допустим, что леди Калдер испугана, ее легче разозлить, и ее поступки непредсказуемы. И тем не менее! Она ведь не дура...

— Что?

— Не дура. Как какой-нибудь деревенский идиот.

— Гм.

— У нее буйное воображение; может быть, даже чересчур буйное. Ого! Она старается копировать вас и думать так, как вы. А вы тоже не дурак, доктор, нет, вовсе нет, хотя и пишете те истории, которые я читаю. Да, признаюсь, я читаю их. Наплевать, как я узнал, что их пишете вы. Секретарши литературных агентов иногда проговариваются, особенно если именно этот врач свидетельствует на процессе в Олд-Бейли, а эта секретарша сидит среди публики и восклицает: «Ах, блестяще!»

Однако как попал из домика в павильончик тот желто-коричневый купальный халат, если его не было на женщине, которая в четыре часа шла купаться? На следующий день я получил ответ на этот вопрос, как на блюде. А накануне вечером я шел по ложному следу и едва не позволил вам сбить меня с толку, однако потом увидел книги, которые разбросаны по всем комнатам леди Калдер, и, самое главное, ту книгу о попытке убийства в желтой комнате.

Гарт пытался собраться с мыслями. Твигг заметил это и сделал выстрел.

— На следующий день я спросил, какой момент из «Тайны желтой комнаты», по вашему мнению, подходит к нашему реальному убийству. Вы снова пытались навести меня на ложный след, верно?

— Да.

— Вы сказали, что речь идет о том, будто бы убийца — официальный детектив, ведущий расследование.

— Это необязательно должен быть официальный детектив.

— Что же тогда это, доктор?

— Допустим, я пытался сбить вас с толку. Что вы хотите знать?

— Ведь это был не тот, важный, момент, верно? В деле о желтой комнате были крики, стрельба и Бог знает что еще среди ночи. Однако в это время убийцы в комнате не было. Он напал на эту женщину накануне днем, и еще тогда у нее остались синяки и царапины. Она все это скрыла и делала вид, что ничего не случилось. А ночью ей просто приснился страшный сон. Ей показалось, что на нее напали снова. Она с визгом вскочила с кровати, схватила пистолет и принялась стрелять без толку. Потом упала и разбила себе голову, задев за перевернутый стол. В желтой комнате вообще не было никакого убийцы. Верно?

— Да.

Гарт быстро посмотрел через плечо на открытую дверь в подвальный коридор.

— Ага! И в том павильончике тоже не было никакого убийцы. По крайней мере, не в то время, когда, по нашему мнению, он там находился. Верно?

— Да.

— В четыре часа дня, — сказал Твигг, — какая-то женщина в купальном костюме шла по склону на пляж и дальше к воде. С некоторого расстояния ее видели мистер Эббот и юный мистер Ормистон. Мистеру Ормистону показалось, что это леди Калдер. Петом он передумал — да, да, такие вещи со свидетелями происходят постоянно! — и заявил, что это была Глайнис Стакли. Однако это не могла быть Глайнис Стакли. Леди Калдер не нравится, когда кто-нибудь надевает ее купальные костюмы, поэтому они находятся под замком, чтобы никто не мог их взять. Та женщина на пляже была именно леди Калдер!

Твигг повернул голову.

— Честность так честность, барышня. Вы слышали, что обещал доктор. Ведь это были вы, в том купальном костюме, и никто другой, верно?

— Ответь ему, Бетти!

— Но я...

— Ответь ему, Бетти! Скажи правду!

— Это были вы, барышня. Верно?

— Да, — прошептала Бетти.

— Ага! — произнес Твигг, ничем больше не выдавая своего триумфа. Лицо его было багровым. Он медленно повернулся к Гарту. — Признавайтесь, доктор, и я отправлю вас обоих туда, куда мне очень хочется вас отправить.

— Вы так думаете?

— Я знаю! Ясно, что она намочла! Ясно, что потом она забралась на веранду павильончика! Однако она не пробыла там никакие два часа. Вы ведь сказали, что раньше она никогда так не поступала. Так зачем ей понадобилось бы делать это в тот раз? Она оставалась там столько времени, сколько нужно, чтобы приготовить чай, и выпила одну чашечку на веранде. Это заняло около десяти минут, а потом она быстро вернулась в дом. Отпечатки пальцев, которые она оставила на чайнике и чашке...

— Это могли быть старые отпечатки, мистер Твигг.

— Могли, доктор. Вы действительно думаете, что они были старыми?

— Нет, не думаю.

— Ага! — сказал Твигг.

Бетти по-прежнему стояла спиной к сушилке и сжимала обеими руками ее край.

— А когда она возвращалась домой, после нее не осталось никаких следов, верно? Ведь тогда еще был высокий прилив. Он смыл бы любые следы. Или следы остались бы на высоком берегу и могли за это время высохнуть, так что их можно было принять за старые следы, оставленные в любой другой день. Да, на расстоянии десяти метров там не осталось никаких следов. И никто не был задушен — пока что. Никто не думал об убийстве — возможно. Верно?

— Да! Верно! Продолжайте!

— Это убийство вообще не было совершено в павильончике. Нет, вовсе нет! Где оно было совершено, доктор?

— По моему мнению, оно было совершено в комнате, предоставленной Глайнис Стакли. Там под рукой у убийцы был отрезок шнура для закрывания окон.

Бетти вскрикнула. Гарт шагнул было к ней через эту запущенную кухню, под тусклым желтым освещением. Потом передумал и остался на месте.

— Ага! — жестко сказал Твигг. Он несколько секунд молчал и постукивал кончиками пальцев по мраморной столешнице. — Сколько тогда было времени? Вернее, сколько было времени, когда леди Калдер вернулась из павильончика в дом? Приблизительно пятнадцать-двадцать минут пятого. Если придерживаться медицинского заключения, до убийства оставалось еще больше часа.

Однако противоречия тут нет. Леди Калдер должна пойти наверх в свою комнату, снять мокрый купальный костюм, надеть платье. А это занимает достаточно много времени. Потом она идет вниз в комнату своей сестры. Вспыхивает ссора — сильная ссора, не притворная, а самая настоящая ссора, такая, которая заканчивается веревкой вокруг шеи.

Леди Калдер рассказала в этой своей истории только часть правды. Несомненно, она рассказала часть правды. В тех эпизодах, которые мы могли проверить путем опроса других свидетелей, Глайнис Стакли действительно приехала в Фэрфилд утренним поездом. С дневной почтой действительно пришло письмо — с отпечатанным на машинке адресом, с лондонским штемпелем.

Вы должны были приехать в шесть часов, верно? Это еще одна причина, по которой она не осталась в павильончике, где, как она признается, действительно была. Она не хотела, чтобы вы встретились с ее сестрой.

Но началась драка. И с леди Калдер случилось то, что происходит с большинством убийц, которые не знают, когда нужно остановиться. Это произошло очень быстро. Все кончено. Жертва мертва. Убийца в ужасе. Что делать? Может, вы скажете нам, доктор, что было потом?

— Нет, — отрезал Гарт. — Нет, я ничего не скажу. У вас прекрасно получается, с большой патетикой.

— Я всего лишь выполняю свои обязанности и больше ничего, не забываете об этом. Я вам не какая-нибудь крыса и не имею привычки хвастать. Но я загоню убийцу в тупик! — Твигг помолчал. — Что вы там увидели? Почему вы все время оглядываетесь через плечо?

— Наплевать, как выразились бы вы, мистер Твигг. Не обращайтесь на меня внимания. Не желаете ли закурить? Хотите сигарету?

Это были гротескные слова, как если бы Гарт внезапно потерял способность рассуждать, так же как он был не в состоянии совладать со своими руками. На этот раз в Фэрфилде он не забыл наполнить свой серебряный портсигар. Портсигар блеснул, со звоном перевернулся на столе, и его содержимое едва не рассыпалось.

— Не желаю ли я закурить? — сказал Твигг, овладев собой. — Нет, доктор, большое спасибо, но курить я не буду. — Они холодно смотрели друг на друга, словно оба колебались и не помнили, на чем остановились. — Если это одна из ваших штучек, то можете не трудиться! Итак, что произошло после того, как она совершила убийство?

— Ведь сейчас излагаете вы. Почему бы вам в таком случае самому не сказать это?

— Гм. Я скажу. А знаете, почему я могу это сказать?

— Мистер Твигг...

— Потому что, как я уже говорил, меня осенило, причем осенило именно тогда, когда я размышлял над этим эпизодом. Эти двое — женщина, совершившая убийство, и доктор — действовали несогласованно. Они обманывали друг друга, хотя, возможно, и не знали об этом. Теперь она стоит над своей жертвой, — продолжал Твигг; он посмотрел на Бетти и опять перевел взгляд на Гарта, — и в доме она одна. Уже почти без двадцати шесть. Вы должны приехать в шесть. Ей никто не поверит, даже если она будет клясться, что не делала этого. Но с вами все обстоит по-другому. Вы благородный и влиятельный джентльмен. Вам поверит каждый (разве не так!), если ей удастся убедить вас, что она не могла этого сделать. Она должна убедить вас или по крайней мере думать, что должна. Не может ведь она сказать: «Я только что совершила убийство» — мужчине, за которого все еще надеется выйти замуж.

Два свидетеля видели, как в четыре часа она шла на пляж. Хорошо. Почему бы не сделать вид, что это была ее сестра? Почему бы не сделать вид, что Глайнис пошла в павильончик, там ее кто-то задушил и оттуда она уже не вернулась? И если даже возникнет подозрение, никто не сможет ничего доказать, если не сообразит, каким образом она все это сделала. Это вы научили ее,

доктор. Возможно, это получилось невольно, однако научили ее вы. Если у нее выдержат нервы, чтобы потерпеть в нужное время ужасные пятьдесят или шестьдесят секунд, ей удастся обвести кое-кого вокруг пальца.

И ей это почти удалось.

Ее план состоит из нескольких пунктов, но все это нужно проделать за очень короткое время. Она должна снять с сестры платье, повесить его в шкаф, одеть мертвую в свой собственный купальный костюм, а на голову надеть резиновую купальную шапочку. Она должна отряхнуть песок с резиновых подошв своих тапочек и надеть их мертвой на ноги.

Что нам еще известно об этой барышне с невинным лицом (ха-ха!), которая стоит вон там? Я слышал, что вы говорили Майклу Филдингу на Харли-стрит в пятницу вечером. Она член Королевского общества спасения утопающих. Периодически тренируется в переноске «утопленника»; перебрасывает его через плечо так называемым пожарным захватом и выносит из воды на пляж, а потом на полоску травы у дома. Точно так же она может отнести труп в противоположном направлении.

Могут ли тут возникнуть какие-нибудь проблемы? Нет.

Шерстяной купальный костюм остается влажным очень долго. С этой влагой наша барышня, естественно, не хочет соприкоснуться, чтобы не выдать себя, особенно, если на ней шелковая блузка. Значит, труп нужно завернуть во что-то, так? А для этого нет ничего лучше ее саржевого купального халата, если к тому же в карман сунуть носовой платок Глайнис Стакли, чтобы весь этот обман выглядел еще убедительнее.

Ну, а что же наверняка произойдет, когда в шесть часов придет гость, который знает ее привычки и решит, что дамы нет дома, так как она не отзывается?

Я вам отвечу: этот гость решит, что дама в павильончике. Где еще ей быть, если в хорошую погоду она ежедневно ходит купаться? Именно это и сказал юный мистер Ормистон, когда вы его там увидели. Однако он не пошел бы туда к ней, конечно, не пошел бы. Зато вы полетели бы туда, как стрела, доктор. Именно так вы и поступили.

Если она сможет сделать так, чтобы вы прибежали туда раньше нее, когда она, оцепеневшая от страха, но уже настроенная решительно, все еще находится в доме с трупом, то тогда этот обман удастся. Павильончик словно создан для этого.

Останься там мистер Ормистон, и у нее ничего не вышло бы. Однако он не остался там. Он ушел, вне себя от ярости. А даме нужно было сделать кое-что еще. Что именно, доктор?

Никто не ответил. Голос Твигга разносился по подвалу, словно по какой-нибудь пещере.

— Что это было, спрашиваю я вас. Она ведь не могла сказать, что весь день была дома. Это означало бы конец дня нее. Стало бы ясно, что она убийца. Так какой же очередной трюк позволил бы ей замести следы и подтвердить бы ее историю?

— Если вы имеете в виду велосипед...

— Да, доктор, я имею в виду велосипед. Где обычно его держат?

— В сарайчике у торцевой стены домика.

— Где именно у домика? Дверь этого сарайчика выходит прямо на газон, так ведь? И находится он на расстоянии не более семи метров от комнаты, где была убита ее сестра? Да или нет?

— Да!

— Она вывела из сарайчика велосипед и оставила его лежать в траве возле пляжа. Потом вернулась в комнату за трупом. Она, должно быть, выглядела, как безумная, именно так, как выглядит сейчас, но так и выглядит человек, за которым вот-вот придет палач. Она взяла труп и пошла с ним по песку от того места, где оставила велосипед.

Она шла за вами, доктор. В этом павильончике есть две комнатки. В обе одновременно вы не могли войти. И какую бы ни выбрали вы, она всегда могла выбрать другую. Песок был довольно утоптаный, и по нему нельзя было прочесть, какой тяжелый груз несла идущая женщина. Вы внутри не наделали много шума, как вы утверждаете. А она вообще не произвела никакого шума. Господи! Когда до меня наконец дошло, почему она не произвела шума, я готов был убить вас за то, что вы внушили мне чушь, будто бы она не могла быть внутри, так как там не осталось никаких следов песка, который должен был быть на подошвах. Что она сделала, когда подошла к ступенькам?

— Ну, возможно...

— Не стоит гадать. Я сам вам скажу. Она сняла туфли.

— Я думал...

— Там внутри, — продолжил Твигг, — там есть кое-что еще, и я скажу вам, что именно. Там есть большая парусиновая занавеска, прикрепленная перпендикулярно к стене между дверями в эти две комнатки. В прежние времена особы разного пола, идущие купаться, не видели друг друга, когда поднимались в свои кабинки. Если бы вы оглянулись или решили осмотреться по сторонам в любой из этих кабинок, вы не могли бы видеть, что леди Калдер входит в дверь другой кабинки или выходит оттуда.

Вам пришлось двигаться там медленно; внутри было темно, и вы в первые мгновения чувствовали себя неуверенно. Она же могла действовать быстро. Несколько секунд, этого будет достаточно! Несколько секунд, чтобы положить на пол свой приятный груз. И повесить купальный халат. А потом мгновенно выскользнуть обратно на ступеньки!

Там она снова надела туфли. И спустилась на песок. Если было необходимо скрыть два последних следа, которые она оставила, она просто прикрывала их подолом юбки до тех пор, пока вы не сбежали вниз по лестнице и не наделали кучу новых следов. Она приготовилась, выжидала и прислушивалась, а потом наконец позвала вас, и вы подошли к двери. Она с трудом переводила дыхание и была взволнованна. Но почему бы и нет? Она ведь скажет, что ездила на велосипеде. Она не собиралась говорить вам, что принесла труп сестры, которую задушила.

— Замолчите! — завизжала Бетти. — Прекратите! Если вам нужно мое признание...

— Бетти, молчи!

— Мне уже все равно. Я больше не вынесу этого.

— Ага! — вскричал Твигг. Его тяжелое дыхание постепенно успокаивалось; он повернул голову и посмотрел на Бетти. Потом сделал шаг по направлению к ней. — Барышня, — сказал он, потирая руки; его лицо выражало смесь равнодушия и презрения, — не думаю, что нам здесь нужно какое-то признание. Полагаю, что против вас уже достаточно доказательств. Впрочем, вы сами это предложили. А теперь, доктор, когда мы во всем разобрались, — он быстро повернул голову к Гарту, — давайте послушаем ваше признание.

— Признание в чем?

— Вы догадались, что она сделала, ведь так? Когда вы были в павильончике и стояли над трупом Глайнис Стакли, вы догадались, что сделала эта женщина, верно?

— Я обещал вам отвечать на вопросы. Однако я не обещал, что буду реагировать на какие-то туманные догадки. Задайте мне четкий вопрос или, ради бога, держите язык за зубами.

Твигг повернулся к нему.

Он внезапно принялся пристально разглядывать Гарта. Потом, тяжело ступая, вернулся к столу с мраморной столешницей.

— Вы догадались, что она фальсифицировала доказательства? Догадались, что она принесла труп в павильончик из домика?

— Да, я догадался.

— Ага! И на допросе несли несусветную ложь, потому что надеялись с помощью лжи защитить эту женщину?

— Да, я лгал.

— Ага! Готов поспорить на что угодно, что ей вы тоже говорили ту же самую ложь, играли друг перед другом комедию и даже друг другу не сказали правду.

— Не сказали. Даже друг другу.

Неожиданно показалось, что Твигг растерялся. Он посмотрел сначала на Бетти, потом опять перевел взгляд на Гарта.

— Почему вы продолжали вести себя так и заходили все дальше и дальше? Вы оба. Это ведь было нелегко, разве не так? Придумать все эти сказочки легко. Но теперь-то вам уже не так легко, когда вы знаете, что такое убийство, и понимаете, что вели себя, как сумасшедшие.

— К сожалению, это тоже правда, — сказал Гарт; тон его голоса изменился. — А теперь еще одно предупреждение, инспектор. Я недооценивал вас. Вы честный человек. Вы неплохой человек. Однако нет на свете ничего хуже вашего или моего тщеславия. И поэтому я еще раз прошу вас не слишком радоваться этой вашей победе.

— Ого! Вы то ли хвалите меня, то ли угрожаете! Теперь, когда мы знаем, что эта женщина преступница...

— А кто говорит, что она преступница?

— Не болтайте ерунду! Мы знаем, что она совершила убийство!

— А кто говорит, что она совершила убийство?

Гарт стоял замерев, словно к чему-то прислушивался. Его голова была повернута к открытой двери у него за спиной.

— Инспектор, — продолжил он, — вы первоклассный полицейский. Вас ничто не может запутать, если требуется установить, каким образом было совершено преступление. Однако вы совершенно упустили из виду мотив преступления. Вы все еще не обнаружили действительной причины, по которой была убита эта женщина.

— Так, значит, я не обнаружил это, да? Она была убита, потому что сестра не смогла больше ее выдержать.

— О нет! Все не так просто. И убийцей был мужчина.

— О боже! Вы хотите меня убедить, что в этих аферах с шантажом, которые проворачивала Глайнис Стакли, была замешана еще одна особа?

— Не совсем так, — сказал Гарт, — хотя связь имеется. Убийцей является мужчина, который уже много лет поддерживает сексуальную связь с Марион Боствик.

— С Марион Боствик? — вскричал Твигг.

— Прислушайтесь! — неожиданно сказал Гарт.

В подвале был кто-то еще, кроме них.

Гарт подошел к Бетти, обнял ее одной рукой и крепко прижал к себе. Твигг поднял голову.

Звуки, которые они слышали, в первый момент можно было принять за шлепанье крысиных лапок. Это был звук медленных шагов по неровному каменному полу, которые приближались со стороны лестницы в подвал. Шаги ускорились, когда до двери уже оставалось немного. Потом в двери появился вновь пришедший и остановился на пороге.

Его правая рука свисала вдоль туловища, но она сжимала пистолет марки «Эли». Он окинул взглядом всех присутствующих по очереди; глаза у него были раскрыты настолько широко, что были видны белые кружочки вокруг зрачков.

— Я тот мужчина, которого вы разыскиваете, — сказал полковник Селби. — Это я задушил женщину в домике на берегу моря. И никто другой не будет страдать из-за этого.

Он взял пистолет двумя руками, взвел курок, засунул ствол между зубов и во рту повернул его к небу. Твигг не успел помешать. Гарт не мог помешать, даже если бы и хотел. Ему хватило времени только на то, чтобы положить руку на шею Бетти и нагнуть ей голову. Поэтому Бетти не видела, что произошло, когда полковник Селби нажал на спусковой крючок.

Глава 19

Где-то далеко в ночи часы пробили один раз, когда инспектор Твигг, Каллингфорд Эббот и Дэвид Гарт входили в приемную Гарта на Харли-стрит, 316.

Гарт сразу же включил все четыре лампы в люстре. Их холодный свет падал на широкий письменный стол, черные кожаные кресла и каминную полку, на которой стояли бронзовые часы, а возле них с одной стороны фотография родителей Гарта в серебряной рамке, а с другой — фотография Бетти Калдер, тоже в серебряной рамочке. Комната была пропитана запахом медикаментов и антисептиков.

— Присаживайтесь, джентльмены, — сказал Гарт. — Я сам выбрал свою профессию. Она приносит сплошные неприятности. Однако сегодня ночью не принесла ни одной.

Он сел за письменный стол. Эббот занял просторное кресло напротив него. Твигг же, слишком взволнованный, принялся ходить взад-вперед, сжав кулак.

— Сексуальная связь, — повторял Твигг, — сексуальная связь! — Он выплевывал эти слова, словно хотел растоптать и полностью стереть их, так как они были слишком бесстыдными для того, чтобы позволить им существовать. Он никак не мог совладать с собой и прекратить повторять их. — Причем с миссис Боствик? Уже с того времени, когда ей было четырнадцать лет?

— Подумаешь! — иронически произнес Эббот, хотя по его моноклю было видно, что он тоже поражен. — Вы можете честно признаться, что у вас не было ни малейших подозрений?

— Сексуальная связь! О боже! Да ведь это же ненормально!

— Ничего подобного. Такие вещи случаются. Впрочем, весьма приятно узнать, что вы, полицейский с двадцатилетним опытом, еще с ними не встречался.

— Не встречался? Ха! Я встречался с этим даже слишком часто. Я начал в дивизионе «К», что означает Ист-Энд. Однако в высшем обществе...

Твигг замолчал. Эббот приподнял брови.

— Высшее общество! Это ненавидимое вами высшее общество!

— Я всего лишь хотел...

— У вас есть один маленький недостаток, милый Твигг. Вы считаете, что эти удивительные человеческие создания либо намного хуже, либо намного лучше, чем в действительности. Проявите чуточку милосердия. Поймите, что это проклятое высшее общество не очень отличается от вас.

— Доктор, — по хмурому лицу Твигга было видно, что он пришел в замешательство, — может быть, вы нам кое-что расскажете, а?

— Основные факты вам уже известны, инспектор. Так что рассказывать тут особенно не о чем.

— Да, основные факты, очевидно, известны, — с некоторой долей язвительности подтвердил Эббот. — Тем не менее остается еще рассказать почти обо всем. И ты прекрасно это знаешь.

— Хорошо, но я надеюсь, что это останется тайной. Полковник Селби мертв. А то письмо, которое я ему дал, никто, кроме него, не читал. Существует ли какая-нибудь причина, по которой об этом должен узнать Винс Боствик?

— Это останется тайной. Если бы полиция имела привычку рассказывать обо всем, что ей известно, многие люди не могли бы спокойно спать по ночам. И все же! Разумно ли это, разве это в интересах мистера Боствика?

— Не знаю. Мне бы очень хотелось это знать.

— Ты слишком молод, Гарт, чтобы помнить историю с наемным убийцей в 1876 году. Трагедия разыгралась только потому, что одна очень красивая молодая женщина не хотела разорвать свою связь с мужчиной, который был достаточно стар, чтобы годиться ей в отцы. В такой же ситуации была, насколько я понимаю, и миссис Боствик. Именно это явилось причиной трагедии.

— Отчасти да. Но только отчасти.

— Значит, есть еще и другие причины? Рассказывай!

Гарт откинулся на спинку кресла. Потом снова наклонился вперед, поставил один локоть на стол и прикрыл глаза рукой.

— Два года назад, — начал он, — мой лучший друг женился на восемнадцатилетней девушке. Эту девушку привез из Индии ее опекун, когда ей было четырнадцать лет, а ему в то время было (по моим подсчетам) около пятидесяти. Эта девушка обладала кое-какими качествами, которые вызывали смутную тревогу. Да и вообще, всю эту, скажем так, семью — полковника Селби, миссис Монтэг и их воспитанницу Марион — нельзя было назвать нормальной. Миссис Монтэг хотя и терпела в доме телефон, но не разрешила, чтобы их имена внесли в список абонентов. Свадьба состоялась в спешке и была плохо организована. Ни полковник Селби, ни миссис Монтэг не приняли участия в церемонии, которая состоялась в Хэмпстедском муниципальном совете.

Что-то здесь было не так. И связано это было с Марион. Мне вовсе не нужно было прибегать к помощи того, что Винс называет моими венскими взглядами, чтобы догадаться, что это имеет отношение к области секса. Намного позже я сказал Винсу, что об этом догадался бы любой опытный практикующий врач.

Хотя Винс очень любил свою жену, было очевидно, что они несчастливы и что она весьма неуравновешенна. Казалось, единственной уликой могли бы быть ее вечные однообразные намеки на то, как сильно ей нравятся «молодые» мужчины, однако это была неправда. Она столько раз в самых неподходящих обстоятельствах вставляла в разговоры замечания о «старых»

людях, когда речь заходила о любви и супружестве, что очень скоро мне все стало ясно. Мне пришла в голову мысль...

— Тебе пришла в голову мысль, не слишком ли она обращает на это внимание. Такая мысль уже пришла в голову одному психоаналитику задолго до этого венского профессора.

— Да. Это заметили и другие. Не нужно, чтобы это распространялось дальше. Марион, Винс и я были вместе на премьере «Веселой вдовы». После спектакля она, снова чем-то обеспокоенная, начала расспрашивать меня о моей работе. Она хотела знать, как бы я поступил, если бы ко мне пришел какой-нибудь человек и сказал, что она ненормальная и неуравновешенная и что ее нужно отправить в сумасшедший дом, чтобы она не совершила какого-нибудь убийства.

В начале следующей недели полковник Селби попросил, чтобы я назначил ему встречу, но так, чтобы он мог посоветоваться со мной как с врачом здесь, а не у себя дома в присутствии членов семьи.

— Он говорил о ней? — спросил Эббот.

— Нет, нет, — ответил Гарт. — Он хотел поговорить о себе.

— Поговорить о себе?

— Да. — Гарт откинулся на спинку кресла. — Даже теперь, когда полковник Селби мертв, я не выдал бы ни слова из того, о чем говорилось в этой приемной, если бы это не было необходимо полиции для того, чтобы объяснить преступление. Это был весьма обстоятельный разговор.

Этот человек был ужасно испуган, потрясен, он находился на грани нервного срыва. Он заявил, что хочет рассказать о гипотетическом случае, однако потом передумал и сказал, что речь якобы идет о каком-то его знакомом.

Такое вступление известно любому врачу, и часто врачи опасаются его. Когда пациент заводит разговор на какую-нибудь очень неприятную тему и начинает утверждать, что речь идет о гипотетическом случае или о случае, который произошел с кем-то другим, он почти всегда говорит о себе. Часто врачу требуется немало времени, чтобы добраться до правды.

Полковник Селби говорил о себе — о своих отношениях с Марион Боствик. Он был напуган. Он думал, что тяжело болен, что у него что-то не в порядке с головой, потому что он не способен порвать с женщиной, которая намного моложе его; потому что он с ней время от времени вступает в сношения, хотя много раз обещал себе не делать этого. Он был слишком добросовестен, педантичен, щепетилен... — Гарт выпрямился в кресле. — Не крути носом, — резким тоном сказал он, поскольку на лице Эббота промелькнуло знакомое выражение доброжелательной иронии. — Я говорю серьезно. Если бы он не был именно таким, он никогда бы не признался в убийстве Глайнис Стакли и не застрелился бы.

Несколько секунд было тихо.

— Извини, — наконец сказал Эббот. — Конечно, ты прав. Я сам не выношу плохого вкуса, хотя частенько и поддаюсь ему. Рассказывай дальше.

— Полковник Селби не мог знать, что подобное происходило со многими другими мужчинами, а не только с ним. Ведь до сих пор он жил в относительно (подчеркиваю, относительно!) простом мире, который рисует перед нами мистер Киплинг. Но самое главное, он не догадывался, что движущей силой, импульсом в этой сексуальной афере была сама девушка, Марион; именно она была виновна во всей этой неприятной истории и притом всегда оставалась безнаказанной.

Снова стало тихо.

— Об этом деле полковник Селби хотел поговорить со мной в пятницу. Он собрал всю свою смелость, чтобы рассказать мне об этом и в особенности о том, что ему и Марион угрожала шантажистка. Однако этот разговор был прерван. Его прервали два события, происшедшие одно за другим, однако тогда мое внимание привлекла лишь вторая помеха, она была гораздо более очевидной.

В холле зазвонил телефон. Мы слышали, как Майкл разговаривает с Марион. Он называл ее по имени, а она кричала что-то о каком-то непонятном несчастье или катастрофе. Полковник Селби вскочил, он еще сильнее разнервничался. Сказал, что продолжать разговор больше не может, и поспешно ушел. На него подействовало имя Марион, естественно, я сразу же это понял. Однако другое событие, на которое я тогда не обратил внимания, подействовало на него намного сильнее.

Эббот, он сидел в том кресле, в котором сейчас сидишь ты. Когда зазвонил телефон, полковник отвернулся от меня. Он смотрел в сторону камина. Еще до того, как было произнесено имя Марион, в полковнике произошла какая-то перемена. Когда он обернулся, его пальцы вцепились в поручни кресла. Оглянись, Эббот. Посмотри на камин и прежде всего на каминную полку. Что ты видишь?

Эббот повернул голову. Твигг, который по-прежнему ходил взад-вперед, остановился посреди приемной и тоже посмотрел в направлении, указанном Гарттом.

— Ах вот оно что! — присвистнул Эббот и тут же повернулся обратно. — Фотография Бетти Калдер в серебряной рамочке! Значит, ему могло показаться, что это...

— Вот именно. У человека, которого шантажировали, могло создаться впечатление, что это фотография Глайнис Стакли.

— Ага! — сказал Твигг и потер лоб рукой. — Ага!

— Я не могу утверждать, что у полковника возникло подозрение, будто бы в заговоре против него я тоже играю какую-то роль. Однако в любом случае он мог подумать, что у меня весьма странные друзья или родственники. Наверняка это заставило его спешно изменить свое решение довериться мне и честно рассказать обо всем.

В тот момент я еще не догадывался о существовании Глайнис Стакли. А о заговоре или шантаже мне вообще ничего не было известно. Поэтому поведение полковника Селби, несмотря на то, что я обратил на него внимание, я смог объяснить лишь спустя двадцать четыре часа.

То же относится и к другому событию, о котором упомянул полковник Селби вскоре после того, как вошел в приемную. В комнате ожидания кто-то оставил книгу, и, к несчастью, ею был роман «Чьей рукой?», который написал я. Он лежал там, раскрытый на титульном листе, и полковник Селби увидел книгу раньше, чем меня. В романе, как вам обоим известно, рассказывается о женщине, обладающей сверхъестественным очарованием и сверхъестественными способностями, оказывающей влияние на мужчину намного старше нее.

— Значит, он подумал, что в романе вы изобразили его? Или, вернее, автор романа.

— О нет! — сказал Гарт. — Во всяком случае не тогда. Об этом он подумал позднее.

— Как это, доктор? — пришел в недоумение Твигг.

— Если бы ему уже тогда пришло в голову нечто подобное, он вообще не стал бы меня ждать и дал деру. Или, по крайней мере, постарался бы не упоминать о книге. Однако полковник Селби не увлекался чтением книг. Осмотрите его кабинет, его холостяцкое жилье, которое выдает все самые тайные увлечения своего хозяина, и вы не найдете там никаких книг, кроме подшивок охотничьих журналов. Книгу, лежащую в комнате ожидания, он не читал. И даже если успел пролистать ее за то время, что ждал меня, то вряд ли смог составить себе представление, о чем в ней рассказывается. Он чувствовал лишь, что это странно, подозрительно (перепуганному человеку все начинает казаться странным и подозрительным) и раздражает его.

Что же касается меня, то я полагал, что поведение гостя подтверждает мою версию. Тайной полковника Селби была его страсть к Марион Боствик и ее страсть к нему. А об этом кто-то знал (кто?) и положил там мою книгу (зачем?), так чтобы полковник обнаружил ее. И положил ее там кто-то из живущих со мной в этом доме. С такими мыслями, от которых у него все перепуталось в голове, полковник в панике ушел из моей приемной.

Вплоть до того момента я ничего не слышал ни о какой шантажистке, ни о ее тактике. Однако вскоре все заговорили о ней. Вы, инспектор, обрушились на меня с утверждением, что этой шантажисткой является Бетти Калдер. А ты, Эббот, подтвердил мне это по телефону. И добавил, что у Бетти, очевидно, любовная интрижка с Винсом Боствиком. А потом кто-то попытался задушить миссис Монтэг.

Гарт замолчал.

На мгновение, в течение которого Твигг стоял, замерев в напряжении, а Эббот улыбался из-за стола, вспыхнула и запылала прежняя неприязнь.

— С учетом того, что нам сейчас известно, инспектор, — наконец сказал Гарт, — признаете ли вы уже, что той особой, которая едва не задушила миссис Монтэг, была сама Марион Боствик?

— Гм! А что мне остается? Однако вам тоже нужно кое-что признать, доктор. Теперь я могу сказать, что если вам кто-нибудь не по душе, то этому человеку очень трудно сладить с вами. Черт бы вас побрал! Раньше вы не говорили мне «инспектор». Вы называли меня «мистер Твигг»,

причем произносили это таким издевательским тоном, что меня это просто бесило. Вы признаете это?

— Охотно. О нападении на миссис Монтэг я упоминаю только для того, чтобы подчеркнуть, что происходило, когда в этом деле появилась Глайнис Стакли.

— Ну, хорошо, тогда все в порядке. Продолжайте, доктор.

— Эта загадочная Глайнис, которая получала почти такое же наслаждение от страданий людей, как и от денег, кого-то шантажировала. Кого? Этим человеком не был Винс Боствик; все пришли к единому мнению, что Глайнис вообще никогда не встречалась с Винсом. И, возможно, она не хотела, чтобы такой богатый человек, как Винс, платил ей за молчание о поведении какого-то другого человека.

Естественно, возникал логический вопрос: у кого эта шантажистка требует деньги и за что?

Все следы вели к дому в Хэмпстеде. Миссис Монтэг, которая чересчур болезненно считалась с условностями общества, в пятницу вечером отослала из дому всех слуг. Независимо от того, была Глайнис вечером в этом доме или нет, было ясно, что либо ее могли пригласить туда, либо она сама могла напроситься. Марион слишком точно описала, как была одета Глайнис, чтобы это могло быть вымыслом. Миссис Монтэг, очевидно, хотела устроить Марион очную ставку с Глайнис. А когда Глайнис не пришла, начала кричать, что Марион шлюха, и это едва не закончилось ее смертью. Полковник Селби, который, как полагали, был в своем клубе, на самом деле находился у меня и собирался посоветоваться со мной. Из всего этого следовал неопровержимый вывод, что двумя особами, которые стали жертвами шантажистки, являются Марион Боствик, жена богатого мужа, и полковник Селби, который во всем этом деле вел себя исключительно порядочно.

Потом, на следующий день, произошло убийство.

Я многое скрывал от вас, джентльмены...

— А, черт бы вас побрал! — вскричал Твигг. — Но я бы хотел услышать то, что имеет отношение к убийству. Вы пришли туда и обнаружили труп. Почему вам сразу же пришло в голову, что труп в павильончик был перенесен из домика? Как вы догадались, что это сделала леди Калдер? Как вам удалось так быстро все установить?

— Я ничего не установил.

— Ха-ха!

— Если бы вам когда-нибудь приходилось придумывать подобный случай для романа, инспектор...

Твигг поднял сжатые кулаки.

— Я говорю совершенно серьезно, — сказал Гарт, и его взгляд заставил Твигга остановиться. — Моей главной задачей было — и всегда будет — защищать леди Калдер. Погодите, сейчас я вам все объясню. — Он немного подумал. — Я пережил несколько ужасных секунд, когда обнаружил мертвую Глайнис Стакли и думал, что это Бетти. Я испытал облегчение и внезапную радость, граничащую с шоком, когда увидел, что это не она. У меня в подсознании начал возникать целый ряд ассоциаций относительно того, что я видел. Это не были осознанные понятия, так же как не являются осознанными те мысли, которые мелькают в голове, прежде чем нам удастся ясно представить себе, как все произошло.

Будь эти понятия осознанными, когда я переводил взгляд с мертвого тела на купальный халат, висящий на стене, и обратно, они бы наверняка развивались в следующем направлении: «А что, если это сделала Бетти?». Конечно, я знал, что она не могла совершить убийство, она не была способна на это. «Но если все-таки она это сделала, каким образом она сумела это осуществить?» Снаружи нет никаких следов, большая занавеска, отделяющая дверь в одну комнатку от двери в другую комнатку; эти факты неосознанно складывались в мозгу, привыкшем придумывать сюжеты детективных историй. И наконец, они дали мне объяснение, которое позднее оказалось верным, причем дали быстрее, чем требуется времени, чтобы я мог рассказать об этом.

В этот момент я протянул руку, дотронулся до чайника и отдернул ее, — причем разбил чашку, — так как услышал голос Бетти, громко произносящий мое имя. У меня было такое чувство, словно кошмарный сон внезапно стал явью. Если это действительно сделала она, то она должна быть именно там, где сейчас находится. Мою мысль подтверждал уже тот факт, что она не могла знать, что я нахожусь в павильончике, если бы не была там сама и не видела, как я вхожу туда.

Первое, что я увидел, был ее велосипед, лежащий именно там, где он бы лежал, если бы она действительно прибегла ко лжи, чтобы отвести от себя подозрения.

И потом я, человек, настолько искушенный, если говорить о детективных романах, в реальной жизни все испортил.

Несомненно, я должен был сразу же прогнать ее оттуда. Несомненно, я должен был заставить ее признаться; сказать ей о моих подозрениях, а уж если бы я заявил, что буду подтверждать ее ложь, мне следовало придумать какую-нибудь более эффективную ложь. Однако могу вам сказать только то, что, учитывая ее состояние, я полагал намного более важным успокоить ее, дать ей опору, просто добавить сил женщине, которая, после того что она сделала, находилась на грани нервного срыва. Поэтому я не только ей, но и полиции сказал несусветную ложь, которая пришла мне в голову.

— Ага! Вы сказали, что чай был еще горячий!

— Верно. Это могло свидетельствовать о том, если, конечно, мне поверят, что убийца побывал в павильончике, и что он задушил Глайнис Стакли там. Однако, оказалось, все это ни к чему. Вы и Эббот пришли слишком быстро. А упомянуть о чае нужно было тогда, когда он уже мог остыть, если бы даже был горячим. Я не могу обижаться на вас за то, что вы не поняли этого.

Твигг, уперев кулаки в бока, смерил Гарта взглядом с головы до пят.

— Послушайте, доктор, то, что я вам скажу, — произнес он. — Вы ошиблись. Признайтесь теперь, что вы ошиблись. Однако независимо от этого... — Твигг сделал глубокий вдох. — Господи, наверное, вы в самом деле думаете, что кроме вас никто ничего не замечает или что кроме вас никто не совершал глупых поступков ради женщины, если вы хоть на секунду усомнились в том, что я сумел это понять.

— Аминь! — сказал Эббот. — Однако меня интересует еще одна сторона этого дела.

Благодаря кому или чему ты пришел к выводу, что преступником должен быть полковник Селби?

— Благодаря тебе. Ты навел меня на эту мысль, когда в субботу, поздно вечером, мы с тобой беседовали в домике Бетти.

— Гм. Я уже думал об этом. Ты сказал, что я тебе кого-то напоминаю. Конечно, полковника Селби!

— Да. Однако напоминаешь, как я сказал, не своей внешностью. Ты среднего роста, а полковник Селби высокий. Полковник Селби ходил гладко выбритым, а у тебя усы, достойные даже наполеоновской гвардии. Полковник был лысоват, а у тебя густая шевелюра. Однако удивительное сходство было в другом.

Ты, Эббот, многие свои манеры перенял у сэра Эдварда Генри, который раньше служил в индийской полиции. Эта военная выправка, эта военная манера говорить, эта лаконичность, этот платок в рукаве. Ты куришь тонкие сигары и являешься членом Ориент-клуба, а ведь это клуб военных. Ты и полковник Селби напоминали друг друга и по манере одеваться, почти как денди. Однако прежде всего ни один из вас не возражал против насилия и вам обоим нравились женщины, которые были намного моложе...

— Секундочку! Погоди, погоди!

— Ну, ты, очевидно, можешь это опровергнуть?

— Независимо от того, опровергаю я это или не опровергаю, — сказал Эббот с язвительной учтивостью, — мне следует относиться к этому, как к комплименту. Очевидно, в твоём представлении, у покойного полковника Селби был замечательный характер?

— Замечательный? — повторил Гарт. — Вряд ли. Но он нравился мне. Не потеряй он голову и не соверши убийство, я бы помог ему, если бы он позволил. Однако именно потому, что мы здесь не читаем никаких нотаций, не станем приводить его в качестве образца мужчины определенного возраста. Именно в этом ключ к разгадке. Соблазнить четырнадцатилетнюю девушку, даже если физически она уже созрела, — это безответственно, жестоко и бессердечно. У девушки более чувствительного склада, чем Марион, — у которой вообще отсутствуют всякие чувства, кроме чувства самосохранения, — это вызвало бы необратимые расстройства психики. Да, ей все это нравилось, причем нравилось даже чересчур. Да, он сделал из нее движущую силу, настроенную продолжать связь, что бы ни происходило вокруг. И наконец, его преступление, когда он совсем потерял голову, очень понравилось ей, потому что она сама была склонна к насилию. Она ведь жаловалась (помнишь?), что большинство мужчин не обладают такими качествами. Кроме того,

помнишь, что произошло, когда в субботу вечером мы с тобой вдвоем беседовали в домике Бетти?

— Что именно ты имеешь в виду?

— Ты прохаживался взад-вперед перед камином и теми фотографиями в серебряных рамочках, стоящих на каминной полке. По чистой случайности я показал на фотографию, где были изображены Бетти и Глайнис. Ты обернулся и посмотрел на нее — точно так же, как это сделал полковник Селби у меня в приемной...

— Ага! Это заставило тебя вспомнить кое-что?

— Это было неясное воспоминание, которое я все время пытался уточнить. Потому что в прошлый раз он убежал от меня. Однако теперь у меня уже было достаточно данных для того, чтобы понять, какой у него характер. Если бы его что-нибудь сильно напугало, он убил бы без всяких колебаний. «Если бы у Бланш были подозрения...» — сказал он мне тогда в этой комнате. Ты понимаешь, он сам сказал мне об этом. Когда полковник Селби и миссис Монтэг были в субботу в Фэрфилде, они не поселились вместе, в одном доме. Тогда у миссис Монтэг были больше чем подозрения; к тому времени она наверняка уже все знала. Она остановилась у родственников. Он жил в отеле «Империал» и оттуда мог уйти к домику Бетти совершенно незаметно.

— Конечно. Если знал, что Глайнис находится там.

— Вспомни, что он мне сказал еще. Глайнис Стакли буквально приклеилась к Майклу Филдингу. Почему именно к нему? Главная причина, естественно, заключалась в том, что она хотела иметь шпиона в моем ближайшем окружении. Я был следующим в списке людей, которых она могла с удовольствием шантажировать; если, как она была уверена, уважаемый невролог поддерживает любовную связь с ее сестрой...

Однако у Глайнис была страсть мучить людей, и этой страсти она не сумела противостоять. Все свои жертвы она неустанно держала под бдительным наблюдением. Не делай она этого, какой прок был бы от этих ее интриг? От Майкла она могла вовремя узнать, что полковник Селби навестит меня в пятницу. Только Майкл мог положить в мою комнату ожидания роман «Чьей рукой?»

Полковник Селби не понял, что должна означать эта книга. Однако она думала, что он поймет. «Я все время слежу за вами», — напоминала она ему и полагала, что это так выведет его из равновесия, что он даже не поймет, кто устроил ему эту ловушку.

Она же уговорила Майкла подделать письмо, в котором сообщалось, что в шесть часов я буду в Фэрфилде. Это письмо должно было встревожить Бетти, удержать ее в состоянии, полном опасений, а тем временем явится Глайнис, чтобы насладиться этим зрелищем.

— Но как она узнала, что ты действительно приедешь туда в это время? А также, что туда в тот же день, но раньше, приедет полковник Селби?

— По моему мнению, — сказал Гарт, — полковник Селби уже решил убить ее.

— Гм! Это мне непонятно...

— Сейчас это станет понятно. В субботу вечером, как тебе известно, я должен был каким-то образом доказать то, что, казалось мне, защитит Бетти. Первой путеводной нитью мог быть разговор с Марион, который состоялся по ее инициативе в «Олене и перчатке».

Марион в самом деле напала на миссис Монтэг. А ее обожаемым возлюбленным был в действительности полковник Селби, хотя она и не упомянула его имя. Я не думал, что она лично принимала какое-либо участие в убийстве Глайнис Стакли, и не был до конца уверен, — тогда еще нет, — что это сделал полковник Селби. Наш разговор прервали шаги в коридоре, и Марион ошибочно полагала, что это шаги ее мужа. Поэтому я больше не узнал от нее ничего связного. Первая нить порвалась.

— Доктор, — прервал его хриплым голосом Твигг, — кто-то пытался задушить юного мистера Филдинга в бильярдном зале. Это тоже был полковник Селби? Ну-ну! Неужели миссис Боствик подбила его на это?

— Подбила, — ответил Гарт. — Однако полковник Селби, теперь еще больше чем когда-либо испугавшийся всего того, что он делал, уже не сумел довести дело до конца. Майкл мог увидеть — и он действительно увидел — лицо человека, напавшего на него. Однако к тому времени он уже испытывал такой страх, что ничего не рассказал. Так порвалась моя третья, и последняя, нить.

Он немного помолчал, глядя на столешницу, потом поднял глаза.

— Теперь я кратко изложу ход этих ужасных событий. Когда в пятницу вечером — было не очень поздно — я ушел из дома в Хэмпстеде, Марион и Винс еще оставались там. Вернулся полковник Селби, якобы из своего клуба. После нападения на миссис Монтэг обе жертвы шантажистки, полковник Селби и его воспитанница, собрались на важное совещание и обсудили, что нужно предпринять.

Допускаю, что все это лишь мои догадки. Однако это вполне вероятно.

Полковник Селби признался Марион, что был у меня, однако ничего не рассказал мне. Он упомянул и о заманчиво раскрытой книге в красном переплете. Если Марион вообще что-нибудь читает, то она читает любимые книги Винса. До этой минуты полковник Селби не имел понятия, о чем эта книга, но Марион знала это — и сказала ему.

Очевидно, она также призналась ему, что разозлилась на миссис Монтэг. Шантажистка, Глайнис Стакли, была все ближе и ближе. В любой момент их ситуация может закончиться катастрофой — достаточно было, чтобы кто-нибудь что-то неосторожно сказал или сделал, — если полковник Селби не предпримет энергичных действий.

Обстоятельства складывались таким образом, что еще можно было подготовить какой-нибудь план. Я сказал в присутствии Марион, что завтра вечером собираюсь навестить Бетти в Фэрфилде. Туда я мог приехать единственным поездом, который прибывал в Фэрфилд в 5.32. Между тем миссис Монтэг пришла в себя и потребовала, что ее увезли из этого дома. Она не боялась полковника Селби, ей нечего было его бояться; но он действовал на нее угнетающе. У нее есть родственники в Фэрфилде. Он может отвезти ее туда при условии, что не будет жить с ней под одной крышей.

Короче, почему на следующий день все были в Фэрфилде? Потому что полковник Селби думал, что если там соберется побольше невиновных, он сам спрячется среди них. А Глайнис Стакли нужно будет заманить в дом ее сестры и там убить.

Заманить? Как? Нужно прельстить ее чем-то.

Глайнис, как нам известно из рассказа Марион, в пятницу вечером была в Хэмпстеде, она сидела в кэбе и наблюдала за домом полковника. Больше всего на свете она желала знать, что там происходит. Она видела, как приехал я, потом Винс, а вслед за ним полиция.

Присутствие полиции, несомненно, заставило ее уехать. Куда?

Не забывайте, что она уговорила Майкла положить в комнате ожидания книгу специально для полковника Селби и подождать там, пока она не позвонит. Когда я был в Хэмпстеде, она считала, что может без всякой опаски ненадолго приехать на Харли-стрит. Она могла узнать, чем окончилась ее игра в кошки-мышки с полковником Селби; могла позвонить кое-кому из своих жертв в Хэмпстед и выяснить, что происходит в том оживленном доме.

Она позвонила с Харли-стрит и поговорила с полковником Селби, который уже разработал план действий. А если она ему не звонила, то наверняка он сам позвонил ей туда, где она снимала квартиру.

Он сказал ей, что завтра все едут в Фэрфилд. Перед таким соблазном Глайнис не могла устоять. Прежде всего она не могла не отреагировать на то, что я поеду туда днем, ближе к вечеру. Перед тем как уйти с Харли-стрит, она уговорила глупенького Майкла написать поддельное письмо. Останься они оба там дольше, обязательно встретились бы со мной, когда я вернулся домой. Однако они уже ушли (это видно по времени на штемпеле).

Результат всего этого вам известен.

Полковник Селби не собирался сваливать вину на Бетти. Она сама (признаем это) свалила на себя эту вину. Она была наверху в доме, когда пришел убийца и когда, никем не увиденный, ушел. А о том, что Бетти сделала потом, думаю, я не должен рассказывать повторно.

Твигг закашлялся и выглядел так, словно ему угрожала опасность задушить самого себя своим собственным воротничком.

— А как насчет миссис Боствик? — наконец спросил он. — Вам точно известно, доктор, что полковник Селби не разработал этот план совместно с ней? Что она его ко всему этому не подстрекала?

— Нет, точно мне это неизвестно, — сдержанно ответил Гарт. — Но, думаю, именно так и было. Полковник Селби относился к тем людям, которые считают, что всеми делами, включая убийство, должен заниматься только мужчина. Тем не менее в воскресенье...

— Ага! В воскресенье?

— Марион даже после ночного разговора со мной не считала, что я могу знать так много, чтобы представлять для нее какую-то опасность. Она никогда ничего о себе не расскажет, если это может подслушать кто-то третий. В этом отношении Марион гораздо более сильная личность, чем был ее возлюбленный. Однако она узнала, что в ее присутствии должны допросить Майкла, который мог знать правду, потому что ему было известно, в чем состоит значение той книги.

Припоминаешь, Эббот, как она ни с того, ни с сего ушла с нашего совещания в салоне отеля «Палас»? Она ушла не потому, что я хотел этого, как ты думал. Напротив! Я уже вот-вот собирался спросить ее об этой книге, однако не успел. Марион ушла, потому что выяснила, что Глайнис подчинила себе Майкла. А то, что знала Глайнис, наверняка известно и ее поклонникам. А то, что известно Майклу, мог вытянуть из него я. Тайна Марион — она ведь думала, что речь идет лишь о тайне ее прелюбодеяния, — внезапно оказалась в большой опасности.

Уже до этого она советовалась с полковником Селби. Он жил в отеле «Империал», по соседству с отелем «Палас», на Виктория-авеню. И еще кое-что! Когда я шел вниз в бильярдный зал, боковая дверь в конце коридора этого крыла отеля была закрыта, однако вскоре она уже оказалась приоткрытой. Через эту дверь кто-то проскользнул из одного отеля в другой.

Эббот что-то проворчал и сказал:

— Я помню, как она ушла. Так, значит, миссис Боствик наконец высказала вслух свои мысли? И спокойно потребовала от убийцы Глайнис Стакли, чтобы он заставил замолчать Майкла Филдинга? Но ведь для этого у нее уже должны были быть хотя бы какие-нибудь подозрения?

— Верно. Подозрения у нее уже были. Думаю, эти подозрения были у нее еще во время ночного разговора со мной в номере гостиницы. Полковник Селби попытался исполнить ее желание, однако на этот раз не смог довести дело до конца. Существуют ведь определенные границы.

— Насчет границ, — пробормотал Эббот, — это еще вопрос.

— Это был вопрос и для меня, — сказал Гарт. — Майкла напугали до такой степени, что я не мог заставить его говорить. Совершенно очевидно, что он не проговорился бы ни за что на свете. Ты сказал мне, что на следующий день состоится предварительное разбирательство; что Бетти, возможно, посадят в тюрьму. Я был в отчаянии. И только вчера ночью мне пришло в голову, что только полковника Селби можно заставить говорить.

Совесть уже не давала ему ни секунды покоя. Это было ясно по его попытке заставить замолчать Майкла. Его кодекс чести позволял сделать множество вещей; можно поддерживать связь с замужней женщиной и можно совершить убийство. Однако нельзя заставить страдать невинного и нельзя даже и мысли допустить о том, чтобы могла страдать женщина.

Вы оба уже знаете, что я сделал. Я решил поговорить сегодня с ним и с миссис Монтэг, чтобы он понял, что у меня имеется достаточно доказательств. Я написал подробное письмо обо всем, что знал или думал, что знал. Я отдал ему это письмо в присутствии третьих лиц и туманно намекнул о том, что мне известно. Попрошу его передать это письмо миссис Монтэг, хотя на самом деле письмо предназначалось именно ему. Конечно же, он прочтет это письмо первым. Если то, о чем я думаю, неправда, полковник сразу же прибежит обратно и скажет мне об этом. Если же я прав...

Я надеялся, что Майкл расскажет мне намного больше и поможет опознать напавшего на него человека. Однако тут мне не повезло. Впрочем, в этом не было необходимости. К счастью (если можно, конечно, так выразиться в данном случае), в это ужасное дело оказалась замешана женщина, которую я имею честь безумно любить. Это я должен был подчеркнуть, когда говорил в присутствии полковника Селби. А вас, инспектор, я должен был заставить, чтобы вы предъявили свое обвинение полностью, вплоть до самых убедительных обстоятельств. Я должен был быть уверен, что полковник пойдет за мной. И потом мне осталось только ждать.

Вторично с тех пор, как Гарт встретился с Твиггом, лицо у того стало почти бесцветным.

— О господи, доктор! Да у вас ведь не было вообще никаких доказательств! Вообще никаких доказательств для присяжных!

— Не было. Именно поэтому я вынужден был поступить таким образом.

— А если бы что-нибудь не удалось? Ведь этот дом был настоящим арсеналом огнестрельного оружия. Ну что, если бы у вас что-нибудь не удалось?

— Спросите любого хирурга, инспектор, что случится, если он начнет думать обо всем, что может не удаться во время операции. Ведь тогда не удалось бы сделать ни одной операции.

— И вы начали выдвигать обвинения против него, — сказал Твигг, — именно в тот момент, когда он, с пистолетом в руке, подошел к двери!

Твигг замолчал и нахмурился. Он сделал несколько шагов в сторону камина и тут же вернулся обратно. Сдвинул котелок еще дальше на затылок.

— Доктор, — сказал он голосом, в котором чувствовалась подавляемая ярость, — сегодня вечером вы сказали обо мне очень много. Причем сказали это мне прямо в лицо.

Гарт инстинктивно напрягся.

— Ну? Что, если я в самом деле сказал вам это?

— Понимаете, мы с вами всегда будем расходиться во мнениях. И из вас никогда в жизни не получился бы хороший полицейский. Ну да Бог с ним, со всем этим! А что, если вы еще разок предложите мне сигарету из вашего портсигара? По-моему, вы все же неплохой парень.

КАПКАН ДЛЯ ПРИЗРАКА
✠
ЛЮБОВНИЦА
ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ
✠
УБИЙСТВО В АНТИЧНОМ
СТИЛЕ
✠

Уникальная способность придумывать острые захватывающие сюжеты, основанные на классических загадках типа „запертой комнаты”, богатейшем историческом материале, напряженное действие, самые невероятные хитросплетения различных интриг, драматических событий, загадки и неожиданные развязки отличают произведения известного американского мастера детективного жанра Джона Диксона Карра. Навеванные мистикой, сентиментальностью, они будоражат воображение читателя, дают почву для собственных догадок и предположений.